

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

4

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

4

С О - Ц Э К Г И Э
1938

Сталинская конституция в действии

(К итогам выборов в Верховные Советы союзных и автономных республик)

Избирательная кампания по выборам в Верховные Советы союзных и автономных республик блестяще завершена.

Дни выборов — 12 июня в Грузинской и Армянской ССР, 24 июня в Азербайджанской, Туркменской, Узбекской, Таджикской, Казахской и Киргизской ССР, 26 июня в РСФСР, в Украинской и Белорусской ССР — прошли как грандиозные народные праздники. Выборы явились демонстрацией сплоченности трудящихся и огромной, беспредельной любви советского народа к своей родине, к своей партии, к вождю народов — великому Сталину.

Это были свободные выборы свободных народов. Выступая перед избирателями накануне выборов в Верховный Совет СССР, товарищ Сталин говорил:

«Это действительно всенародный праздник наших рабочих, наших крестьян, нашей интеллигенции. Никогда в мире еще не бывало таких действительно свободных и действительно демократических выборов, никогда! История не знает другого такого примера. Дело идет не о том, что у нас будут выборы всеобщие, равные, тайные и прямые, хотя уже это само по себе имеет большое значение. Дело идет о том, что всеобщие выборы будут проведены у нас как наиболее свободные выборы и наиболее демократические в сравнении с выборами любой другой страны в мире»¹. Эта характеристика в полной мере относится и к выборам в Верховные Советы союзных и автономных республик.

Такие выборы могли быть осуществлены лишь в СССР — в стране, где уничтожена эксплуатация человека человеком, в стране победившего социализма, где Конституция является выражением завоеванного и прочно закрепленного.

Ни одна капиталистическая страна с буржуазно-демократическими порядками, не говоря уже о фашистских странах, не знает и не может знать подобных выборов. Ибо в буржуазных государствах существует эксплуатация трудящихся капиталистами и помещиками, а конституции и избирательные законы являются выражением воли эксплуататорского меньшинства. Свободных выборов в странах капитализма не было и быть не может.

В выборах в Верховные Советы союзных и автономных республик участвовал весь советский народ. Свободное участие в выборах и свободное волеизъявление обеспечены и свято охраняются Сталинской Конституцией — великой хартией освобожденных от эксплуатации народов СССР.

Выборы в Верховные Советы были ярким выражением политической, государственной активности советского народа. Результаты выборов являются лучшим свидетельством поистине грандиозных побед совет-

¹ И. Сталин. Речь на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа гор. Москвы, 11 декабря 1937 г., Партиздат, 1937, стр. 8.

ского народа, победы сталинского блока коммунистов и беспартийных. В выборах в Верховные Советы союзных республик приняло участие 93 009 333 чел., т. е. почти на 2 млн. чел. больше, чем в выборах Верховного Совета СССР. Процент участия избирателей в выборах был чрезвычайно высок: 96,8% — при избрании Верховного Совета СССР и 99,3% от общего числа избирателей при выборах Верховных Советов союзных республик. Такой политической активности народа не знала ни одна страна в мире!

Советский народ единодушно, с энтузиазмом голосовал за кандидатов Сталинского блока коммунистов и беспартийных. При выборах Верховных Советов союзных республик за кандидатов блока коммунистов и беспартийных голосовало 92 455 147 чел., что составляет 99,4% всего числа участвовавших в выборах. Сталинский блок коммунистов и беспартийных одержал блестящую победу во всех союзных и автономных республиках. Народы Советского Союза единодушны в своей безграничной преданности делу Ленина — Сталина, делу социализма. Результаты выборов убедительно подтверждают это.

Итоги выборов в Верховные Советы союзных республик

Союзные республики	Общее число избирателей	Приняло участие в голосовании	В % к общему числу	Голосовало за кандидатов блока коммунистов и беспартийных	В % к числу участвовавших в голосовании	Число избранных депутатов
Российская СФСР	60 368 858	59 936 715	99,30	59 542 993	99,30	727
Украинская ССР	17 536 486	17 467 909	99,62	17 387 683	99,55	304
Белорусская ССР	3 040 710	3 030 149	99,65	3 005 609	99,19	273
Азербайджанская ССР	1 572 346	1 562 396	99,36	1 556 012	99,59	310
Грузинская ССР	1 898 041	1 883 608	99,20	1 876 391	99,60	237
Армянская ССР	611 649	605 907	99,06	603 469	99,6	256
Туркменская ССР	655 722	652 763	99,55	651 213	99,8	226
Узбекская ССР	3 437 225	3 366 375	97,93	3 352 081	99,57	395
Таджикская ССР	764 483	760 606	99,50	757 924	99,64	282
Казахская ССР	2 987 846	2 963 033	99,20	2 948 868	99,5	300
Киргизская ССР	793 966	779 873	98,23	772 904	99,1	284

Выборы показали всему миру братскую дружбу народов СССР, моральное и политическое единство советского народа в целом. Это единство является основой несокрушимой мощи социалистического государства рабочих и крестьян.

Отдавая свои голоса кандидатам блока коммунистов и беспартийных, народы Советского Союза голосовали за великое дело социалистического преобразования страны, вдохновителем и организатором которого является партия большевиков, ее вождь товарищ Сталин. Народы Советского Союза голосовали за социализм, за коммунистическую партию, за Сталина, демонстрируя этим слияние двух непобедимых сил современности — народа и коммунизма.

Могучее сплочение народов нашей великой социалистической родины вокруг партии Ленина — Сталина, блестящая победа на выборах сталинского блока коммунистов и беспартийных является результатом гигантских побед социализма в нашей стране. Эти победы достигнуты под руководством героической большевистской партии. Они добыты в беспощадной борьбе против врагов социалистического строительства, врагов народа.

Социалистическая система хозяйства безраздельно господствует в нашей стране. Доля социалистического хозяйства составляла уже в

1936 г. 99,1% в народном доходе и 98,7% — в производственных фондах всего народного хозяйства. В результате победы Великой Октябрьской социалистической революции, социалистического преобразования страны и уничтожения эксплуатации человека человеком утвердилась социалистическая собственность на орудия и средства производства. Эта социалистическая собственность на орудия и средства производства является незыблемой экономической основой нашего государства.

Наша родина — могущественная социалистическая индустриальная держава. Трудящиеся нашей страны под руководством партии Ленина — Сталина создали передовую социалистическую индустрию, обеспечивающую дальнейший подъем всей экономики страны, повышение материального и культурного уровня трудящихся, укрепление обороноспособности первого в мире социалистического государства. Об огромных победах в деле создания и укрепления социалистической экономики свидетельствует хотя бы тот факт, что в настоящее время годовой объем выпускаемой валовой продукции всей крупной промышленности достигает почти 100 млрд. руб. (в ценах 1926/27 г.).

Наша родина — страна социалистического, самого крупного и передового в мире сельского хозяйства. Старая деревня с ее 25 млн. мелких раздробленных индивидуальных крестьянских хозяйств, нищая, темная, ушла в прошлое. Под руководством партии большевиков создана новая деревня с 250 тыс. колхозов, с 4 тыс. совхозов и более 5,6 тыс. МТС. На долю социалистического земледелия уже в 1936 г. приходилось 99,1% всех посевных площадей, обрабатываемых крестьянством. Коллективизация сельского хозяйства в основном завершена.

Победа колхозного строя в деревне обеспечила быстрый подъем производительных сил сельского хозяйства. Социалистическое сельское хозяйство из года в год повышает темпы роста продукции.

Социалистическая переделка сельского хозяйства и укрепление колхозов открыли невиданные возможности для приложения науки к сельскому хозяйству, для подчинения природы человеку. Обильные урожаи 1937 и текущего 1938 г. — прямой результат огромных побед, которых добилась партия в деле социалистического преобразования сельского хозяйства и организационно-хозяйственного и политического укрепления колхозов.

СССР покрылся сетью новых железнодорожных магистралей, каналов и автомобильных дорог, создана густая сеть линий воздушного сообщения. Социалистический транспорт, играющий огромную роль в развитии хозяйства, культуры и в укреплении обороны страны, ныне представляет собой мощную отрасль народного хозяйства. Под руководством сталинского наркома т. Л. М. Кагановича железнодорожники систематически перевыполняют план погрузки. Славный друг народа т. Н. И. Ежов уверенно ведет на подъем водников.

Из года в год развивается советская торговля, обслуживая все возрастающие потребности народов социалистического государства.

Одной из величайших побед социализма является неуклонный рост материального благосостояния и подъем культуры народов СССР. В 1937 г. народный доход, который идет в нашей стране целиком в распоряжение трудящихся и их социалистического государства, достиг почти 96 млрд. руб. (в неизменных ценах 1926/27 г.) (в 1913 г. — 21 млрд. руб. в тех же ценах).

Воспитаны новые люди, замечательные кадры социалистической промышленности, транспорта, сельского хозяйства. Могучим потоком разлилось по стране стахановское движение — движение за высокую социалистическую производительность труда. И на этом главном

фронте соревнования с капитализмом — на фронте борьбы за высокую производительность труда достигнуты громадные победы.

Подлейшие наймиты фашистских разведок, троцкистско-бухаринские шпионы, вредители, диверсанты нанесли немалый ущерб многим отраслям социалистического хозяйства. Славная советская разведка разоблачила и разгромила основные вражьи гнезда.

К руководству выдвинуты новые кадры молодых, талантливых людей, до конца верных партии Ленина — Сталина, преданных социализму. Они овладевают сложной работой, и первые результаты налицо. Темпы выполнения плана из месяца в месяц повышаются.

С громадным подъемом размещается заем первого года третьей сталинской пятилетки — в этом лучшее доказательство того, как горячо вся советская страна поддерживает все начинания партии и правительства.

Социализм, являющийся сейчас уже не мечтой, а действительностью сегодняшнего дня, вошел в повседневный быт народа. Именно за социализм голосовали народы, населяющие нашу необъятную социалистическую страну, когда отдавали свои голоса кандидатам Сталинского блока коммунистов и беспартийных в дни выборов в Верховный Совет СССР и в Верховные Советы союзных и автономных республик.

В Верховные Советы одиннадцати союзных республик избрано 3 594 депутата, являющихся кандидатами блока коммунистов и беспартийных. Это государственные деятели нового типа, которых не может иметь и не имеет ни один парламент, ни одно выборное учреждение буржуазных стран. Депутаты Верховных Советов — действительно народные избранники, облеченные полным доверием народа. Это — его лучшие сыны и дочери, стоящие в первых рядах строителей социализма.

Первым депутатом Верховных Советов всех союзных и автономных республик народы СССР избрали товарища Иосифа Виссарионовича Сталина — лучшего боевого соратника великого Ленина, гениального продолжателя дела Маркса — Энгельса — Ленина. Имя Сталина является знаменем и символом всех побед социализма, надеждой и гордостью всего трудящегося человечества.

В состав Верховных Советов республик избраны также ближайшие соратники товарища И. В. Сталина — товарищи В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов, М. И. Калинин, Л. М. Каганович, А. А. Андреев, А. И. Микоян, Н. И. Ежов, А. А. Жданов.

Депутатами Верховных Советов союзных и автономных республик избраны выдающиеся деятели всех областей социалистического труда. Это — воспитанные партией большевиков замечательные люди нашей эпохи, люди честного, самоотверженного труда, сильные, мужественные, скромные, беззаветно преданные народу, партии Ленина — Сталина, преданные нашей могучей социалистической родине. В числе депутатов — знатные люди рабочего класса: стахановцы токари и слесари, лигейщики и кузнецы, машинисты и каменщики, ткачихи и прядильщицы. Среди депутатов — знатные люди колхозного крестьянства: передовые колхозники и колхозницы, мастера социалистического земледелия и животноводства, новаторы в деле преобразования природы. Депутатами избраны знатные деятели социалистической науки и искусства, передовые люди советской интеллигенции. Это — ученые, чьи имена известны всему миру, лучшие народные учителя и учительницы, талантливые инженеры и техники, врачи, артисты, архитекторы.

Народы СССР избрали в Верховные Советы союзных и автономных республик лучших бойцов, командиров и политработников Рабо-

че-крестьянской красной армии и Военно-морского флота, доблестных пограничников, славных работников железной советской разведки, овеянных славой летчиков.

Избирая кандидатов блока коммунистов и беспартийных народ дал своим избранникам наказ работать так, как указывал товарищ Сталин.

«Избиратели, народ — указывал товарищ Сталин — должны требовать от своих депутатов, чтобы они оставались на высоте своих задач, чтобы они в своей работе не спускались до уровня политических обывателей, чтобы они оставались на посту политических деятелей ленинского типа, чтобы они были такими же ясными и определенными деятелями, как Ленин, чтобы они были такими же бесстрашными в бою и беспощадными к врагам народа, каким был Ленин, чтобы они были свободны от всякой паники, от всякого подобия паники, когда дело начинает осложняться и на горизонте вырисовывается какая-нибудь опасность, чтобы они были также свободны от всякого подобия паники, как был свободен Ленин, чтобы они были также мудры и неторопливы при решении сложных вопросов, где нужна всесторонняя ориентация и всесторонний учет всех плюсов и минусов, каким был Ленин, чтобы они были также правдивы и честны, каким был Ленин, чтобы они также любили свой народ, как любил его Ленин»¹.

Избранники советского народа являются государственными деятелями ленинско-сталинского типа.

Великая Сталинская Конституция определила государственное устройство Союза ССР как единого союзного государства, образованного на основе добровольного объединения одиннадцати равноправных советских социалистических республик. Такое государство сложилось в результате победы социалистической революции и установления диктатуры рабочего класса, в результате претворения в жизнь ленинско-сталинской национальной политики.

СССР — единое союзное социалистическое государство рабочих и крестьян. Союзные республики — равноправные, суверенные государственные образования. Их суверенитет ограничен лишь в пределах тех вопросов, которые подлежат ведению Союза советских социалистических республик в лице его высших органов власти и органов государственного управления. Вопросы эти определены 14 статьей Конституции СССР. Вне этих пределов каждая союзная республика самостоятельно осуществляет государственную власть. На страже суверенных прав союзных республик стоит весь Советский Союз в целом.

Великая Октябрьская социалистическая революция освободила народы царской России от колониального рабства и национального угнетения. Под руководством партии большевиков, с помощью русского рабочего класса, было осуществлено подлинное возрождение народов нашей страны — украинцев, белоруссов, азербайджанцев, грузин, армян, туркмен, узбеков, таджиков, казахов, киргиз, татар, башкир, калмыков и других. В национальных республиках происходит невиданный расцвет народного хозяйства и культуры.

Выборы в Верховные Советы союзных и автономных республик были подлинным праздником возрожденных народов. И всюду народные торжества проходили под знаком безграничной любви к человеку, который обеспечил народам СССР свободную, счастливую, радостную жизнь в единой дружной братской семье, — к великому Сталину.

¹ Речь на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа гор. Москвы 11 декабря 1937 г. Партиздат, 1937, стр. 12.

Наши союзные и автономные республики расцвели на основе победы социализма.

Первой среди равноправных союзных республик является Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика. Она занимает ведущее место по территории и населению, по своему экономическому и культурному значению.

В РСФСР обеспечено всестороннее хозяйственное и культурное развитие всем народам. Убогая и отсталая Россия стала теперь передовой и мощной республикой. Продукция крупной промышленности РСФСР составила в 1936 г. 56,5 млрд. руб., увеличившись в 7,8 раз по сравнению с 1913 г. Созданы новые очаги социалистической индустрии, как например, Магнитогорск, Сталинск и многие другие. Преобразились старые промышленные центры — Москва, Ленинград, Горький и другие. Русское крестьянство объединено в колхозы, имеющие мощную базу механизации в лице МТС. Расцветает русская культура, язык, литература, театр, музыка.

Великий русский народ, составляющий подавляющую часть населения РСФСР, под руководством коммунистической партии, ее вождей Ленина и Сталина, сыграл выдающуюся роль в осуществлении Великой Октябрьской социалистической революции, в освобождении народов царской империи от цепей колониального рабства и национального угнетения. Большевицкая партия и ее гениальные вожди Ленин и Сталин всегда высоко ценили ведущую роль и революционные традиции русского народа и его передовой части — русского рабочего класса. В. И. Ленин писал:

«Чуждо ли нам, великорусским сознательным пролетариям, чувство национальной гордости? Конечно, нет! Мы любим свой язык и свою родину, мы больше всего работаем над тем, чтобы ее трудящиеся массы (т. е. $\frac{9}{10}$ ее населения) поднять до сознательной жизни демократов и социалистов... Мы полны чувства национальной гордости, ибо великорусская нация та же создала революционный класс, та же доказала, что она способна дать человечеству великие образцы борьбы за свободу и за социализм... И мы, великорусские рабочие, полные чувства национальной гордости, хотим во что бы то ни стало свободной и независимой, самостоятельной, демократической, республиканской, гордой Великороссии, строящей свои отношения к соседям на человеческом принципе равенства, а не на унижающем великую нацию крепостническом принципе привилегий»¹.

Народы СССР с чувством глубокой признательности и братской дружбы относятся к великому русскому народу, к русскому рабочему классу, создавшему под руководством вождей трудящихся — Ленина и Сталина — партию большевиков. На лучших революционных традициях русского рабочего класса воспитаны гениальные вожди большевицкой партии Ленин и Сталин. Народы СССР гордятся славными революционными традициями русского рабочего класса, впервые поднявшего красное знамя социалистической революции и показавшего всем народам мира путь к освобождению от капиталистического ига. Вот почему все народы нашей страны выражают любовь и уважение к великому русскому народу, к русскому рабочему классу и героической большевицкой партии.

Национальные республики достигли выдающихся побед в социалистическом строительстве благодаря огромной помощи со стороны РСФСР — этой наиболее мощной союзной республики.

Великая Октябрьская социалистическая революция освободила

¹ Ленин, Соч., т. XVIII, стр. 81—82.

украинский народ от эксплуатации иностранных и русских капиталистов, русских, польских и украинских помещиков. Революция превратила Украину в мощную индустриальную социалистическую республику. УССР — первая угольно-металлургическая база Советского Союза. Она дает хозяйству СССР уголь, металл, разнообразные машины, продукты химической промышленности и т. д. Продукция крупной промышленности УССР составила в 1936 г. 14,6 млрд. руб., увеличившись в 6,9 раз по сравнению с 1913 г. Украина — крупнейшая житница СССР, один из основных районов пищевой промышленности. За годы существования советской власти расцвела пышным цветом украинская культура, национальная по форме, социалистическая по содержанию.

В корне преобразилась Белорусская ССР — форпост социализма на западе — бывшая колония русского царизма. В БССР заново создана социалистическая индустрия, продукция которой составила в 1937 г. 2 млрд. руб., увеличившись в 28 раз по сравнению с 1913 г. Крайне примитивное сельское хозяйство заменено ныне передовым крупным социалистическим хозяйством. Оно дает стране помимо зерновых хлебов картофель, лен, коноплю, продукты животноводства. Белорусский народ высоко поднял свою культуру, родную и близкую народам СССР.

Преобразились и республики Закавказья: Азербайджанская, Грузинская и Армянская ССР. Бывшие царские колонии, в которых царизм разжигал национальную вражду, натравливая народы Закавказья друг против друга, превращены благодаря Великой Октябрьской социалистической революции в передовые социалистические республики, в которых трудящиеся народы живут единой дружной семьей. Все они имеют ныне мощную индустрию, продукция которой составила в 1936 г. в Азербайджанской ССР — 2,1 млрд. руб. (увеличение по сравнению с 1913 г. в 5,4 раза), в Грузинской ССР — 798 млн. руб. (увеличение соответственно в 18,6 раз), в Армянской ССР — 180 млн. руб. (увеличение соответственно в 12 раз). Республики Закавказья дают хозяйству СССР нефть, ферро-марганец, машины, цветные металлы, каучук и т. д.

Сельское хозяйство республик Закавказья снабжает население всего Советского Союза плодами субтропических растений, чаем, вином и т. д.

Возрожденные народы Закавказья показывают яркие образцы неиссякаемого народного творчества, с любовью принимаемые всем советским народом.

Изменились до неузнаваемости республики Средней Азии — Туркменская, Узбекская, Таджикская, Казахская и Киргизская. Все они превратились в республики мощной индустрии, передового сельского хозяйства, быстро растущей культуры. К ним, форпостам социализма на Востоке, приковано внимание многомиллионных народов колониальных стран, стонущих под игом империализма.

На основе победы социализма преобразились и другие бывшие национальные окраины — ныне автономные республики и области.

Выборы в Верховные Советы союзных и автономных республик были грандиозной демонстрацией расцвета хозяйства, культуры всех народов СССР.

Прошедшие сессии Верховных Советов образовали правительства союзных и автономных республик, которые под руководством большевистской партии будут работать над дальнейшим укреплением хозяйственной мощи и обороноспособности нашей родины.

Наша родина вступила в период третьей пятилетки. Советская страна борется за дальнейший расцвет своей индустрии, своего социа-

листического сельского хозяйства, за подъем транспорта и товарооборота, за овладение высотами социалистической культуры на производстве и в быту. Важнейшим условием нашего продвижения вперед является повседневная борьба за высокую производительность социалистического труда на всех участках народного хозяйства — в промышленности, на транспорте, в сельском хозяйстве, в строительстве и т. д.

«Сегодня главное соревнование с капитализмом идет в хозяйственной области, и потому главным критерием (мерилом) в этом соревновании является производительность труда. Мы и здесь помним ленинское указание, что «производительность труда, это, в последнем счете, самое важное, самое главное для победы нового общественного строя»¹.

Выборы в Верховные Советы союзных и автономных республик проходили в обстановке огромного производственного подъема трудящихся нашей страны. Передовые люди социалистических предприятий и колхозов — стахановцы — показали новые образцы высокой производительности труда.

Новый производственный подъем должен быть закреплен. Он явится одним из факторов роста производительности труда миллионов тружеников социалистического государства.

Блестящая победа сталинского блока коммунистов и беспартийных в выборах Верховных Советов союзных и автономных республик имеет выдающееся международное значение. Эта победа является огромной моральной поддержкой для всех, кто самоотверженно борется против фашизма и его союзников, отстаивая свое право на свободную жизнь. Эта победа является грозным предостережением фашистам и милитаристам, с наглой откровенностью подготовляющим войну против Советского Союза, провоцирующим новую мировую войну. Победа сталинского блока коммунистов и беспартийных зовет народы мира к борьбе за мир против поджигателей войны, против угнетателей народов, — за коммунизм!

Блестящая победа сталинского блока коммунистов и беспартийных является сокрушительным ударом по врагам советского народа — троцкистско-бухаринским и буржуазно-националистическим наемникам фашизма, по их хозяевам из фашистских разведок. Продажные выродки пытались восстановить капитализм в нашей стране, расчленив нашу родину. Но они просчитались. Никогда и никому не удастся поколебать моральное и политическое единство советского народа, его любовь к своей родине, его героический социалистический патриотизм.

Эту любовь советского народа к Сталину, к своей родине, силу народа, его героический патриотизм и жгучую ненависть к врагам прекрасно передал народный певец Казахстана — Джамбул.

**Народ, как угес Ала-тау, могуч,
Народ, как прибой океана, могуч.
Народная мудрость яснее зори,
Народная сила, как солнце, горит,
Народная песня, как беркут, парит.**

**Нас буря не сломит, гроза не собьет,
Нас Сталин великий к победам ведет.**

¹ В. М. Молотов — К двадцатилетию Октябрьской революции, Партиздат, 1937, стр. 24.

Технический прогресс и культура производства в машиностроении

За годы сталинских пятилеток советское машиностроение прошло огромный путь технического развития. В небывало короткий исторический срок создана мощная техническая база. Наше машиностроение обладает сейчас таким многообразным и технически совершенным оборудованием, которое обеспечивает решение сложнейших задач в области техники и организации производства.

Буржуазно-помещичья Россия находилась в полной технической и экономической зависимости от более развитых капиталистических стран. Рахитичная, маломощная машиностроительная промышленность дореволюционной России не дерзала итти дальше постройки небольших паровых турбин, дизелей в 500—600 л. с., паровых котлов давлением в 12 атм, простейших поршневых и центробежных насосов низкого давления, карликовых компрессоров, маломощных неэкономных нефтяных двигателей и несложных подъемных 10—15-тонных кранов. Аграрная политика царской России, построенная на жесточайшей эксплуатации миллионов раздробленных мелких крестьянских хозяйств, ограничивала применение культурных орудий производства в сельском хозяйстве. В связи с этим техника сельскохозяйственного машиностроения той эпохи в своем развитии не шла далее одноконного и двухконного плугов, веялки и сортировки типа «Крестьянка», 9-10-рядной дисковой сеялки, ручной соломорезки и конно-ручной молотилки.

Нищенская заработная плата и жестокая эксплуатация капиталистами строительных рабочих и рабочих добывающей промышленности при разработке недр и при строительных работах исключали всякую возможность развития горного машиностроения. Кирка, лопата, кайло, топор, молоток — все это безраздельно властвовало в ту эпоху каторжного труда. Тяжелое и химическое машиностроение — эти основы обороноспособности страны — почти отсутствовали в царской России. Отсутствовало также автотранспортное и дорожное машиностроение. Слаба и немощна была довоенная русская электротехническая промышленность, заграничные компании «А. Е. Г.», «Сименс-Шукерт» и др. безраздельно властвовали на русском электротехническом рынке.

Прошло с тех пор только 20 лет, и волей победившего рабочего класса в единственной в мире стране социализма создана мощная, независимая машиностроительная промышленность, вышедшая на первое место в Европе и второе — в мире (после США). За годы двух пятилеток советское машиностроение выросло в 13,5 раза. Выпуск вагонов увеличился в 5 раз, выпуск паровых котлов — в 9 раз, дизелей — в 6 раз, паровых турбин — в 100 с лишним раз.

За один лишь 1936 г. выпущено 46 тыс. станков, в том числе свыше 1 000 станков самой сложной конструкции, вместо 1 500 простейших станков, выпущенных в 1913 г.

Создано мощное советское тяжелое машиностроение, производящее доменное, прокатное, дробильное, подъемно-крановое и т. п. оборудование. Это обеспечило мощное развитие черной и цветной металлургии, рудной промышленности.

Широко развитое сельскохозяйственное машиностроение дало возможность коренным образом реконструировать социалистическое сельское хозяйство.

Совершенно заново созданы десятки новых отраслей производства — самолетостроение, автостроение, производство комбайнов, мощных паровых котлов давлением в 60—100 атм, мощных паровых турбин и генераторов до 100 тыс. квт, врубовых машин, отбойных пневматических молотков, радиоаппаратуры и т. п.

За истекшие 20 лет в Советской стране построены по последнему слову техники новые гиганты тяжелого машиностроения (Уралмашзавод им. Серго Орджоникидзе и Краматорский завод им. Сталина), автомобилестроения (Горьковский автозавод им. Молотова и Московский автозавод им. Сталина), тракторостроения (ХТЗ, СТЗ, ЧТЗ), комбайностроения (Саратовский завод), станкостроения, инструментального производства, текстильного машиностроения и десятки других специализированных заводов. Полностью реконструирован весь старый производственный аппарат машиностроения.

Две пятилетки борьбы за овладение передовой машиностроительной техникой, за овладение культурой машиностроительного производства вырастили изумительные кадры хозяйственных руководителей, технических специалистов и рабочих-стахановцев, в совершенстве овладевших техникой производства. Из лучших стахановцев выковались тысячи прекрасных организаторов и руководителей производства. Смелое выдвижение талантливых, способных людей, выросших из недр рабочих масс, на командные должности создало исключительно благоприятные условия для творческой созидательной работы в цехе и на заводе.

Располагая самой мощной в Европе индустриальной базой, имея многомиллионную армию квалифицированных кадров, овладевших техникой, преданных делу социалистического строительства, делу партии Ленина — Сталина, советское машиностроение в состоянии построить любую, самую сложную, машину, поставить без всякой помощи со стороны любое, самое сложное, производство, дать самую высокую производительность труда и самое лучшее качество продукции. Советское машиностроение располагает в настоящее время всеми данными, для того чтобы овладеть новыми высотами техники и покончить с имеющимися многочисленными недостатками.

Медлить с освоением передовой техники машиностроения мы не имеем права, так как наша страна находится в капиталистическом окружении. Ни на один миг нельзя забывать о том, что враждебные силы готовят нападение на страну социализма и для этого они поручают своим наймитам и шпионам подрывать нашу промышленность, наше машиностроение — эту основу обороноспособности Страны Советов. За последние годы враги народа — троцкистско-бухаринские агенты фашизма, вредители и диверсанты немало навредили в машиностроении.

Славная советская разведка разоблачила основные вражьи гнезда, парализовала вражеские попытки нанести удар в спину советскому машиностроению. И теперь советская машиностроительная промышлен-

ность должна энергично и неустанно работать над ликвидацией последствий вредительства и выкорчевать до конца притаившихся еще в щелях врагов народа. Освободившись от всякой нечисти в своих рядах, машиностроители еще быстрее и успешнее будут осваивать высоты новой техники.

Мы не использовали еще всех возможностей в области освоения новой техники, организации новых производств и достижения высокой производительности труда. Товарищ Молотов в докладе на пленуме ЦК ВКП(б) 28 февраля 1937 г. указал: «Мы проводим техническую реконструкцию всего народного хозяйства, мы хотим внедрить и внедряем новую технику, передовые производственные методы, высшие современные производственные нормы. Мы движемся по этому пути вперед, но еще во многом отстаем от передовых по технике капиталистических стран. Чтобы быстрее овладеть всеми достижениями современной техники, мы должны подвергнуть нашу работу, наши достижения и успехи тщательной проверке, серьезной критике. Нельзя успокаиваться на имеющихся успехах, надо доискиваться причин, по которым мы еще во многих случаях далеко отстаем от передовых в технико-производственном отношении иностранных государств...»¹

Мировая техническая мысль весьма интенсивно работает сейчас над усовершенствованием машиностроительной техники. То, что сегодня является совершенным, завтра оказывается уже отсталым. В таких условиях и советскому машиностроению нельзя двигаться медленно. Необходимо быстро конструировать, еще быстрее экспериментировать над конструкцией и энергично осваивать новые конструкции, не останавливаясь на достигнутом, непрерывно идти вперед.

Блестящим примером решения этой задачи может служить замечательная работа, сделанная в 1936 г. в связи с приказом товарища Орджоникидзе Центральным вагонно-конструкторским бюро и двумя передовыми заводами советского машиностроения — Кировским и Харьковским паровозостроительным. Сложнейшие аварийные 75-тонные железнодорожные краны, насчитывающие свыше 20 тыс. деталей каждый, были сконструированы менее чем в месячный срок. Специальное конструкторское бюро Института промышленного транспорта требовало на эту работу 4 месяца. В производстве эти краны были также выполнены в неслыханно короткий срок.

Конструкция кранов была тщательно разработана во всех ее деталях. В период конструирования были намечены технологические процессы изготовления каждой детали и узла, задания по изготовлению частей этих сложных агрегатов для отдельных заводов, технические условия приемки каждого агрегата и график выпуска и сборки отдельных деталей, узлов и агрегата в целом. В процессе работ производилась техническая приемка по частям, а затем окончательный технический контроль. Выпущенные краны прекрасно выдержали испытание.

Не менее показателен пример из практики небольшого машиностроительного завода. Строительству гиганта цветной металлургии — Прибалхашстрою — потребовалась партия передвижных ударно-буровых станков типа «армстронг», не изготовлявшихся в Союзе. Специализированные заводы б. Главмашпрома уклонились от почетного задания — освободить страну от импорта столь необходимых для рудной промышленности станков ударного бурения. Выполнить это за-

¹ В. М. Молотов, «Уроки вредительства, диверсии и шпионажа японо-немецко-троцкистских агентов», Партиздат, 1937 г., стр. 33—34.

дание взялся небольшой Очерский завод (в Приуралье), основное производство которого — сенные прессы — было свернуто. Имея слабое конструкторское бюро, не располагая собственным стальным литьем и поковками, Очерский завод частью по чертежам, частью по готовому образцу взялся за производство сложной машины на гусеничном ходу. Настойчивость и упорство работников завода, кооперирование с рядом соседних заводов обеспечили успех.

Завод тщательно подготовился, коллектив был мобилизован, и результаты налицо: менее чем в годичный срок завод выпустил около 10 станков типа «армстронг», по качеству ничуть не уступавших американским станкам.

Большую роль в разворачивании творческой инициативы конструкторов, создания необходимых предпосылок для реализации смелых, прогрессивных технических идей играет умелое руководство технической политикой. Лучшим образцом в этом отношении может служить стиль работы сталинского наркома тяжелой промышленности товарища Л. М. Кагановича.

Трудно себе представить более тяжелую, трудоемкую работу, чем проходка глубоких шахтных стволов (до 500—1 000 м). Эта работа выполнялась до сих пор старыми, дедовскими методами — подрывкой породы и погрузкой ее лопатами в бады, выдаваемые машиной на поверхность. Почти полное отсутствие механизации при проведении этих тяжелых работ вело к тому, что за месяц проходили обычно 20—25 м шахтного ствола. Это задерживало работы по горизонтальным проходкам и подготовке новой шахты к эксплуатации на 1,5—2 года.

Товарищ Каганович сразу заметил отсталость этого участка горной техники. Лично ознакомившись со всеми предложениями в области механизации проходки шахтных стволов, внесенными за последние годы, товарищ Каганович издал 10 февраля 1938 г. приказ о создании первых мощных машинных агрегатов для комплексной механизации проходки шахтных стволов. Этот приказ открывает новую страницу в области механизации трудоемких работ по закладке шахт.

Товарищ Каганович в своем приказе предложил срочно начать конструктивную разработку лучших из предложенных машинных агрегатов и приступить немедленно к их изготовлению.

Конкретность этого приказа, строго установленные сроки проектирования, изготовления и испытания агрегатов для проходки, огромный интерес, проявленный к этому делу сталинским наркомом тяжелой промышленности, и смелый призыв его к разумному производственному риску — все это укрепило веру механизаторов и конструкторов в свои силы. Работа сразу закипела, и сложнейшие технические проекты оказались выполненными в весьма короткие сроки — в 1,5—2 месяца.

Грандиозный по своим масштабам, неведомый в практике самых передовых индустриальных капиталистических стран опыт комплексной механизации проходки глубоких шахтных стволов, несомненно, поведет к практическому разрешению в ближайшее же время сложнейшей технической проблемы. Закладка новых угольных и рудных шахт будет ускорена в 5—6 раз.

Подобный стиль руководства технической политикой должен быть усвоен всем огромным коллективом машиностроителей.

Приведенные примеры показывают, что у нас, в условиях широчайших возможностей для технического творчества и огромной поддержки со стороны партии и правительства, нет никаких объективных

причин, которые могли бы мешать успешному освоению производства новых конструкций машин. Но, к сожалению, на ряде предприятий у нас еще не изжиты косность и малоподвижность при освоении новейших конструкций.

Наше машиностроение освоило производство контактных электровозов для шахт. Однако широкому распространению этих электровозов на газоносных шахтах мешает опасность искрообразования. Иностранная техника не без успеха ведет борьбу с образованием искры при отклонении приемника от провода.

Всесоюзный угольный институт (ВУГИ) еще в 1936 г. начал работу над созданием электрического автомата для предупреждения искрообразования в контактных электровозах. Схема эта была детально разработана, одобрена и воспроизведена в 1936 г. в виде экспериментального образца. Но этот образец в течение продолжительного времени не был опробован из-за отсутствия... 80 кг обыкновенного провода. Когда удалось получить этот провод, был выпущен первый, правда, кустарно изготовленный Угольным институтом образец безопасного контактного электровоза. В 1937 г. Макеевский институт проверил этот образец. Правильность запроектированной институтом схемы автоматического выключения тока в моменты возможного искрообразования была полностью доказана. Но завод «Динамо», основной поставщик контактных электровозов, который, казалось бы, должен был подхватить эту новую идею, до сего времени отказывается осуществить ее, ссылаясь на загруженность новыми производствами. В результате мы вынуждены до сих пор пользоваться при шахтной откатке в газоносных шахтах тяжелыми, экономически менее выгодными аккумуляторными электровозами.

Шахтер-изобретатель т. Флусс разработал конструкцию погрузочной машины, работающей по принципу телескопических выдвижных транспортеров. В 1936 г. после ряда неудач заводом «Свет шахтера» был изготовлен экспериментальный образец. Испытание этого образца в эксплуатационных условиях дало удовлетворительные результаты: машина грузила из штабелей в вагоны до 80—100 т угля в час. В 1937 г. эта конструкция была допущена приемочной комиссией к опытному серийному производству. Но прошел год, а необходимая ряду отраслей народного хозяйства погрузочная машина не освоена. Харьковский завод «Красный Октябрь», которому поручено освоение производства этих машин, сейчас только приступает к выпуску первого промышленного образца телескопической погрузочной машины. Это один из примеров косности, неповоротливости, не изжитых еще среди многих наших хозяйственников.

В тех областях машиностроения, которые обеспечены твердыми производственными заданиями на 2—3 года (как например станкостроение), освоение новых типов станков ведется по строго определенному плану. Иначе обстоит дело на различных участках отраслевого машиностроения — горного, обогатительного, нефтяного, пищевого, частично химического машиностроения и др. В этих областях производства не всегда имеются твердые технические задания. Нередки случаи, когда заводы получают задания от строителей или пускаемых в эксплуатацию производств — от случая к случаю. Иногда для выполнения задания остается мало времени. В этих случаях машиностроительным заводам трудно заняться тщательным изучением задания, проверить правильность выбора типа машины. Заводы вынуждены воспроизводить предлагаемую заказчиком конструкцию или, что еще хуже, изготавливать заказанную машину по чертежам, разработанным самим заказчиком. В подобных условиях машиностроительный

завод может лишь выверять представленные на чертежах размеры и вносить конструктивные изменения, облегчающие изготовление заказанной машины на имеющемся у него оборудовании. Весьма часто выбор типа машины основывается на предложениях различных иностранных фирм, на рекламных показателях, каталогах и проспектах этих фирм. Еще чаще заказчик подбирает необходимый ему тип машины, руководствуясь имеющимися у него сведениями о работе этой машины, основанными на субъективном мнении мастеров или начальников цехов. Таким образом, машиностроитель оказывается в стороне от разработки и проектирования новых конструкций. Это — одно из крупнейших препятствий к успешному продвижению по пути технического прогресса. У машиностроителя снижается интерес к работе, он не задумывается над выбором лучших, технически наиболее совершенных конструкций, не чувствует ответственности за создание новых образцов машин.

Зачастую весь большой технический багаж, которым сопровождается освоение новой машины, — чертежи, модели, приспособления и т. п., остается втуне, ибо в другой раз для аналогичных целей без всяких к тому серьезных оснований предъявляется уже требование на другой тип машины. В результате весь огромный опыт освоения новой машины оказывается неиспользованным.

Борьба за технический прогресс и культуру производства выдвигает со всей остротой необходимость внедрения в практику машиностроительной промышленности принципа работы по твердому техническому плану, столь же обязательному, как и производственный план. Такова одна из основных задач советского машиностроения в третьем пятилетии. Для этого каждый машиностроительный главк, завод должен заблаговременно изучить весь ассортимент моделей и типов машин своей области, известных современной технике, а также новые течения в этой области техники. На основе такой предварительной подготовки конструкции лучших моделей должны быть разработаны, быстро проверены на опытных образцах и так же быстро выпущены первые промышленные образцы и первые серии новых машин. Только при этих условиях машиностроительный завод сможет занять ведущее положение, рекомендуя те или другие модели машин для тех или иных технических условий.

Но для осуществления подобного метода работы машиностроительный завод должен располагать необходимой базой. Между тем многие наши машиностроительные заводы, в особенности на участках индивидуального и серийного производства, пока еще не имеют ни достаточно сильных конструкторских бюро, ни экспериментальных цехов и лабораторий, ни необходимых приборов и аппаратов для испытания машин.

В этой связи интересен опыт машиностроительных заводов США. Усовершенствование выпускаемых типов машин и создание новых, технически более совершенных конструкций происходит обычно совершенно независимо от портфеля заказов. У каждого американского конструктора, работающего над определенной группой машин, имеется всегда на руках альбом с детальным описанием конструкций всех аналогичных типов машин, выпускаемых на рынок, с указанием преимуществ и достоинств этих конструкций.

Наши конструкторы-электротехники во время командировки в Америку с большим удивлением наблюдали, как пять американских инженеров заводов Дженераль-электрик-компани, выпускающих около 110 тыс. трансформаторов в год, тщательно изучали какой-то ма-

лоинтересный на вид французский трансформатор, надеясь найти в его конструкции что-либо могущее пригодиться для этой величайшей в мире электротехнической компании.

В Вашингтонском бюро патентов, располагающем почти 2 млн. карточек изобретений, всегда можно найти 150—200 конструкторов и техников разных специальностей, знакомящихся решительно со всеми блестящими изобретательской мысли в области технического усовершенствования.

Надо сказать, что в заграничной практике работа по усовершенствованию и улучшению конструкций машин отнюдь не ведется в направлении внесения каких-либо новых принципов, в корне меняющих конструкцию в целом. Чаще всего мысль конструктора работает в направлении осуществления конструкции из отдельных агрегатов, с тем чтобы в дальнейшем процессе совершенствования можно было вносить те или иные изменения в некоторые, наиболее важные детали, не затрагивая остальных. Такая система работы, широко применяющаяся в частности в станкостроении, ведет к большой гибкости. За границей переход от производства одной модели к другой продолжается 4-5 месяцев. Таким темпам освоения нам следует учиться у американцев.

На темпах освоения новых машин у нас иногда сказываются колебания при выборе типа новой машины. Вместо того чтобы смело и уверенно взяться за освоение нового типа машины по и м е ю щ е м у с я хорошему образцу, часто ищут чего-то более совершенного и на этом теряют в темпах.

Приведем пример. Остро стоит задача ускоренного освоения производства машины для уборки и транспортировки породы. Эта машина необходима для механизации подготовительных работ в горной промышленности. В 1937 г. Шахтстрой начал спешно разрабатывать конструкцию породоборочной машины. Когда были готовы рабочие чертежи этой конструкции, оказалось, что на одной из шахт Донбасса давно имеется оригинальный образец американской погрузочной машины. Ни Главуголь, ни Шахтстрой, ни Главгормаш, ни Гормашпроект не знали о наличии образца американской модели породоборочной машины, затрачивали средства и силы конструкторов на самодельное проектирование срочно необходимой подобной машины.

Многие производственники далеко не всегда понимают всю важность и неотложность проектно-экспериментальной работы для нашей социалистической страны, находящейся в капиталистическом окружении. Они опасаются, что внедрение новой модели или изменение существующей вызовет «лишние» хлопоты.

Вопрос о создании в годы третьей пятилетки на машиностроительных заводах необходимых экспериментальных цехов, отделов, или лабораторий приобретает исключительное значение. Эти экспериментальные цехи и лаборатории, где будут изучаться кинематические схемы и конструктивные узлы при проектировании и изготовлении опытных моделей вновь осваиваемых машин, должны быть снабжены наравне с основными производственными цехами всеми необходимыми материальными средствами.

В правильном использовании производственных средств машиностроения существенную роль играют следующие три фактора:

1. Правильный выбор технологического процесса для изготовления или обработки определенной детали или полуфабриката на том или ином оборудовании.

2. Правильный и наиболее благоприятный режим работы, построен-

ный на полном использовании технической мощности данного оборудования.

3. Полное использование машинного и рабочего времени.

Первый из приведенных факторов, при правильной организации работы, зависит не только от характера имеющегося в цехе оборудования, но и от того, насколько технически грамотно используется это оборудование, насколько правильно разработан технологический процесс отливки, отковки и обработки данной детали и полуфабриката. Тщательный подбор наиболее выгодного технологического процесса играет решающую роль в правильном использовании установленного оборудования.

Правильный выбор технологического процесса обеспечивает сокращение цикла, совмещение операций, введение менее трудоемких подготовительных операций, облегчающих дальнейшую работу (например, предварительное обжатие в штампах или протяжка заготовки). Совершенно очевидно, что на этом участке использования резервов исключительно велика роль конструкторского бюро. Конструктор должен заранее продумать технологический процесс изготовления отдельных деталей на том или ином оборудовании и выбрать наиболее выгодный технологический процесс. В этой связи во весь рост встает задача типизации технологических процессов.

На всяком машиностроительном заводе изготавливаются тысячи разнообразных деталей, для которых разрабатываются сотни и тысячи карточек технологических процессов. Эти карточки содержат десятки тысяч пооперационных данных. Насколько велико количество их, можно судить хотя бы по тому, что, например, по заводам химического машиностроения насчитывается свыше 200 тыс. норм. Разработка такого количества технологических процессов непосильна для сравнительно ограниченного круга конструкторов и технологов, особенно тогда, когда необходимо быстро осваивать новые производства сложных машин с большим количеством деталей. Поэтому типизация производственных процессов, особенно в условиях развертывания стахановского движения, является важной задачей. Между тем наши заводы еще не подошли вплотную к ее разрешению.

Осуществление этой большой и сложной работы предполагает максимальное внедрение в производство принципов типизации и нормализации деталей. Это значит, что на каждом заводе необходимо разбить все детали на группы (с точки зрения условий производства, габарита, формы, размеров и т. п.) и для каждой из этих групп разработать типовой технологический процесс, построенный на лучших технических показателях, с учетом наилучшего использования имеющегося оборудования. Это устранил моменты случайности в распределении заданий по отдельным группам оборудования. При отсутствии разработанной технологической карточки на ту или иную работу последняя передается начальником цеха или мастером на станок, оказавшийся в данный момент свободным. В результате весьма часто на крупном оборудовании (например, на крупных токарных, карусельных или строгальных станках) обрабатываются сравнительно мелкие детали, которые с успехом могли бы быть обработаны на более легких станках. Вследствие такого неправильного распределения производственных заданий по отдельным рабочим местам потери в использовании наличного цехового оборудования крайне велики. В этом кроется одна из причин неполного использования производственных мощностей наших машиностроительных заводов.

Тщательный пересмотр графика загруженности цехового оборудования и перераспределение заданий на основе рационально построен-

ных схем технологических процессов (по типовым проектам) дадут возможность сразу выявить неиспользованные резервы.

Однако одной только правильно разработанной технологической схемы недостаточно для полного использования мощности оборудования. Необходимо правильно организовать работу на данном оборудовании.

Стахановцы опрокинули старые технические нормы, ограничивающие темпы и уровень производительности. Поэтому заводам необходимо систематически вести работу по проверке технических норм. Наряду с заводами весьма крупная роль здесь принадлежит научно-исследовательским институтам машиностроения и лабораториям машиностроительных вузов.

В тесной связи с техническими нормами стоит вопрос о пересмотре технологических режимов. Машиностроительный институт им. Баумана в свое время проделал смелые опыты по изменению режимов резания (увеличение скорости резания на 40% и выше). Центральный институт машиностроения провел ряд опытов по изменению режима нагрева слитков и поковок, что показало возможность значительного сокращения времени нагрева (даже по сравнению с американскими нормами) для малых слитков.

Результаты изыскания в области пересмотра технологических режимов должны передаваться всем машиностроительным заводам.

Задачи максимального использования действующего оборудования не ограничиваются реконструкцией технологических процессов. Полное использование имеющихся мощностей предполагает наряду с этим осуществление всего комплекса мероприятий, обеспечивающих действительное уплотнение рабочего времени. Проводимый в связи с переходом на стахановские методы работы пересмотр технических норм имеет решающее значение для уплотнения рабочих процессов. Но эффект от введения новых норм получится тем больший, чем больше будет время полезного использования машины и чем меньше времени будет расходоваться на вспомогательные операции и ручные приемы.

Одним из важнейших мероприятий должна явиться механизация перемещения полуфабрикатов к месту их обработки. Это представляет собой наиболее важный фактор сокращения непроизводительных затрат рабочей силы. С одинаковой остротой стоит этот вопрос и в старых и в реконструированных цехах, а также на некоторых новых машиностроительных заводах, проекты которых составлялись на основе старых норм. Механизация вспомогательных операций является одним из весьма важных условий использования резервов оборудования. На вспомогательные процессы расходуется сейчас обычно около 30—40% общего затрачиваемого времени на обработку изделия (это относится к большинству процессов горячей и холодной обработки), а путем механизации вспомогательных работ можно будет сократить общий расход времени примерно на 15—20%, и соответственно увеличится отдача оборудования.

Опыт многих наших машиностроительных заводов показывает, что значительные потери являются результатом частых простоев оборудования вследствие неисправности машин или их аварий. В отдельных случаях простои достигают 3-4 часов за смену. Они являются бичом производства. Аварии выводят из строя оборудование, резко снижают производительность заводов, срывают стахановское движение. Они являются результатом отсутствия большевистского порядка на производстве и облегчают врагам народа возможность творить свои гнусные дела.

Подрывная работа, вызывавшая аварии, облегчалась зачастую тем, что среди некоторых хозяйственников и инженеров существовала своеобразная «теория» неизбежности аварий. Задача заключается в том, чтобы полностью ликвидировать аварии. Для этого нужны не заклинания, а большевистская бдительность и систематическая борьба за культуру производства.

В правильно организованном заводском хозяйстве аварии и простой не должны иметь места. Как не может быть выпущен на линию неисправный паровоз, так не может быть допущено, чтобы рабочий станок, пресс, двигатель начали работать в неисправном состоянии, без тщательного предварительного осмотра и текущего ремонта.

Отсюда встает вопрос о роли плано-предупредительного ремонта. Четкая работа оборудования требует: 1) точной классификации разных видов ремонта (капитальный, средний, текущий), 2) введения ремонта в график, 3) всемерного повышения качества ремонта (ремонтные рабочие должны быть самой системой заработной платы материально заинтересованы в том, чтобы отремонтированное оборудование работало бесперебойно). График вывода из действия той или другой машины, агрегата, оборудования и перевода на ремонт должен быть строго увязан с производственным планом и технологическим процессом производства. Необходимо заранее предусмотреть замену выходящего на ремонт станка, молота, мотора. В осуществлении ремонта необходимо широко внедрять стахановские методы работы, так например заблаговременный ремонт взаимозаменяемых узлов позволяет значительно ускорять сроки простоя ремонтируемого агрегата.

Вопросы использования мощностей действующего оборудования непосредственно связаны также и с постановкой материального снабжения. Этим многие заводы любят прикрывать свою плохую работу. Между тем в конечном итоге все зависит от самого завода — от порядительности его руководящих работников, от четкости работы его заготовительных цехов, внутризаводского транспорта и складского хозяйства, диспетчерской службы, от правильной постановки плано-производственной работы на заводе и точности соблюдения производственного графика, одним словом, от всего комплекса условий правильной организации заводского хозяйства. Поэтому надо решительно покончить с недооценкой обслуживающего хозяйства, которая пока еще имеет место на наших заводах. Надо понять, что, например, без правильной постановки работы внутризаводского транспорта и складского хозяйства не может быть и речи о действительной культуре производства.

К задачам организации обслуживания производства непосредственно примыкает вопрос о диспетчеризации, которая приобретает особое значение в условиях крупного машиностроительного производства, с большим количеством производственных цехов и складских баз и с огромной номенклатурой деталей. Здесь малейшая нечеткость в работе цехов ведет к длительным простоям не только отдельных видов оборудования, но весьма часто и цеховых устройств, как, например, сборочных конвейеров с сотнями работающих на них рабочих. Между тем диспетчеризация дает возможность каждому цеху — сборочному, отделочному или обрабатывающему — быть все время в курсе работы цеха, заготавливающего для него необходимые полуфабрикаты. Только при этих условиях техническое руководство большого завода в состоянии знать точно, что делается в каждый данный момент в любом цехе, и во время выправлять намечающееся отклонение от графика производства.

Эти вопросы достаточно элементарны. Но тем не менее необходимо еще раз и с особой настойчивостью подчеркнуть, что наше машиностроение еще не освоило высокую культуру производства, не использовало в должной мере такой могучий рычаг перестройки производства, каким является стахановское движение, еще не внедрен опыт передовых стахановцев в широкую массу рабочих машиностроительной промышленности.

Советское машиностроение выдвинуло за последние 2-3 года десятки тысяч передовых рабочих — токарей, строгальщиков, слесарей, кузнецов, котельщиков, литейщиков и т. д. — настоящих мастеров высокой техники, прекрасных организаторов и технологов.

Стахановское движение выдвинуло сотни и тысячи блестящих организаторов производственного процесса, талантливых мастеров своего дела, умеющих ломать застывшие формы производства и опрокидывать заскорузлые представления об «узких» участках.

Стахановское движение — массовое движение. Поэтому партия поставила перед всеми хозяйственниками задачу широкого внедрения стахановских методов работы; вполне своевременно в этой связи обобщить огромный накопленный опыт работы стахановцев машиностроительной промышленности. Изучив опыт тысяч стахановцев и найдя общие начала, на которых строится и развивается творчество стахановцев, можно будет их достижения сделать достоянием широких рабочих масс, не приобщившихся еще к стахановскому движению.

Попытаемся хотя бы бегло обобщить основные направления творчества стахановцев машиностроительной промышленности и выявить тенденции этого творчества на примере хотя бы одного технологического участка на механической обработке.

Ведущим началом в творческой деятельности стахановца токаря, фрезеровщика, строгальщика является прежде всего революционная смелость в организации технологического процесса, основанная на полном овладении техникой, на умении выжимать из техники максимум того, что она может дать. Особенность подлинных стахановцев заключается в том, что, упорно работая над освоением техники, они в то же время не находясь в плену технического консерватизма, а «...идут смело вперед, ломая устаревшие технические нормы и создавая новые, более высокие...»¹.

Направив все свое внимание на максимальное уплотнение производственного процесса, рабочий-стахановец неминуемо превращается в технолога. Пытливо ревизуя заданный ему технологический процесс и режим работы в поисках более плодотворных методов, стахановец проявляет сплошь и рядом высокую техническую инициативу, не всегда доступную даже квалифицированным инженерам-производственникам. Именно поэтому стахановец-токарь завода им. Коминтерна т. Куденко, например, имея дело с обработкой запорных крышек (при закреплении котельных анкерных связей), из 10 операций выбрасывает 2 совершенно ненужные операции — по зачистке верха и торца крышки. Далее он переходит на серийную пооперационную обработку, выгадывая на этом до 35% времени, ушедшего раньше на перестановку резцов. По такому же пути идет и другой стахановец — строгальщик Ворошиловградского паровозостроительного завода т. Гольдблат. При обработке буксовых клиньев он исключает одну совершенно излишнюю операцию (простrojка верхнего выступа клина). Реже меняя резцы при переходе от одной операции к другой, он чаще пере-

¹ И. Сталин, «Речь на первом всесоюзном совещании стахановцев», Партиздат, 1937 г., стр. 10.

ставляет обрабатываемую деталь. В результате он выигрывает на одном клине около 2,2 мин., что дает ему на 1 паровоз 24 мин. экономии. Приведенные два совершенно сходных примера из практики разных заводов указывают на то, что тенденция перевода многооперационного технологического процесса индивидуальной обработки деталей на серийную пооперационную обработку, при одновременном сокращении ряда ненужных операций — весьма характерная черта для работы многих стахановцев механообрабатывающих цехов.

Особо характерно для широких кругов стахановцев стремление изменить режимы резания и добиться при этом не только повышения качества резания, но и большей стойкости режущего инструмента. Убедившись в том, что обычно он получал неправильно заточенный режущий инструмент, и сознавая, что умелая заточка резца имеет огромное значение, стахановец т. Куденко сам берется за заточку инструмента. Изменив угол заточки резца с 60 до 82°, он добивается повышения стойкости инструмента почти на 200%.

Рабочие-стахановцы завода «Красный пролетарий» в корне ломают существующие каноны режимов резания. Смело повышая скорость резания и скорости подачи, они добиваются ускорения времени обработки в 3-4 раза. Выдающиеся успехи знатного человека нашей страны — депутата Верховного Совета СССР, орденоносца-фрезеровщика т. Гудова — также обусловлены той революционной смелостью, с которой он изменял режимы выполняемой им фрезерной работы.

Рабочий-стахановец обычно не ограничивается одним только изменением технологического процесса. Стремясь избавиться от всяких непроизводительных затрат времени на вспомогательные операции и максимально повысить машинное время, стахановец весьма часто становится на путь конструкторского творчества, создавая по своей инициативе приспособления, необходимые для облегчения и ускорения операций по установке и закреплению обрабатываемых деталей или для облегчения самого процесса обработки.

Стахановец-инструментальщик харьковского завода «Серп и молот» т. Тонкий, преодолевая трудности при установке тяжелых штампов на прессе, не снабженном подъемным блоком для штампов, разработал конструкцию специальной наклонной направляющей рамы, по которой на особой тележке, приводимой в движение от цепного барабана с ручным приводом, передвигается к месту работы тяжелый штамп.

Стахановец Харьковского станкостроительного завода т. Корниенко, став во главе сборочной бригады и присмотревшись к тем трудностям, которые обычно создаются при оперировании отдельными деталями во время сборочных операций, сконструировал ряд простых, но совершенно надежных приспособлений для быстрой установки и закрепления детали в любом положении и под любым углом. Таким путем т. Корниенко значительно сократил время, нужное для сборки, облегчив тяжелый труд рабочих механосборочного цеха. Рабочие освободились от необходимости затрачивать целые часы на сложные операции по установке детали с помощью подкладок, клиньев и болтов.

Простое, несложное приспособление в виде специального ключа для снятия фрезы с оправки, придуманное стахановцем-фрезеровщиком Ворошиловградского паровозостроительного завода т. Дудник, избавляет рабочих от мучительной работы по «сбиванию» фрезы с оправки.

Особенность стахановцев, сумевших подняться до уровня технологов и конструкторов, заключается еще в том, что они «...люди культурные и технически подкованные, дающие образцы точности и аккуратности в работе, умеющие ценить фактор времени в работе и на-

учившиеся считать время не только минутами, но и секундами»¹. В связи с этим работа стахановца отличается обычно уменьем правильно организовать свою работу, т. е. заранее подготовиться, изучить и продумать технологический процесс заданной ему работы, навести должный порядок на своем рабочем месте, позаботиться о том, чтобы под рукой находился весь необходимый инструмент и приспособления. Идя по этому пути, тот же стахановец-инструментальщик харьковского завода «Серп и молот» т. Тонкий, о котором мы выше упоминали, работая на ремонте штампов, сразу почувствовал, что на его рабочем месте, как он сам выражается, «стало просторно». Те штампы, которые раньше требовали для своего ремонта 3—3,5 месяца, после наведения порядка на рабочем месте ремонтируются всего один месяц. Стахановец, токарь завода им. Коминтерна (Харьков) т. Куденко добился повышения производительности труда на 270% исключительно благодаря ряду принятых им организационных мер: заготовке двух комплектов резцов (один у станка, другой — запасной — в шкафу), тщательной проверке и сортировке подаваемых на станок заготовок, подготовке всего необходимого при работе режущего и мерительного инструмента и т. д.

Стремление к правильной организации работы проявляется у стахановцев в применении особых организационных мероприятий, обеспечивающих максимальное использование рабочего времени. Так, например, стахановец-лекальщик завода «Калибр» (Москва) т. Морозов содержит в образцовом порядке свое рабочее место (все детали, скобы разложены у него на чистом листе бумаги). Кроме того, избегая потери времени на контрольную приемку скоб, т. Морозов выбирает из партии три детали, предварительно отделяет их для проверки контролером и, не дожидаясь результатов проверки, продолжает отделку всей партии, чтобы в дальнейшем — на основании указаний контролера — провести окончательную обработку. Одновременно он прибегает к оригинальной мере — сигнализации четырьмя флажками, при помощи которых он извещает о том, что нужно отнести готовую партию, подать материал или инструмент, призвать на помощь бригады и т. д. Благодаря этим простым и оригинальным организационным мероприятиям т. Морозов довел свое рабочее время почти до 420 минут за смену и перевыполняет норму почти на 360%.

На практике работы стахановца-сборщика Люберецкого завода сельскохозяйственных машин т. Жукова мы сталкиваемся уже с такого рода явлением, когда стахановец, стремясь повысить до максимума степень использования своего рабочего времени, принимает на себя функции технического контроля, отказываясь при сборке жаток принимать бракованные или недоработанные детали. Выправляя таким путем серьезный недочет в производственной работе Люберецкого завода (выдача цехами бракованных или недоработанных деталей на сборку), т. Жуков в то же время разгружает себя от исправления дефектов в деталях, идущих на сборку. В результате он перевыполняет на 150% норму выработки по сборке режущих аппаратов.

Творческая инициатива стахановца-организатора толкает его также на путь исправления недочетов по планированию производства. Так, например, стахановец Уралмашзавода станочник т. Массель, работая на большом строгальном станке, наряду с предусмотренным для него основным заданием по обработке определенной крупной детали, одновременно обрабатывает «вне плана» на том же станке и мелкие де-

¹ И. Сталин, «Речь на первом всесоюзном совещании стахановцев», Партиздат, 1937 г., стр. 10.

тали, устанавливаемые под боковой суппорт станка. Из этих характерных примеров мы видим, что стахановцы-организаторы стремятся к догрузке своего рабочего места путем привлечения ряда однородных (по технологии) заданий, выправляя таким путем недочеты в плано-производственной работе своего завода.

При серийных формах производства желание стахановцев максимально уплотнить рабочие процессы выявляется в их стремлении резко повысить количество одновременно обрабатываемых на данном рабочем месте деталей и заготовок. Характерно, что это стремление выявляется у стахановцев почти всегда там, где они сталкиваются в своей работе с «узким местом» производства. Так, например, стахановец Харьковского турбинного завода, шлифовальщик т. Фоменко, столкнувшись с тем, что его плоскошлифовальный станок является «узким местом» в производстве, смело и решительно перестраивает весь процесс работы, укладывая на шлифовальном столе вместо заданных 84 деталей — 168. В результате станок его перестает быть «узким местом», и переработка нормы достигает 200—300% и выше. Точно так же инструментальщик Харьковского инструментального завода т. Попов добивается одновременной прострочки не двух, а 20 калибров, а сверловщик завода «Русский дизель» т. Шелков устанавливает сразу вместо 4 деталей кулачных шайб — 20 деталей и увеличивает свою производительность почти в четыре раза.

Отсюда ясно, что при всей многогранности форм работы стахановцев — организаторов, технологов и конструкторов — в работе каждого стахановца заложено одно основное начало: основательное знание своего дела и революционная смелость при построении производственного процесса. Начало это лежит в самой системе социалистического строительства, в революционном творчестве широких народных масс, приобщившихся к истокам технических знаний и сумевших оседлать технику.

Широко изучая опыт стахановской работы на наших машиностроительных заводах, научно обрабатывая накопившийся материал, дифференцированно по первичным производственным операциям и технологическим участкам, нетрудно будет создать необходимое пособие для школ массового стахановского движения. Наряду с технической учебой в этих школах необходимо внедрять также и опыт стахановских методов работы. Должны перестроить свою работу научно-исследовательские институты машиностроительной промышленности. Следует также перестроить систему технического обучения на машиностроительных заводах, культурно-просветительную и лекционную работу в области технической пропаганды. Технические отделы главков машиностроительной промышленности должны стать центрами по пропаганде и практическому внедрению стахановских методов работы на своих заводах. К этой работе следует привлечь также и диспетчеров производственно-распорядительных отделов. На основе взаимного обмена опытом, на основе данных, полученных в техническом отделе главка, они обязаны содействовать широкому внедрению методов стахановской работы.

Перестроив таким образом пропаганду стахановских достижений, мы сможем в кратчайший срок выполнить директиву партии о вовлечении в стахановское движение широчайших масс рабочих машиностроительной промышленности.

Тем самым мы сумеем в первые же годы третьей пятилетки не только ликвидировать имеющееся у нас на ряде участков отставание в области производительности труда, но и опередить в этом отношении передовые по технике предприятия капиталистических стран.

Борьба за технический прогресс должна стать для советского машиностроения в то же время борьбой за выполнение директив декабрьского (1935) пленума ЦК партии, за режим жесточайшей экономии на всех участках производства, против производственных потерь и брака производства, за создание дешевой и надежной советской машины, могущей обеспечить потребителю — советской индустрии — самые выгодные эксплуатационные показатели.

Мы лишены возможности в рамках данной статьи останавливаться детально на этих важных вопросах, как и на ряде других важных организационных вопросов технической политики машиностроения (например, на вопросах кооперирования и специализации). Но и сказанного достаточно, чтобы прийти к решающему выводу: все задачи технической политики советского машиностроения в годы третьей сталинской пятилетки сходятся, как в фокусе, к центральной задаче, — речь идет об овладении высокой социалистической культурой производства и использования безграничных возможностей, которые таятся в творческих силах стахановцев-машиностроителей. При этих условиях советское машиностроение даст стране больше машин, повысит их качество и полностью обеспечит растущие потребности социалистического хозяйства, не требуя при этом от государства значительных капиталовложений.

Производственные мощности черной металлургии СССР и их освоение

«У нас не было черной металлургии, основы индустриализации страны. У нас она есть теперь» (И. Сталин).

Характеризуя низкий уровень металлургической промышленности царской России, В. И. Ленин в 1912 г. писал:

«Относительно железа — одного из главных продуктов современной промышленности, одного из фундаментов, можно сказать, цивилизации — отсталось и дикость России особенно велики»¹.

Технический уровень металлургической промышленности в царской России был значительно ниже, чем в Западной Европе и США. Выплавка чугуна на одну доменную печь составляла в 1914 г. в США 125 тыс. т, а в России в 1913 г. — 27,7 тыс. т. В период мировой войны металлургические заводы России вступили с крайне изношенными, устарелыми агрегатами и слабой, технически отсталой силовой базой. Техническая вооруженность рабочего была очень низка: только на 2 предприятиях из 51 на рабочего приходилось свыше шести лошадиных сил, а в 35 предприятиях приходилось от 1 до 2 HP на рабочего. Это характеризует чрезвычайно низкий уровень механизации труда металлургической промышленности царской России.

Территориально производство чугуна в дореволюционной России было размещено крайне неравномерно: на восточные районы в 1913 г. приходилось 21,5%, а на юге было сосредоточено 73,6% всего производства чугуна. Черная металлургия царской России не знала и качественного металла.

Империалистическая война привела к резкому снижению производства чугуна. Металл стал еще более дефицитным продуктом. Выплавка чугуна в 1917 г. снизилась до 3 млн. т против 4,2 млн. т в 1913 г.

После завоевания власти пролетариатом в союзе с беднейшим крестьянством развитие черной металлургии было прервано наступлением контрреволюции. Гражданская война и интервенция парализовали работу промышленности, в частности черной металлургии, доводя продукцию до ничтожных размеров: выплавка чугуна по Советскому Союзу в 1921/22 г. снизилась до 171,6 тыс. т и стали до 318,0 тыс. т против 4,2 млн. т в 1913 г.

Восстановлению металлургии партия и правительство уделяли много внимания, сил и средств. В 1922 г. на юге создается металлургический трест Югосталь, трестируются и заводы Урала. При этом предприятия металлургических трестов и на юге и на востоке организуются как комбинаты, включающие не только производство металла, но и добычу угля, выжиг кокса (на юге), лесоразрабатывающие предприятия и железные рудники (последние две группы предприятий на Урале). В условиях крайнего падения производства каменноугольных, коксовых, рудных и лесозаготовительных предприятий это мероприятие

¹ Ленин, Соч., т. XVI, стр. 557.

должно было обеспечить, и действительно обеспечило, сопряженное восстановление металлургии и ее топливно-сырьевой базы.

Наряду с восстановлением старых разрушенных заводов черной металлургии, осуществлялись реконструктивно-рационализаторские мероприятия, обновлялось оборудование. Так, в восстанавливаемых доменных печах расширялся горн (с 3—3,5 до 5—5,3 м), мартеновские печи перестраивались на больший тоннаж и т. п.

Количество действующих доменных и мартеновских печей изменялось на 1 января каждого года следующим образом:

	1913 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.
Число действующих доменных печей	136	26	31	41
» » мартеновских печей	260	57	86	119

Без помощи и займов извне, гигантским напряжением сил Советский Союз добился решительного перелома во всех видах производства черной металлургии. Если в 1921/22 г. по всей стране выплавлялось 171,6 тыс. т чугуна, 318,0 тыс. т стали, а выпуск проката составлял 259,3 тыс. т, то в 1925/26 г. страна получила 2 202,6 тыс. т чугуна, 2 910,9 тыс. т стали и 2 249,9 тыс. т проката.

Данные роста металлургической промышленности свидетельствуют о высоких темпах восстановления черной металлургии. Однако к этому времени довоенный уровень производства еще не был достигнут. Черная металлургия сильно отставала от общих темпов развития народного хозяйства. Довоенного уровня производства она достигла и превзошла лишь в 1929/30 г.

«Уже это одно заставляет нас прийти к тому неумолимому выводу, что без дальнейшего ускорения темпа развития металлургии мы рискуем поставить под угрозу судьбу всего нашего промышленного производства»¹.

Задача индустриализации страны требовала дальнейшего ускоренного развития металлургической промышленности, как основы роста всей индустрии и народного хозяйства вообще, «...ибо ни легкая промышленность, ни транспорт, ни топливо, ни электрификация, ни сельское хозяйство не могут быть поставлены на ноги без мощного развития металлической промышленности»².

Абсолютного количества производимого металла было недостаточно для обеспечения темпов, взятых металлоемкими отраслями народного хозяйства, как, например, станкостроением, электротехнической промышленностью, машиностроением, транспортом, сельским хозяйством и др. Партия еще на XIV съезде указывала на особое значение черной металлургии и требовала ликвидации отставания ее. «Металл есть основа основ нашей промышленности, и его баланс должен быть приведен в соответствие с балансом промышленности и транспорта вообще»³.

В 1929 г., накануне вступления страны в первую пятилетку, декабрьский пленум ЦК ВКП(б) поставил перед страной задачу — форсировать развертывание металлургии, которая призвана сыграть огромную роль в деле социалистического преобразования нашей страны, в деле поднятия ее индустриальной и оборонной мощи. Партия разработала первый грандиозный пятилетний план. И этот план был выполнен, несмотря на вредительство буржуазных специалистов, несмотря на ожесточенную классовую борьбу и подрывную работу троцкистско-

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, Доклад на XVI партсъезде, изд. 9-е, стр. 509.

² Там же, К итогам работ XIV-партконференции РКП(б), стр. 131—132.

³ «XIV съезд ВКП(б)», Стенографический отчет, стр. 37.

бухаринских диверсантов, шпионов и вредителей-реставраторов капитализма.

Первая пятилетка охватывает весьма важный период социалистического строительства, борьбы за создание собственной базы для социалистической реконструкции народного хозяйства, построения фундамента социализма, социалистической переделки мелкотоварного производства и ликвидации кулачества как класса.

Построение социализма протекает на фоне обостренной классовой борьбы.

Черная металлургия являлась одним из наиболее ответственных фронтов классовой борьбы. Известно, что вредители представили в президиум Госплана СССР генеральный план развития черной металлургии, по которому СССР только в 1941 г. мог бы осилить производство по 11,5 млн. т чугуна и стали и 9,7 млн. т проката. Этот план был отвергнут советским правительством.

Враги народа стремились сорвать производство металлов, ослабить темпы развития черной металлургии, так как понимали, что от степени насыщения страны металлом зависят успехи социалистического строительства, хозяйственная и оборонная мощь страны.

Дефицит металла составлял одну из главных трудностей на фронте социалистического строительства. Поэтому партия поставила перед страной задачу — подтянуть производство металла, с тем чтобы оно полностью удовлетворяло потребности народного хозяйства. Именно этого самым решительным и категорическим образом требовали интересы страны и задача индустриализации СССР.

Развертывание металлургии шло двумя путями — путем широкой реконструкции старых основных производств черной металлургии (доменное, сталелитейное, прокатное) и путем большого нового строительства, обновления и расширения всего производственного аппарата. Первая пятилетка ознаменовалась не только крупнейшим новым строительством и техническими сдвигами в черной металлургии на базе реконструкции, но и сдвигами в территориальном размещении производств.

Важнейшим звеном нового строительства в первой пятилетке явилось создание по инициативе товарища Сталина второй угольно-металлургической базы на востоке — Урало-кузнецкого комбината.

Первая пятилетка была периодом перевода черной металлургии Советского Союза на рельсы передовой современной техники. Огромные капитальные затраты на форсированное строительство, расширение и реконструкцию предприятий обеспечили интенсивное перевооружение и перестройку всего производственного аппарата черной металлургии. Капитальные затраты возрастали из года в год, и к концу пятилетки общая сумма вложений в новое строительство была почти в 9 раз больше, чем в 1928/29 г.

Черная металлургия требует огромного количества железной руды, известняка, доломита, кокса, огнеупорных материалов, марганцевой руды и т. д.

В течение первой пятилетки были освоены новые железорудные месторождения: крупнейший в Союзе Магнитогорский рудник, Тельбесская группа Западной Сибири, началась разработка Керченских месторождений и др., готовились к эксплуатации месторождения: Халиловское, Курская магнитная аномалия и др. За годы первой пятилетки были реконструированы старые рудники Кривого Рога и Урала.

Строительство коксо-химической промышленности шло параллельно со строительством новых доменных печей. В результате коксо-химическая промышленность из отсталой превратилась в передовую отрасль,

оснащенную мощными агрегатами. Выжиг кокса увеличился с 4,2 млн. т в 1928 г. до 8,4 млн. т в 1932 г., т. е. на 100%.

Таким образом, наряду с развитием черной металлургии в первой пятилетке получили мощное развитие отрасли производства, обслуживающие металлургию, так называемый «тыл» металлургии.

Капитальные вложения в черную металлургию и обслуживающие отрасли в 1928/29—1932 гг. составляли (в млн. руб.):

Отрасли промышленности	1928/29 г.	1929/30 г.	1931 г.	1932 г.	Всего
Черная металлургия	172,9	426,6	834,1	1 447,7	2 881,3
Железородная и марганцевая	13,2	47,7	73,4	90,1	224,4
Коксо-химическая	10,2	55,0	170,4	187,7	423,3
Огнеупорная	12,1	24,4	43,6	81,0	161,0
Итого	213,4	553,7	1 121,5	1 806,5	3 695,1
В %	100	260	526	847	—

В течение периода первой пятилетки в результате нового строительства, реконструкции старых предприятий в эксплуатацию были введены огромные фонды и произошли значительные сдвиги в росте продукции черной металлургии.

Приводимая ниже таблица показывает динамику ввода основных фондов (в млн. руб.) и динамику роста продукции за первую пятилетку (в тыс. т).

Г о д ы	Ввод основных фондов в черную металлургию	Рост продукции			
		чугуна	стали	проката	труб-железных
1928/29	146,3	4 021,0	4 854,3	3 898,3	189,0
1929/30	250,0	4 963,6	5 760,7	4 503,3	232,8
1931	333,7	4 871,1	5 619,7	4 159,0	284,2
1932	744,5	6 161,1	5 927,1	4 288,0	310,4

Эти крупные успехи резко повысили удельный вес черной металлургии СССР в мировом производстве черного металла. На долю нашей страны в 1928 г. приходилось 3,70% мировой выплавки чугуна, а в 1932 г.—15,5%; выплавка стали соответственно возросла с 3,87% до 11,8%.

В начале первой пятилетки (1928 г.) СССР занимал шестое место в мире по выплавке чугуна и пятое по выплавке стали. В конце первой пятилетки (1932 г.) металлургия Советского Союза вышла по чугуну и стали на второе место в мире (после США).

Черная металлургия в годы первой пятилетки не сумела полностью преодолеть свое отставание от общего темпа развития народного хозяйства СССР, главным образом вследствие недостаточно интенсивного использования действующего и вновь созданного производственного аппарата.

Ликвидация отставания черной металлургии была важнейшим условием завершения технической реконструкции народного хозяйства.

Поэтому план второй пятилетки предусматривал наиболее быстрые темпы развития черной металлургии. Если за годы первой пятилетки распределение металла строилось под углом зрения максимального обеспечения развития машиностроения — этого основного рычага технической реконструкции всего народного хозяйства, то во второй пятилетке черная металлургия должна была удовлетворить и колоссально растущую потребность машиностроения в металле, и нужды других отраслей народного хозяйства: железнодорожного транспорта, сельского хозяйства и др.

В связи с возрастающими потребностями народного хозяйства в высококачественном металле партия и правительство наметили также дальнейшее широкое развитие советской качественной металлургии.

Одним из блестящих достижений СССР во второй пятилетке является создание собственной металлургии качественных и высококачественных сталей и ферросплавов. В дореволюционной России прокатка специальной и высококачественной стали находилась в зачаточном состоянии, а культура технологии производства оставалась на самом низком уровне развития. Почти вся потребность страны в инструментальной стали покрывалась за счет импорта. Основная масса проката представляла собой в довоенное время рыночный торговый металл, к которому не предъявляли никаких особых требований, проверяемых испытаниями.

В СССР выплавка высококачественной электростали в 1936 г. составила 862,0 тыс. т против 3,5 тыс. т в царской России, т. е. продукция возросла в 246 раз. Производство качественного проката составило в 1937 г. 2 356 тыс. т против 40 тыс. т в 1913 г.¹

Коренные изменения произошли и в сортаменте выпускаемых сталей. Заводы спецстали перешли к массовому выпуску автотракторной углеродистой стали, конструкционной легированной, авторессорной, шарикоподшипниковой, нержавеющей и жароупорной, быстрорежущей, динамного и трансформаторного железа.

Одной из важнейших предпосылок развития качественной металлургии в нашей стране явилось налаживание и развитие производства ферросплавов, без которых немислимо развитие производства легированных сталей. За годы первой и второй пятилеток были построены и введены в эксплуатацию Челябинский, Зестафинский и Днепропетровский ферросплавные заводы, в результате чего выпуск ферросплавов в 1936 г. достиг 125,5 тыс. т против 4 649 т в 1931 г., т. е. возрос почти в 27 раз. По размерам оборудования для производства ферросплавов в электропечах мы уступаем только США.

Таким образом, вторая пятилетка обеспечила не только рост выплавки металла, но и дальнейшие технические сдвиги в металлургии, в частности увеличилась доля самых квалифицированных видов металла. Это дало возможность полностью ликвидировать импорт качественного металла.

За 4 года второй пятилетки вступили в эксплуатацию 18 новых мощных доменных печей общим объемом 17,7 тыс. м³ против 16 доменных печей общим объемом в 12,1 тыс. м³ в первом пятилетии. Наиболее расширены и обновлены мартеновские и прокатные цехи. Так, за 4 года второй пятилетки было введено в эксплуатацию 85 новых мартеновских печей общей площадью пода 3,57 тыс. м² против 49 печей общей площадью пода 1,50 тыс. м² в первой пятилетке. В прокатных цехах вступили в эксплуатацию 44 прокатных стана против 19 в первом пятилетии.

¹ «20 лет Советской власти», Партиздат, 1937, стр. 30.

Приведенные данные показывают, что во втором пятилетии в черную металлургию внедрялись крупные и мощные агрегаты. Так, в первой пятилетке средний полезный объем введенных в эксплуатацию доменных печей составил 757 м³, а за первые четыре года второй пятилетки — 980 м³, средняя площадь пода одной новой мартеновской печи в первой пятилетке равнялась 30,5 м², а за четыре года второй пятилетки она составила 42,0 м².

По внедрению крупных доменных и мартеновских печей наша металлургия выдвинулась на первое место в мире. На 1/1 1937 г. в Советском Союзе имелось 25 доменных печей объемом свыше 800 м³ каждая, что составляет 22,2% всех наших доменных печей. В Германии количество печей такого объема не превышает 3% всех печей, а в США — 12% (по данным 1929 г.). Стопятидесятитонных и более крупных мартеновских печей в Советском Союзе на 1 января 1937 г. имелось 44, или 13,4% всех мартеновских печей, а в США — 11,6% (по данным на 1 января 1935 г.).

С введением в эксплуатацию значительного количества современного производственного оборудования перед черной металлургией встала во всей широте проблема освоения новой техники, освоения производственных мощностей.

Серьезный перелом в освоении новой техники, нарастание темпов освоения ее и прироста продукции становится особенно заметным с 1934 г.

В 1934 г. средний коэффициент использования объема доменных печей, работающих на минеральном топливе, составил 1,31, а печей, работающих на древесном топливе — 1,71.

По ряду предприятий, цехов, печей этот коэффициент был значительно лучше. Например, на Сталинском заводе коэффициент по всем печам составил 1,17; на Кузнецком заводе имени Сталина — 1,14; то же по Макеевскому заводу им. Кирова и другим. Но даже эти заводы не использовали всех возможностей, так как в отдельные месяцы они давали еще лучшие коэффициенты. Например, Кузнецкий завод им. Сталина дал в августе 1934 г. коэффициент использования полезного объема доменных печей 1,03, а в октябре — 1,04.

Улучшилось так же освоение мартеновских цехов: средний суточный съем с 1 м² увеличился с 2,89 т в 1933 г. до 3,40 т в 1934 году. Ряд мартеновских цехов добился еще лучших показателей, приблизившись к лучшим показателям съема стали передовых в техническом отношении капиталистических стран. Например, «Серп и молот» (Москва) снимал в 1934 г. с 1 м² площади пода мартеновской печи 4,68 т стали против 3,88 т в 1933 г., завод им. Коминтерна — 4,63 т против 3,89 т, Перво-Уральский (Востокосталь) — 4,16 т против 3,84 т и т. д. Но в целом мартеновские цехи продолжали отставать.

Приведенные примеры из практики лучших заводов показывают, что и доменные и сталеплавильные цехи обладали огромными производственными резервами, которые не использовались из-за отсутствия систематической борьбы против так называемых холодных и горячих простоев мартеновских печей (они составляли в 1934 г. 28—29% календарного времени).

Практика лучших заводов со всей очевидностью показала, что можно добиться лучших мировых коэффициентов, что дело здесь только в людях, овладевших техникой, сумевших правильно организовать свой труд.

Черная металлургия добилась в 1934 г. огромного прироста выпуска металла как в относительном, так и в абсолютном выражении.

Годовой прирост по чугуну составил 3,3 млн. т, по стали — свыше 2,7 млн. т и по прокату — около 1,9 млн. т.

Таких огромных темпов прироста продукции не знала ни одна капиталистическая страна. Годовой прирост в 3,3 млн. т чугуна составляет почти 80% всего довоенного производства чугуна царской России.

В капиталистических странах возросла выплавка чугуна за 1934 г. на 25%, выплавка стали — на 18%, а в СССР — соответственно на 47 и 40%.

Однако сталеплавильные и прокатные цехи еще отставали. Поэтому центральной задачей металлургической промышленности являлось, согласно указаниям товарища Сталина, особенно быстрое форсирование роста выплавки стали и производства проката.

В 1935 г. металлургия ликвидировала отставание и заняла передовое место в нашей социалистической промышленности. Был достигнут дальнейший крупный рост продукции черной металлургии, которая дала стране 12,5 млн. т чугуна против 10,4 млн. т в 1934 г., 12,4 млн. т стали против 9,7 млн. в 1934 г. и 9,4 млн. т проката против 6,7 млн. т в 1934 г.

Впервые за много лет производство стали сравнялось с выплавкой чугуна. Повысилось также производство проката, прирост которого за 1935 г. составил 40%.

Подъем металлургии в 1935 г. был вызван не столько ростом производственного аппарата, сколько дальнейшим улучшением всех технико-производственных показателей. Так, коэффициент использования объема доменных печей на минеральном топливе в среднем по СССР составил в 1935 г. 1,20 вместо 1,31 в 1934 г. Отдельные заводы дали еще лучшие коэффициенты использования доменных печей на основе хорошей организации производства и труда. Например, Сталинский завод (Донбасс) довел коэффициент использования объема доменных печей до 1,02—1,07 вместо 1,17 в 1934 г.

Улучшилась в 1935 г. и работа мартеновских печей.

Суточный съем стали с 1 м² площади пода значительно вырос.

Однако и в мартеновских и в доменных цехах были использованы еще далеко не все резервы. Это было доказано развитием стахановского движения. Стахановцы черной металлургии опрокинули существовавшие технические нормы и проектные мощности.

Принятый коэффициент использования доменных печей — 1,2 — и съем с 1 м² пода мартеновских печей 3,5 т стали были перекрыты не только отдельными стахановцами, но рядом цехов и агрегатов.

О глубоком разрыве между проектными мощностями, установленными в проектных организациях, и достижениями рабочих-стахановцев говорил в своем докладе на пленуме ЦК ВКП(б) (декабрь 1935 г.) т. Орджоникидзе:

«Блюминг Магнитогорска по расчетам 1932 г. должен был давать 1 млн. тонн блюмсов в год. Теперь считают, что он может дать 1 400 тысяч тонн... Стан «500» проектирован был на 320 тыс. тонн проката, теперь считают возможным получить с него 600 тыс. тонн. Считали, что стан «350» может дать 220 тыс. тонн, теперь считают возможным с него взять 400 тысяч. Я считаю, что и это не предел, что наши стахановцы покажут на этих станах прекрасную производительность труда, гораздо большую, чем это нам сейчас кажется»¹

XVII партийный съезд поставил в качестве условия выполнения директивы о завершении технической реконструкции освоение новой техники и новых производств.

Успехи в освоении новой техники в течение второго пятилетия находят свое отражение в неуклонном улучшении показателей исполь-

¹ С. Орджоникидзе, Доклад на пленуме ЦК ВКП(б), декабрь 1935 г., Партиздат, стр. 27.

зования металлургического оборудования. Коэффициент использования полезного объема доменных печей (работающих на коксе) достиг в 1936 г. 1,08 против 2,11 в 1913 г. и 1,81 в 1931 г., съем стали с 1 м² площади пода мартеновских печей (по номинальному времени) возрос с 2,68 т в 1932 г. до 4,60 т в 1936 г. (против 1,85 в 1913 г.). Производительность прокатных станков на один фактический час работы в 1936 г. повысилась в два раза по сравнению с 1933 г.

По среднегодовым показателям использования доменных и мартеновских печей наша металлургия в целом достигла в 1936 г. уровня передовых в техническом отношении капиталистических стран.

В результате освоения новых мощностей произошли значительные сдвиги и в выпуске металла: в 1932 г. было выпущено 6 161 тыс. т чугуна, 5 927 тыс. т стали и 4 288 тыс. т проката, а в 1936 г.— 14 400 тыс. т чугуна, 16 400 тыс. т стали и 12 454 тыс. т проката.

Вскрытые стахановским движением возможности лучшего использования оборудования, а также выявленные резервы его производительности заставили пересмотреть проекты наших заводов. Фигурировавшие во всех прежних расчетах производственные мощности основных металлургических агрегатов оказались преуменьшенными вредителями и некоторыми иностранными фирмами, принимавшими участие в проектировании наших первых металлургических заводов. Иностранные проектные организации в лучшем случае исходили из технических норм, достигнутых капиталистической промышленностью. Но очень часто делалась еще скидка на так называемую «русскую отсталость». Так, например, по первоначальному проекту американской фирмы Мак-Ки, на Магнитогорском заводе намечалась установка двух станков «500» суммарной мощностью в 320 тыс. т проката. Стальпроект, пересмотревший впоследствии проект Магнитогорского завода, пришел к выводу, что для получения 320 тыс. т проката достаточно одного такого стана.

Вредительство, имевшее место в области специализации прокатных станков, выражалось в частности в игнорировании вопросов районного потребления металлов. Это делалось для того, чтобы загружать транспорт встречными перевозками. Был установлен крайне узкий сортамент проката. Из сортамента южных заводов вредители изымали сорто-размеры и профили проката, потребляемые в массовом количестве на юге. Например, балка № 2, угловое железо (75 × 75 и 120 × 120), швеллера №№ 14—18, квадратное железо от 60 до 90 мм и т. д. раньше выпускались на ряде южных заводов. Их стали производить почти исключительно на Кузнецком и Магнитогорском заводах. На востоке в 1937 г. являлись дефицитными преимущественно мелкосортные профили (за исключением круглого железа), на юге — фасонные и обыкновенные профили крупных сечений. В 1936 г. с Урала на юг было завезено 184 тыс. т сортового проката и 27,5 тыс. т балок и швеллеров. В то же время с юга на Урал было завезено 436 тыс. т металла.

Троцкистско-бухаринские и иные вредители всячески старались преуменьшить производственные мощности предприятий. Очень часто на действующих предприятиях мощность цехов устанавливалась по минимальной производительности отдельных агрегатов, т. е. равнялись на узкие места.

Уже первые месяцы внедрения стахановских методов в работу черной металлургии ознаменовались крупнейшими успехами в области освоения техники. Доменщики Макеевки и Магнитки, сталевары завода им. Коминтерна (т.т. Чайковской, Сороковой), завода им. Ильича (т. Мазай), прокатчики Магнитогорского завода (т. Грязнов), завода «Красный Октябрь» и др. дали образцы производительности, превышающие мировые рекорды.

Новый мощный разбег в черной металлургии, как и всей промышленности Советского Союза, явился прямым результатом стахановского движения.

25 декабря 1936 г. металлургия досрочно выполнила годовой план производства стали и проката.

Один только прирост выплавки стали в 1936 г. был равен почти всей довоенной выплавке стали в царской России.

Стахановское движение оказало влияние не только на лучшее использование мощности агрегатов, но и на сокращение их простоев: количество простоев в 1936 г. снизилось по сравнению с первым годом второй пятилетки на 35,4%. Но все же по отдельным заводам процент простоев держался на недопустимо высоком уровне, например, на Магнитогорском заводе — 28,6% к календарному времени работ, на Кузнецком — 25,6%.

Товарищ Сталин призвал металлургов ускорить процесс освоения новой техники, особенно передельных цехов. Борясь за выполнение этой директивы, металлурги сосредоточили свое внимание на повышении темпов освоения новой техники сталеплавильных цехов, на реконструктивных и рационализаторских мероприятиях.

Производительность мартеновской печи может быть повышена путем увеличения садки (т. е. увеличения веса завалки) и максимального сокращения продолжительности плавки. Теоретики металлургии рекомендовали не очень высокие нагрузки. Академик Павлов рекомендовал нагружать 1,5 т на 1 м² пода. Стахановская практика показала, что при исправном состоянии печи, при работе на хорошо составленной шихте и при правильном течении технологического процесса можно не только значительно увеличить садку, но и сократить период плавки.

За последние годы нагрузка пода печей увеличилась с 1,5 т на 1 м² до 2,5—3 т, а на более мощных мартенах, например на Дзержинском и Мариупольском заводе им. Ильича, — до 4 т и выше. На заводе им. Ильича (цех № 2, где работает лучший сталевар Советского Союза Макар Мазай) мартеновцы увеличили вес завалки до 4,1 т на 1 м² пода. Чтобы сделать возможной такую высокую нагрузку, мариупольцы провели ряд мероприятий. Они модернизировали крановое хозяйство литейного пролета: путем усиления тележек грузоподъемность двух различных кранов была увеличена до 150 т; 75-тонные сталеразливочные ковши были заменены 100-тонными; 45-тонные чугуновозные ковши были заменены 60-тонными. Во время текущих капитальных ремонтов были углублены ванны за счет поднятия порогов и завалочных окон с 700 до 850 мм. Своды на всех печах подняты с 2350 мм (от порога до замка свода) до 2600 мм.

Опыт мартеновского цеха завода им. Ильича показывает, что нагрузка на 1 м² пода во многих мартеновских цехах не была приведена в соответствие с термическими мощностями печей. Следовательно, даже одним увеличением веса завалки можно добиться весьма значительного роста производства.

Наряду с увеличением садки наши сталеплавильные цехи добились сокращения периода плавки. Так, на Кузнецком заводе им. Сталина при загрузке 200 т в 150-тонную печь стахановцы доводили плавку до 6 час. вместо прежних 8 час. На заводе имени Коминтерна на 50-тонных печах плавки проводились за 4 ч. 20 м. — 5 час. вместо 7-8 час. Эти показатели являются рекордными. В 1933 г. плавка в американских 150—160-тонных печах продолжалась 12 час.

Немалых успехов добились наши передовые заводы черной метал-

лургии в борьбе за мировые технические коэффициенты. Стахановцы, работающие на малой печи металлургического завода им. К. Либкнехта, в декабре 1936 г. достигли высокого коэффициента съема стали — 10,10 т; Мариупольский завод им. Ильича — в октябре 8,25 т, а в декабре — 9,84 т; «Красный Октябрь» в мае дал коэффициент съема стали с 1 м² пода печи 7,06 т, а в декабре — 9,83 т; завод им. Дзержинского — в ноябре 8,58 т, а в декабре — 9,64 т; Орджоникидзевский — в апреле 6,76 т, в ноябре — 8,44 т; завод им. Коминтерна — в ноябре 7,87 т, в декабре 7,93 т; Сталинский (Донбасс) — в марте 6,09 т, а в октябре уже 7,83 т; «Серп и молот» — в октябре 6,28 т, в ноябре — 7,03 т и т. д.

Средние американские мартены дают съем в 4,3—4,8 т, а новые крупные печи — 5,5 т.

Задача заключается в том, чтобы максимально использовать вновь выявленные резервы мощностей и производственный аппарат черной металлургии. Для этого необходимо преодолеть все недостатки в организации стахановского движения и производства, стахановское движение должно быть поднято на новую, еще более высокую ступень, для еще большего улучшения производственно-технических показателей работы черной металлургии, так как борьба за улучшение качественных показателей представляет собой узел, в котором увязываются все стороны руководства предприятием. В этой борьбе выявляются все качества руководителя, его умение организовать правильное использование людей и механизмов, его способность рационально вести дело. Надо повседневно, изо дня в день, работать над распространением стахановского опыта. Громадный накопленный опыт стахановской работы на металлургических предприятиях — методы работы тт. Сорокового (завод им. Коминтерна), Мазая (завод им. Ильича), Черепанова («Серп и молот») и многих других выдающихся сталеваров, доменщиков и прокатчиков необходимо широко внедрять, чтобы их достижения стали достоянием всех рабочих. Широкий обмен опытом, развернутое социалистическое соревнование подводят прочную базу под борьбу за высокие производственно-технические показатели. Все условия для этого у нашей черной металлургии налицо. Надо лишь их правильно, по-большевистски, использовать.

Вновь построенные мартеновские цехи как на новых, так и на реконструированных заводах полностью механизированы и по характеру своего оборудования не уступают лучшим заграничным предприятиям. Что касается старых цехов, то за последние годы во многих из них, наряду со строительством новых агрегатов, производилась большая работа по механизации основных трудоемких процессов. Среднегодовой коэффициент использования объема доменных печей, работающих на коксе (по номинальному времени работы), по СССР за годы второй пятилетки улучшился: 1,10 в среднем по Союзу в 1937 г. против 1,76 в 1932 г. Передовые же заводы, борясь за социалистический уровень производительности труда, достигли значительно лучших показателей. Так, например, на Макеевском заводе им. Кирова в 1937 г. коэффициент использования полезного объема доменных печей составлял 0,94, а в первом квартале 1938 г. — 0,91; на Магнитогорском заводе в 1937 г. — 1,00, на кузнецком заводе им. Сталина в 1937 г. — 0,95, в 1 кв. 1938 г. коэффициент удержался на том же уровне, а в среднем за май 1938 г. — 0,93; на Сталинском заводе (Донбасс) в 1937 г. — 0,96; в мае 1938 г. 0,95; на Криворожском в 1937 г. — 1,01, а в 1 кв. 1938 г. — 0,87; на Запорожстали им. Орджоникидзе в 1937 г. — 1,01, а в 1 кв. 1938 г. — 0,96; на Краматорском им. Куйбышева в 1937 г. — 1,02, а в 1 кв. 1938 г. — 0,86.

Приведенные цифры говорят о том, что передовые заводы систематически улучшают свои производственно-технические показатели.

За годы первой и второй пятилеток коренным образом изменился и производственный аппарат прокатных цехов. Изменение его произошло не только по линии количественного увеличения парка прокатного оборудования, но и по линии усовершенствования конструкции существующих станов (по примеру заграничной практики и на основе собственного опыта). Кроме того, введен ряд новых мощных станов, рассчитанных на выработку новых профилей проката, требующих более точной обработки.

Годы первой пятилетки в прокатном производстве характеризуются, с одной стороны, восстановлением старых станов (750-мм завода им. Ильича, 800-мм завода им. Ворошилова, листовые станы Орджоникидзеовского и Таганрогского заводов и др.), а с другой — реконструкцией старых цехов и пуском новых агрегатов.

В тех цехах, где два стана обслуживались одной печью, были сооружены дополнительные печи. На всех нагревательных печах были произведены работы по повышению их производственной мощности. Особо следует отметить, что в годы первой пятилетки были начаты работы по переводу нагревательных печей на газовое отопление (доменный и коксовый газ).

Усиление нагревательных средств, являвшихся «узким местом» в прокатных цехах, сопровождалось рядом мероприятий по улучшению обслуживания печей. Так, у многих печей была механизирована уборка огарков, установлены лебедки для вытаскивания из печей нагретого металла, вталкиватели и т. п.

Зачастую работу станов тормозило отсутствие механизированных приспособлений для подачи нагретого металла. Поэтому на протяжении первой пятилетки в ряде прокатных цехов были установлены в одних случаях шлепперы и рольганги, в других — воздушные рельсовые пути, которые заменили тележки.

Развернулись также работы по замене старых двигателей прокатных станов, в большинстве паровых, электромоторами.

О масштабах реконструктивных работ, проведенных в старых прокатных цехах, говорит тот факт, что за первую пятилетку было установлено 53 новых двигателя мощностью в 73 тыс. HP, в том числе 48 электромоторов мощностью в 62 тыс. HP.

Реконструктивные мероприятия и расшивка «узких мест» в прокатных цехах привели к увеличению производительности прокатных станов.

Первая пятилетка в области прокатного производства характеризуется кроме того и серьезными качественными сдвигами. До первой пятилетки качественного проката у нас почти вовсе не было. В 1927—1928 гг., когда было начато производство качественного металла, его было выпущено 90 тыс. т, или 2,7% к общему выпуску проката. В 1932 г. уже было выпущено 683 тыс. т, или 15,9% к общему выпуску проката. Но все же среди других звеньев металлургического производства прокатные цехи оказались наиболее отсталым участком. Это явилось результатом того, что прокатчики не сумели до конца мобилизовать скрытые производственные ресурсы своих цехов, в огромной мере усиленные реконструкцией и установкой ряда новых станов.

Во второй пятилетке было развернуто новое строительство: создавались мощные агрегаты, новые по своей конструкции и по производимому прокату. На заводе Запорожсталь в конце пятилетия был пущен построенный Краматорским машинно-тракторным заводом мощный слябинг, предназначенный для обслуживания среднелистового

цеха и монтируемых в настоящее время цехов непрерывной горячей и холодной прокатки. Этот слябинг является третьим в мире (два построены в США). Высокая его производительность определяется тем, что обжатие производится в двух направлениях — вертикальном и горизонтальном — и исключается необходимость кантовки. Производственная мощность слябинга установлена в 1,8 млн. т слитков в год. Это обеспечивает питание тонко- и среднелистового стана.

Блюминги на Магнитогорском и Кузнецком комбинате им. Сталина, Макеевском заводе им. Кирова и на заводе им. Дзержинского, листовой стан и стан «300» на Кузнецком заводе им. Сталина, мощные станы «500» на Магнитогорском и Кузнецком заводах, полосовые станы Макеевского и Магнитогорского заводов и ряд других станков, представляющих собой образец новейшей техники, изменили производственный аппарат прокатных цехов. С 1932 по 1936 г. введено в эксплуатацию 45 станков и, что особенно важно, 6 блюмингов, в том числе 3 мощных, с суммарной производительностью в 4,8 млн. т слитков в год.

Это привело к тому, что за 4 года второй пятилетки производство проката выросло с 4 288 тыс. т в 1932 г. до 12 454 тыс. т в 1936 г., т. е. на 190%. Особенно важно отметить, что производство качественного проката достигло в 1936 г. 2 356 тыс. т против 683 тыс. т в 1932 г., т. е. рост на 245,0%.

Общие показатели производительности в прокатных цехах особенно повысились в связи с мощным развитием стахановского движения, о чем свидетельствуют следующие данные:

Почасовая производительность прокатных станков

(по фактическому времени в тоннах)

Заводы	Станки	1935 г.	1936 г.	III кв. 1937 г.
Магнитогорский	Новый блюминг	128,4	189,3	212,3
Кузнецкий	» »	145,7	136,3	225,2
Макеевский	» »	107,2	154,9	174,5
Им. Дзержинского	» »	77,6	108,4	153,1
Кузнецкий им. Сталина	Рельсобалочный	68,6	94,4	95,8
Магнитогорский	500 мм	57,4	97,0	97,1

Достигнутый уровень производительности еще далеко не исчерпывает всех возможностей, какими обладают новые мощные агрегаты.

В соответствии с общим улучшением использования мощностей прокатных станков, за последние годы, особенно в связи с развитием стахановского движения, значительно увеличилась производительность труда как на старых, так и на новых агрегатах. Среднегодовая выработка одного рабочего по прокатным цехам Советского Союза повысилась с 80,4 т в 1933 г. до 167 т в 1936 г. Но в этой области предстоит еще большая работа. По уровню производительности труда наши прокатные цехи еще значительно отстают от США. По уровню использования агрегатов прокатные цехи отстали от доменных и сталеплавильных. Поэтому задача использования резервов стоит здесь особенно остро. Хозяйственники и инженерно-технические работники черной металлургии слишком медленно перестраиваются в своей работе. Недопустимо медленно развертывают они борьбу с последствиями вредительства. Внимание к стахановскому движению со стороны ряда хозяйственников и инженерно-технических работников ослабело.

Вредители стремились подорвать силовое хозяйство, создать диспропорции внутри прокатных цехов, а также между мощностью прокатных и сталеплавильных цехов. Враги стремились разрушить прокатные станы, сорвать своёвременный ремонт и реконструкцию их.

Все это не могло не сказаться на итогах работы черной металлургии в 1937 г. Коэффициент использования полезного объема доменных печей в 1937 г. ухудшился по сравнению с 1936 г. (1,10 против 1,08).

Съем стали с 1 м² площади пода по сравнению с 1936 г. вырос на 6%; но этот рост не соответствует плановым заданиям. Прокатчики также работали неудовлетворительно: не выполнены задания по часовой производительности и превышена норма простоев, а по отдельным станам использование производственных мощностей в 1937 г. оказалось ниже 1936 г. Рост продукции против предыдущего года совершенно недостаточен. Металлурги отстают, потому что они медленно ликвидируют последствия троцкистско-бухаринского вредительства. Многие из работников до сих пор еще не понимают, что решительная и энергичная ликвидация последствий вредительства японо-немецких-троцкистско-бухаринских диверсантов и шпионов является необходимым условием для нового подъема работы заводов и черной металлургии в целом.

На приеме металлургов в Кремле, после октябрьского совещания работников металлургической промышленности, товарищ Сталин указал на то, что металлургам надо перед новым подъемом пройти через некоторые трудности. Металлурги должны очень много поработать, чтобы наверстать упущенное и обеспечить новый подъем черной металлургии.

Пути борьбы за новые победы металлургии ясно определены сталинским наркомом тяжелой промышленности товарищем Л. М. Кагановичем в его приказе «О работе заводов черной металлургии» от 20 ноября 1937 г. Приказ вскрывает основные недостатки в работе металлургических заводов и дает программу действий для искоренения этих недостатков и достижения новых производственных успехов. Нарком тяжелой промышленности в приказе констатирует, что главными причинами невыполнения производственного плана являются простои из-за бесхозяйственной организации дела, большое число аварий и некультурное ведение производства.

Дальнейший подъем производительности в черной металлургии упирается в культуру производства и организацию труда.

Культура производства определяется прежде всего умением использовать все производственные ресурсы, умением выжать из техники все, что она может дать. Крупнейшее значение в деле овладения высокой культурой производства имеет борьба с простоями. Большие простои — признак бескультурья и неумения организовать производство. Простои — одна из важнейших помех на пути к стахановской производительности труда.

К сожалению, приходится констатировать, что простои на наших предприятиях все еще весьма велики. В приказе товарища Л. М. Кагановича о работе заводов черной металлургии приводятся чрезвычайно яркие данные о простоях на металлургических предприятиях. В мартеновских цехах простои возросли с 21,8% в 1936 г. до 22,4% в 1937 г. (данные за первые 9 месяцев); в прокатных цехах соответственно — с 15,6% до 19,3%. На отдельных заводах простои достигают огромных размеров. В мартеновском цехе Лысьвенского завода, например, простои в 1937 г. достигли 35% к календарному времени работы, на заводе им. Фрунзе — до 31,4%, прокатные станы завода им. Войкова простаивали 39%, Кузнецкого завода — 35,3% и т. д.

О потерях, вызываемых простоями, можно судить по тому, что за 9 месяцев 1937 г. заводы, объединяемые ГУМПОм, недодали государству 1 182 тыс. т чугуна, 1 201 тыс. т стали и 1 132 тыс. т проката. В целях быстрейшего улучшения работы заводов черной металлургии и обеспечения нового ее подъема товарищ Каганович приказал директорам заводов и начальникам цехов решительно снизить простои печей и станов, вести борьбу против недисциплинированности и расхлябанности в цехах, против дезорганизаторов производства. Эффективно работать можно только тогда, когда все участки производства работают согласованно и четко. Вот почему товарищ Л. М. Каганович в своем приказе требует как от ГУМПА, так и от каждого командира производства, организовать работу по регламентированному технологическому процессу, на основе твердого пооперационного графика, который должен стать незыблемым законом производства и обеспечить организацию процесса как единого*слаженного целого.

Внедрение твердого графика на металлургических заводах является серьезным шагом вперед в деле овладения культурой производства. График обеспечит четкую организацию труда, снабжения производства и т. д. График является в то же время организующим началом производства и способствует выявлению нарушителей нормальной работы предприятия.

Приказ товарища Л. М. Кагановича констатирует, что многие из работников черной металлургии до сих пор еще не понимают, что решительная и энергичная ликвидация последствий вредительства японо-немецких троцкистско-бухаринских диверсантов и шпионов является основой для нового подъема работы заводов и всей черной металлургии в целом. Борьба с авариями не организована, оборудование основное и вспомогательное в порядок не приведено, ремонтируется плохо, мероприятия по ликвидации созданных вредителями диспропорций в производстве (между чугунно-сталеплавильными и прокатными цехами, между вспомогательными и основными цехами и т. п.) или вовсе не разработаны или крайне плохо осуществляются.

В целях быстрейшего улучшения работы заводов черной металлургии товарищ Л. М. Каганович в своем приказе конкретно указывает мероприятия, которые должны быть проведены для обеспечения плана выплавки чугуна и стали, выпуска проката, для снижения простоев, борьбы с авариями, а также для правильной организации ремонта печей и станов. Товарищ Каганович в своем приказе предлагает организовать тщательный учет всех аварий основного и вспомогательного оборудования. Директора заводов или их заместители обязаны лично расследовать каждую серьезную аварию, составляя о ней акт с указанием результатов расследования, виновных и мер, принятых для предупреждения подобных аварий в дальнейшем. В качестве одного из важнейших условий правильной организации производства товарищ Л. М. Каганович требует от директоров заводов немедленной ликвидации загрязненности цехов, обеспечения нормальной работы механизмов при передаче смен, превращения заводов черной металлургии в образцы высокой производственной культуры.

Резкое улучшение качества металла и дальнейший подъем производительности — вот основные задачи, стоящие перед советской черной металлургией в первом году третьей сталинской пятилетки.

Государственный план развития народного хозяйства СССР на 1938 г. предусматривает дальнейшее развитие народного хозяйства и, в частности, дальнейший рост черной металлургии. Планом предусмотрено увеличение производительности труда в тяжелой промышленности на 16,4% против 1937 г. Объем капитальных работ в тяже-

лой промышленности вырастает в 1938 г. на 30% против 1937 г. Капитальные вложения в тяжелую промышленность и машиностроение увеличиваются свыше чем в полтора раза. По черной металлургии план предусматривает в 1938 г. ввод в эксплуатацию 6 доменных и 11 мартеновских печей, бессемеровского цеха Криворожского завода, 6 прокатных станов и трубопрокатного стана. Кроме того, на востоке начинается строительство нового металлургического завода.

Согласно государственному плану, черная металлургия должна дать в 1938 г. 16 278 тыс. т чугуна, 20 300 тыс. т стали и 15 110 тыс. т проката. Это означает рост против 1937 г. по чугуну на 12%, по стали на 15% и по прокату на 16%.

В результате успешного выполнения второго пятилетнего плана технико-экономическая зависимость СССР от передовых капиталистических стран полностью ликвидирована. Импортировавшиеся царской Россией каменный уголь, чугун, сельскохозяйственные машины и удобрения превратились сейчас в предметы нашего экспорта.

Во главе победоносного движения всей нашей промышленности идет тяжелая индустрия. На февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) (1937 г.) т. Молотов указал, что уже в 1936 г. тяжелая промышленность выполнила вторую пятилетку на 98,3%. Эти успехи обеспечили невиданный рост благосостояния широких трудящихся масс нашей страны.

Производительность труда в черной металлургии по сравнению с довоенным уровнем значительно возросла. Выплавка чугуна (в пересчете на передельный) на одного рабочего доменного цеха в 1913 г. составила 220 т, а в 1936 г. достигла 676 т, т. е. выросла в 3 с лишним раза. По отдельным заводам выплавка чугуна и стали на одного рабочего за первую и вторую пятилетки характеризуется следующими данными: по Сталинскому заводу (Донбасс) в 1932 г. выплавка на одного рабочего составляла 284,0 т чугуна и 172,2 т стали, а в 1936 г.—756,0 т чугуна и 471,0 т стали; по Орджоникидзевскому заводу в 1932 г.—290,0 т чугуна и 198,0 т стали, а в 1936 г.—530,0 т чугуна и 291,0 т стали; по заводу им. Дзержинского в 1932 г.—248,7 т чугуна и 142,6 т стали, а в 1936 г.—576,1 т чугуна и 416,7 т стали. и по новому цеху 834,0 т.

По новым заводам (например, по Магнитогорскому) производительность труда на одного рабочего составила в 1936 г. 1 568,0 т чугуна и 645,2 т стали.

Однако достигнутые успехи должны расцениваться лишь как первые шаги на пути к полному освоению техники черной металлургии.

Ленин указывал, что главным мерилom в соревновании с капитализмом является производительность труда. «Чтобы победить в этом соревновании, мы должны неуклонно идти вперед, мы должны мерить наши успехи не меркой довоенной России, а современными мерками. Пока есть время, мы должны использовать каждый момент для того, чтобы подтянуться на слабых участках, чтобы достичь производительности труда и технических норм наиболее развитых капиталистических стран»¹.

Несмотря на существенные успехи в использовании доменных и мартеновских печей, а также прокатных станов, что вывело нашу черную металлургию на передовые технические позиции, металлургия СССР

¹ В. М. Молотов — Доклад на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б), 1937 г. «Уроки вредительства, диверсии и шпионажа японо-немецко-троцкистских агентов», Партиздат, 1937, стр. 68.

отстает еще от Соединенных штатов Америки по средней выработке на одного рабочего. Как и в борьбе за высокие технические коэффициенты, решающую роль здесь должны сыграть дальнейшее развитие стахановского движения, организация обмена стахановским опытом и социалистическое соревнование внутри и между заводами. Стахановцы вскрывают резервы производительности труда и силою примера зовут рабочих на овладение новыми высотами социалистической культуры производства. Важнейшим условием дальнейшего успешного развития стахановского движения является борьба с вредительством, решительная ликвидация всех последствий вредительства. В своем докладе на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 г. товарищ Сталин указывал, что «...борьба с вредительством, борьба за ликвидацию вредительства, обуздание вредительства является условием, необходимым для того, чтобы стахановское движение могло развернуться во всю ширь»¹.

Выкорчевывая врагов народа из всех звеньев народного хозяйства, партия поставила задачу овладения большевизмом, смелого выдвижения на ответственные хозяйственные посты молодых кадров, преданных партии Ленина — Сталина, делу строительства коммунизма. От хозяйственников, от руководителей зависит очень многое. Возглавляя инициативу передовиков-стахановцев, продолжая борьбу за новые, стахановские нормы использования оборудования, кадры советской металлургии, выпестованные партией Ленина — Сталина, выведут черную металлургию на передовые позиции нашего народного хозяйства и обеспечат завоевание новых побед в третьей сталинской пятилетке.

---

¹ И. Сталин, «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников», Партиздат, 1937, стр. 25.

А. КАРАБАЕВ

Сталинский закон дальнейшего укрепления колхозного строя

Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 19 апреля 1938 г. «О запрещении исключений колхозников из колхозов», «О неправильном распределении доходов в колхозах» и «О налогах и других обязательствах в отношении единоличных хозяйств»¹ имеют крупнейшее политическое значение в деле дальнейшего укрепления колхозного строя и усиления темпов роста зажиточности колхозников.

Партия Ленина—Сталина, обеспечив за две сталинские пятилетки победу социализма в нашей стране, добилась невиданных успехов в развитии производительных сил социалистического сельского хозяйства. Уже итоги 1937 г. наглядно показали, что социалистическое сельское хозяйство—наши совхозы, колхозы и МТС—с честью выполняет историческое сталинское задание о производстве 7-8 млрд. пудов зерна ежегодно. В 1937 г. был собран небывалый в истории нашей страны урожай. По всем данным, в текущем 1938 г. урожай еще более обильный. Ныне, как и в прошлом году, достигнуты исключительные успехи в борьбе за высокие сталинские урожаи не только в зерновом хозяйстве, но и по другим культурам (хлопок, свекла, лен и т. д.). Высокие урожаи хлебов в 25 ц и выше с каждого гектара, которые еще в 1934—1935 гг. были редкими, стали теперь массовым явлением: их добились не только отдельные бригады, но и целые колхозы и даже районы. Огромный рост урожайности, быстро ведущий страну к изобилию продуктов, представляет собой яркое выражение побед социализма в сельском хозяйстве СССР.

Исключительно богатый урожай 1938 г. является одним из крупнейших успехов, которым наша социалистическая родина достойно отмечает свое вступление в период третьей сталинской пятилетки.

Обильный урожай является прямым результатом борьбы партии Ленина—Сталина за социалистическую реконструкцию сельского хозяйства, за укрепление колхозного строя в деревне.

Еще в 1937 г. 99,1% всей посевной площади (не считая площади совхозов) было сосредоточено в колхозах. Колхозы вооружены самой передовой машинной техникой. В текущем 1938 г. колхозные поля обслуживаются около 6 тыс. МТС. Тракторной обработкой охвачена подавляющая часть площади колхозных посевов. 50% хлебов убирается в этом году комбайнами.

Насыщение сельского хозяйства передовой машинной техникой, внедрение передовой социалистической агротехники является основой дальнейших побед в борьбе за еще более высокие сталинские урожаи социалистических полей.

Крупнейшие успехи достигнуты и в области подъема животноводства. Темпы прироста поголовья в 1937 г. значительно превзошли

¹ «Правда», 20/IV 1938 г.

темпы 1936 г. В этом отношении 1937 год является рекордным за двадцать лет существования СССР, не говоря уже о дореволюционном периоде. В связи с коренными изменениями, происшедшими за годы второй пятилетки в качественном составе стада, растет не только поголовье, но и продуктивность скота.

Рост урожайности и развитие колхозного животноводства обеспечили быстрый подъем доходов колхозов и зажиточности масс колхозников. Во всем этом со всей яркостью сказывается сила колхозного строя, победа которого в нашей стране обеспечена всей политикой партии Ленина — Сталина.

Преимущества социалистического сельского хозяйства из года в год выступают все ярче. Именно в колхозах осуществлены заветные мечты крестьянина о зажиточной жизни. Колхозный строй навсегда ликвидировал вековую нищету в деревне. Колхозы открыли перед крестьянином-тружеником новый мир счастливой и радостной жизни. Само советское крестьянство при диктатуре пролетариата и победе колхозного строя стало совершенно новым крестьянством, «...подобного которому еще не знала история человечества»¹.

В деревне, как и в городе, полностью уничтожены эксплуататорские классы. Сельскохозяйственное производство, оснащенное новейшей высокопроизводительной машинной техникой, характеризуется бурным ростом производительности сельскохозяйственного труда. Замечательные образцы высокой производительности труда дают сталинские питомцы — стахановцы социалистических полей. Это — передовики наших колхозов, совхозов и МТС, успешно овладевающие высокой технической культурой и большевизмом. Их число изо дня в день увеличивается, что является условием дальнейших побед социалистического сельского хозяйства.

Колхозной деревней быстро осваивается современная культура социалистического города: радио, клуб, театр, кино, телефон, музыка, печать и т. д. Все это приводит к исключительно быстрому росту культурного уровня масс колхозников. Электричество, радио, городская обстановка, городская одежда и цветы перестали быть редкостью в колхозной семье.

Под солнцем социалистической революции переродилась деревня. В колхозах в корне изменилась жизнь трудящегося крестьянства.

Но то, что сделано, есть лишь начало дальнейших побед, условия для которых создал победивший социализм. Дальше будут еще более усиливаться темпы роста материального благосостояния и культурного уровня колхозных масс, ускорится процесс изживания противоположности между городом и деревней. Большевицкая партия и великий Сталин делают все для роста колхозов, для расцвета колхозного строя. Именно в этой связи огромное политическое значение имеют упомянутые в начале решения СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 19 апреля 1938 г. Эти постановления являются ярким примером сталинской заботы о дальнейшем процветании колхозов, об интересах всей массы колхозников, о росте их зажиточности и подъеме культуры.

Злейшие враги советского народа — право-троцкистские контрреволюционные бандиты, разоблаченные шпионы фашизма — все время пытались сорвать осуществление ленинско-сталинского кооперативного плана коренной социалистической переделки сельского хозяйства СССР — плана коллективизации деревни. Действуя гнуснейшими методами обмана и двурушничества, они вели подрывную работу, направленную против социализма, против колхозов.

¹ И. Сталин, Доклад на VIII Чрезвычайном всесоюзном съезде советов, Партиздат, 1937 г., стр. 14.

Когда была разоблачена реставраторская сущность контрреволюционных «теорий», которые пытались распространить в свое время заклятые враги социализма — троцкисты и бухаринцы, агенты буржуазных разведок изменили свои методы, стали проводить скрытую подрывную работу в сельском хозяйстве. Среди так называемых «практиков» сельского хозяйства нашлись люди, которые гнуснейшие вредительские приемы ведения сельского хозяйства преподносили под видом последнего слова агрономической науки (так называемая «тулайковщина», внедрение в социалистическое сельское хозяйство приемов мелкой вспашки, игнорирование севооборотов, что привело к засорению колхозных и совхозных полей огромным количеством сорняков и др.). Подобного рода подрывная работа проводилась и в области животноводства, в частности по линии искусственного осеменения животных, кормления и т. д. Враждебные элементы в лице осколков ликвидированного кулачества и замаскировавшихся врагов народа из правотроцкистского контрреволюционного блока, перейдя к тактике действия тихой сапой, проникли в колхозы и земельные органы, где в течение ряда лет вели подрывную вредительскую работу. Ставя своей основной задачей реставрацию капитализма в стране, вредители прилагали отчаянные усилия к тому, чтобы взорвать колхозы изнутри, разложить их, вызвать недовольство колхозников. Враги колхозного строя упорно насаждали в практику колхозной работы вреднейшие принципы уравниловки, наиболее ярким выражением чего являлся принцип распределения доходов по едокам; делом рук врагов народа были антигосударственные тенденции в некоторых колхозах, особенно сильно проявившиеся в 1932 г.: разложение трудовой дисциплины, порча машин и инвентаря, расхищение общественной социалистической собственности, травля и убийства колхозных активистов.

Партия не раз наносила удары замаскировавшимся врагам, разоблачала и выкорчевывала их гнезда. На последних процессах с достаточной полнотой выяснились гнуснейшие преступления этих презренных агентов фашизма, превратившихся в озверелую банду убийц, вредителей и диверсантов. Гнусная деятельность подлых предателей, давнишних скрытых агентов фашистских разведок, разоблачена славной советской разведкой под руководством сталинского наркома Н. И. Ежова, основные вражьи гнезда уничтожены, враг понес заслуженную кару. Подлые предатели прокляты всем советским народом. Имена их покрыты вечным позором и презрением. Но враги народа успели причинить немало вреда нашей стране, и в частности в деле колхозного строительства. Скорейшая ликвидация последствий вражеской работы в колхозах и МТС является необходимым условием их дальнейшего организационно-хозяйственного и политического укрепления. Именно на немедленную ликвидацию последствий вредительства, на дальнейший еще более усиленный подъем колхозов и мобилизуют постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) партию и колхозное крестьянство. Эти постановления вооружают всех работников сельского хозяйства четкой сталинской программой борьбы за дальнейший расцвет социалистического сельского хозяйства.

Всем ясна та исключительная роль в деле укрепления колхозного строя и подъема зажиточности колхозных масс, которую сыграл Сталинский устав сельскохозяйственной артели. Сталинское разрешение в уставе таких коренных вопросов развития колхозов, как закрепление за колхозами земли навечно и наведение порядка на ней, правильное сочетание общественных интересов с личными, охрана и укрепление общественно-социалистической собственности, организация колхозного производства, расширение внутриколхозной демократии, повышение роли женщины в колхозе, усиление ответственности пра-

вления артели перед колхозниками и др., помогло колхозам быстро освободиться от множества организационных недостатков, которые раньше задерживали успешное развитие колхозов. На основе Сталинского устава сельскохозяйственной артели, который был принят восторженно всей массой колхозников и который по праву назван основным законом колхозной жизни, колхозы в первые же годы работы добились огромных успехов в развитии своего производства, в повышении доходов и в росте зажиточности колхозников.

Обильные урожаи 1937 и 1938 гг., быстрое развитие животноводства колхозов и личного животноводства колхозников, рост колхозных доходов и увеличение количества продуктов, приходящихся на колхозный трудодень, являются наиболее ярким выражением успехов, которых добились колхозники на основе Сталинского устава сельскохозяйственной артели, на основе той помощи, которую оказали колхозам партия и советское правительство.

По данным 157 тыс. колхозов, в 1937 г. в среднем на один колхозный двор пришлось по трудодням зерна вдвое, а во многих случаях и втрое больше, чем было выдано в 1935 г. Десятки тысяч колхозников получили за выработанные семьей трудодни по тысяче и больше пудов зерна. Многие колхозы довели свой общий доход до миллиона и больше рублей. В одном только Избаскентском районе число колхозов-миллионеров увеличилось с 13 в 1936 г. до 40 в 1937 г. Все это создало прочную основу для зажиточной жизни, которой сегодня живут миллионы колхозников в различных районах нашей великой социалистической родины. Зажиточная колхозная жизнь цветет всюду: на просторах кубанских и украинских степей и в хлопкопроизводящих солнечных районах наших среднеазиатских социалистических республик, в льноводческих колхозах Московской и Калининской областей и в колхозах Закавказья, собирающих высокие урожаи чая, хлопка, риса и фруктов, в свекловичных колхозах Воронежской и Курской областей и в колхозах советского Крайнего Севера и далекой Бурят-Монголии. всюду колхозы, окруженные сталинской заботой, пожинают обильные плоды высокопроизводительного колхозного труда.

В южных краях и областях в 1937 г. натуральная оплата трудодня составила в среднем 5,4 кг. Около 23% колхозов выдали на каждый трудодень свыше 7 кг зерна. Проведенное в Днепропетровской области обследование 549 колхозных хозяйств показало огромный рост колхозной зажиточности. Поступления от колхозов в счет оплаты трудодней зерном и мукой в первом квартале 1937 г. увеличились по сравнению с соответствующим кварталом 1936 г. в три раза, а по сравнению с тем же кварталом 1935 г.—почти в пять раз. Резко возросла выдача на трудодень и всех других продуктов—картофеля, овощей и т. д. Выросли и денежные доходы колхозников. По сравнению с первым кварталом 1936 г. они увеличились в 1937 г. в полтора раза, а по сравнению с первым кварталом 1935 г.—в два с половиной раза. Колхозы располагают огромными денежными доходами.

С ростом колхозных доходов быстро растут запросы колхозных масс, увеличивается спрос колхозной деревни на промышленные и культурные товары.

«Жили мы в единоличниках,— говорит старейший колхозник «Ясной поляны» (Днепропетровщина) Федор Лукьянович Шашевский,— было не до жиру, быть бы живу. В колхозах на ноги стали, землю оседлали, зерна вдоволь заставили рожать. А теперь вот уже и этого мало. К хлебу и мясу требуется, и сало, и овощи всякие, и бахча, и много чего другого. Человек колхозный, он разве может на одном месте топтаться? Не может. Его дорога все вперед да вперед — сталинская дорога...»

Колхозник Сташевский выразил мысли и чувства десятков миллионов колхозников.

В колхозе им. Сталина, Ярги-Курганского района, Узбекской ССР, доход которого в 1937 г. вырос до 11,5 млн. руб., выдача на трудодень составила 45 руб. В этом колхозе многие колхозники получили за трудодни десятки тысяч рублей.

Колхозник колхоза «Большевик» (Гусевский район, Ивановской области), Гусев Федор Иванович, пишет о своей жизни: «Девять лет тому назад я был бедняком, а теперь я и мои дети стали зажиточными людьми. Вот что я заработал за свои трудодни в нынешнем году (1937).

Зерна	300 пудов
Картофеля	2 400 »
Овощей	145 »
Мяса коровьего	} 52½ »
» свиного	
Молока цельного	3 600 литр.
Денег наличных	24 000 рубл. ¹

Колхозник Гусев живет не только зажиточно, но и культурно. Он читает газеты, журналы, книги, посещает кино, ездит с семьей во Владимирский городской драматический театр. Так же живут и остальные колхозники в колхозе «Большевик».

Колхоз «Большевик», образовавшийся в 1928 г. из семи бедняцких хозяйств, вырос в большое образцовое хозяйство, снимающее со своих полей высокие урожаи зерновых, колосовых и других культур. В 1937 г. средний урожай ржи с гектара в этом колхозе равнялся 17,46 ц, озимой пшеницы — 14,21 ц, яровой пшеницы — 14,93 ц, проса — 17,50 ц, ячменя — 29 ц, картофеля — 303,51 ц и т. д. Каждая фуражная корова на МТФ колхоза дала в 1937 г. по 2 500 л молока. Правильная, умелая организация производства, добросовестная, честная работа колхозников, их бережное отношение к колхозному имуществу — вот что определяло рост колхоза, его высокие доходы. Колхоз «Большевик», поднимая свое производство, как и все колхозы нашей страны, считает первой своей задачей своевременное выполнение всех обязательств перед социалистическим государством.

Можно было бы привести сотни тысяч примеров, свидетельствующих о бурном развитии колхозного производства, о росте на этой основе колхозных доходов и зажиточности колхозников, о превращении бывших бедняков в обеспеченных людей, живущих радостной, счастливой зажиточной жизнью.

Огромную помощь колхозам оказывает государство. Достаточно указать, что в 1938 г. государство расходует только на МТС около 7 млрд. руб. Наряду с широкой материальной поддержкой со стороны советского государства колхозам обеспечено повседневное сталинское руководство и внимание. Это сталинское руководство и точное выполнение колхозами Сталинского устава сельскохозяйственной артели являются залогом дальнейших побед в укреплении колхозного строя в деревне.

Враги народа в своей борьбе против колхозов учитывали громадное значение Сталинского устава сельскохозяйственной артели и поэтому всячески пытались сорвать проведение его в жизнь.

В постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 19 апреля говорится о ряде крупнейших извращений Сталинского устава сельскохозяйственной артели по линии соблюдения внутриколхозной демократии. Так, с целью вызвать недовольство колхозников враги народа добивались во многих случаях совершенно необоснованного, незаконного исключе-

¹ «Колхозный бригадир» № 22, 1937, стр. 25.

ния колхозников из колхозов. В постановлении указано, что «особенно широкие размеры приобрели перегибы и извращения при исключении колхозников из колхозов в Свердловской, Новосибирской, Смоленской, Калининской, Каменец-Подольской, Житомирской областях, в Алтайском, Краснодарском, Орджоникидзевском краях и Казахской ССР».

В Свердловской области только за вторую половину 1937 г. совершенно необоснованно исключено из колхозов 2 262 колхозные семьи. В Новосибирской области без каких-либо серьезных поводов за тот же срок исключено из колхозов 5 705 семей. В Орджоникидзевском крае за 1937 и начало 1938 г. было исключено из колхозов свыше 6 тыс. колхозников. Во многих случаях эти исключения нельзя назвать иначе, как провокационными, являющимися результатом подрывной деятельности врагов народа. Так, в Наурском районе, Орджоникидзевского края честного колхозника т. Бастрыкова исключили из сельхозартели «Сталинец» с мотивировкой: «за религиозные убеждения и длинную бороду». Такое издевательское отношение к колхознику могло быть только делом врагов народа.

В постановлении СНК и ЦК указывается, что: «Наиболее распространенным видом незаконных исключений из колхозов является исключение из колхозов членов семей, отцы которых ушли на временную или постоянную работу в государственные предприятия. Такое исключение из колхозов по признаку семейных связей в корне противоречит уставу сельскохозяйственной артели».

В Сталинском уставе сельскохозяйственной артели совершенно ясно указано, что вопрос об исключении того или иного члена артели из ее состава ставится правлением перед общим собранием артели только в тех случаях, «когда все принятые артелью меры воспитания и наказания оказываются недействительными». Исключение из колхоза — это крайняя мера. На деле же правления многих колхозов нарушали это требование устава и зачастую исключали колхозников группами за самые незначительные проступки или по признаку семейных связей, зачастую не доводя об исключении даже до сведения общих собраний артели. Такая практика, являясь грубейшим извращением Сталинского устава артели, находится в полном противоречии со всей политикой партии Ленина — Сталина. Эта практика лила воду на мельницу врагов народа, врагов колхозов.

Колхоз стал для каждого колхозника кровным, родным делом. Колхозник прочно связал свою судьбу с колхозом, в котором он спокоен за свой завтрашний день. За все истекшие годы колхозные массы окончательно убедились, что только путь колхоза обеспечивает им счастливую, зажиточную культурную жизнь. Исключить колхозника из колхоза — значит нанести ему самый тяжелый удар.

В постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) говорится, что «...в основе такой практики лежит формальное и бездушно-бюрократическое отношение многих руководящих работников колхозов, а также партийных и советских руководителей районов к судьбе живых людей, к судьбе отдельных колхозников. Такие руководители не понимают, что исключить колхозника из колхоза значит отнять у него источник существования, значит не только опозорить его в общественном мнении, но и обречь его на голодное существование. Они не понимают, что исключение из колхоза искусственно создает недовольство и озлобление у исключаемых из колхозов, порождает у многих колхозников неуверенность в их положении в колхозе, что не может не играть на руку врагам народа».

Естественно, что такая практика не организовывала, а дезорганизовывала колхозную массу, создавая в сознании многих колхозников в

корне неправильное, извращенное представление о политике партии, которую пытались дискредитировать подлейшие враги народа из право-троцкистского фашистского лагеря.

Вот почему постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О запрещении исключения колхозников из колхозов» со всей силой обрушивается на тех, кто проводит эту практику, часто, может быть, не понимая, что она наносит большой вред колхозам, что она помогает врагам колхозов, врагам советского народа. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) запрещает проводить чистки колхозов под каким бы то ни было предлогом. Постановление запрещает исключать из колхозов членов семей колхозников по мотивам ухода одного из членов семей на временную или постоянную работу в государственные предприятия. Запрещается исключать из колхозов за нарушение правил внутреннего распорядка. В постановлении подчеркивается, что впредь «исключение колхозников из колхозов может применяться лишь, как крайняя мера, в отношении членов колхоза, явно неисправимых, подрывающих и дезорганизующих колхоз и лишь после того как исчерпаны все предусмотренные уставом сельхозартели меры предупредительного воспитательного характера и лишь со строгим соблюдением установленного уставом сельхозартели порядка исключения, т. е. по решению общего собрания членов артели, на котором присутствует не меньше $\frac{2}{3}$ общего числа членов артели». Но и в этом случае постановление обязывает обеспечить самое внимательное отношение к апелляциям исключенных из колхозов, причем решение об исключении входит в силу только после окончательного утверждения его райисполкомом.

Постановление СНК и ЦК кладет решительный предел произволу, который, как уже отмечалось выше, не редко являлся прямым результатом подрывной работы врагов народа. Задача состоит в том, чтобы немедленно ликвидировать допущенные извращения и восстановить исключенных колхозников. Руководители колхозов, вставшие в отношении колхозников, совершивших тот или иной проступок, на путь голого администрирования, на путь репрессий, совершенно не понимают своих задач. Такие руководители забывают, что имеют дело с людьми, которые часто еще не порвали с частнособственническими привычками и пережитками, и что среди них должна проводиться повседневная, систематическая работа по их социалистическому перевоспитанию.

Партия всегда осуждала всякие попытки встать на путь грубого администрирования в отношении крестьянства и колхозников, как попытки, не имеющие ничего общего с ленинско-сталинскими принципами руководства колхозами. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) наносит решительный удар попыткам возродить в колхозах эту антипартийную, антиленинскую практику.

Задача состоит в том, чтобы еще сильнее закрепить связи колхозника с артелью, поднять его политический и культурный уровень, воспитать в нем социалистическое отношение к труду, к трудовой дисциплине, к общественной социалистической собственности, выковать в каждом колхознике крепкого борца за новый, социалистический строй, за новые социалистические методы работы, за новую социалистическую производительность труда. Это можно сделать только на основе чуткого внимательного подхода к колхознику, на основе его социалистического перевоспитания.

Враги народа, стремясь вызвать недовольство среди колхозников и развалить колхозы, добивались всеми средствами снижения доходов колхозов и понижения выдачи на трудодень в деньгах и натуре. С этой целью мерзавцы проводили вредительскую работу в колхозах,

не останавливаясь перед самыми гнусными методами: организовывали порчу машин и колхозного инвентаря, отравление и заражение различными болезнями колхозного скота, уничтожение урожая на корню, порчу хлеба на складах и в амбарах и т. д. Они толкали колхозы на разбазаривание колхозных средств, с тем чтобы меньше приходилось на трудодни, запутывали колхозный учет, в отдельных местах добивались ликвидации товарных животноводческих ферм (Кировская область) и т. д.

Все эти гнусные махинации разоблачаются до конца постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О неправильном распределении доходов в колхозах». Это постановление, как и постановление «О запрещении исключения колхозников из колхозов», представляет собой яркий образец сталинского решения коренных вопросов строительства и укрепления колхозов и поэтому имеет исключительное значение для дальнейшего организационно-хозяйственного и политического укрепления колхозов.

В постановлении указывается, что в колхозной практике еще не всюду изжиты крупнейшие недостатки, задерживающие успешное развитие колхозов, тормозящие рост производительности колхозного труда и рост зажиточности колхозников. Достаточно привести ряд фактов, чтобы со всей ясностью показать, как велик был вред, который наносился колхозному строю извращением сталинского устава в части распределения доходов. Произведенная по поручению ЦК партии проверка практики распределения доходов показала, что доходы распределялись во многих случаях не в соответствии со Сталинским уставом сельскохозяйственной артели. Денежная часть дохода, идущая в распределение по трудодням, была в очень многих случаях искусственно резко преуменьшена. В таких колхозах колхозники, несмотря на общий значительный рост доходов, получали на трудодни очень небольшой доход в деньгах. «Например, в Татарской АССР по 172 колхозам на трудодни в среднем распределено только 28% доходов; в Горьковской области по 1 279 колхозам распределено на трудодни только 33% денежных доходов колхозов. В некоторых областях и республиках (Ростовская, Воронежская и Рязанская области, Казахская ССР и др.) имеются колхозы, в которых денежные доходы в 1937 г. совершенно не распределялись по трудодням».

По данным годовых отчетов колхозов за 1937 г. в Орловской области имелось 7% колхозов, где оплата трудодней производилась только натурой. Подавляющая масса колхозов в той же области выдавала на трудодень меньше одного рубля. В Ивановской области в 1936 г. из 5 401 колхоза 998 не выдали на трудодень ни одной копейки деньгами, а 3 003 колхоза деньгами выдали меньше 40 копеек на трудодень. В Курской области колхозов, не выдававших денег на трудодень, насчитывалось в 1937 г. 10%. В Казахской ССР, в Воронежской, Ярославской, Рязанской и других областях по 400—500 колхозов в 1937 г. не выдали колхозникам на трудодни ни одной копейки денег.

Основной причиной такого положения в большинстве случаев являлось грубейшее извращение устава сельскохозяйственной артели, где отчетливо сказано о размерах отчислений на пополнение неделимых фондов и о затратах на производственные, административно-хозяйственные и другие нужды колхоза. В неделимые фонды, вместо установленных уставом 10—20%, отчислялась нередко половина, а иногда и большая часть всего денежного дохода.

В ряде колхозов до 20—25% денежного дохода уходило на так называемые административно-хозяйственные расходы. В колхозе им. 13-летия РККА, Молвитинского района, Ярославской области, затраты на административно-управленческие расходы составили в 1937 г. огром-

ную долю — 28% общего денежного дохода. И это далеко не единственный случай. Такой удельный вес административно-хозяйственных расходов в денежном доходе колхозов говорит о преступном разбазаривании колхозных средств, о грубейшем нарушении устава сельскохозяйственной артели. Именно такое разбазаривание колхозных доходов во многих колхозах приводило к тому, что колхозники вовсе не получали денег на трудодни. В ряде колхозов председатели додумались даже до того, что организовали кампанию «по отказу колхозников от причитавшихся им денег». В Саратовской области руководители колхозов и районных организаций рассуждают так: «Колхозники завалились хлебом, у них своих денег много. Артельные деньги пойдут на общеколхозные нужды»¹. Поэтому эти руководители так вели финансовое хозяйство, что денег на распределение по трудодням не оставалось.

Такое положение часто толкало колхозников на поиски дополнительных заработков на стороне, что вело к текучести рабочей силы в колхозе. Местами это приводило также к тому, что колхозники основное внимание уделяли личному хозяйству, ослабляя свое участие в коллективном хозяйстве.

Во всей этой практике ярко выступает вреднейшая тенденция игнорирования личных интересов колхозников, которую упорно пытались проводить право-троцкистская шайка фашистских вредителей и их подручные в колхозах. Установка — поменьше выдавать на трудодень — преследовала гнусную цель — ослабить силу колхозов, посеять в них элементы разложения, внести в сознание колхозников сомнение в правильности избранного пути, поколебать силу колхозного трудодня. Враг прекрасно понимал, что каждый шаг к укреплению колхозов есть укрепление позиций социализма в нашей стране, усиление мощи СССР. Но гнусные происки фашистских наемников и остатков разбитого кулачества, проникших в колхозы и в земельные органы, разоблачены и на этом участке, колхозы очищаются от проникших туда троцкистско-бухаринских агентов фашизма. Их преступной деятельности в колхозах нанесен решительный удар. Попытки врагов народа добиться развала колхозов путем насаждения практики извращений Сталинского устава артели провалились.

Правильное сочетание личных и общественных интересов является одним из центральных вопросов в ленинско-сталинском учении об условиях победы социализма в нашей стране, в учении о социалистической переделке десятков миллионов мелких крестьян. Эта гениальная идея лежит в основе ленинского кооперативного плана. Эта идея со всей силой выступает в учении товарища Сталина об артели. Эта идея лежит в основе Сталинского устава сельскохозяйственной артели, проведение в жизнь которого ознаменовалось изумительными победами колхозного строя в СССР.

На Втором всесоюзном съезде колхозников-ударников товарищ Сталин учил лучших людей колхозной деревни тому, что главное в дальнейшем укреплении колхозов это — правильное сочетание личных интересов колхозников с общественными интересами колхозов.

«Если вы хотите укрепить артели, если вы хотите иметь массовое колхозное движение, которое должно охватить миллионы дворов, а не единицы и сотни, если вы этого хотите добиться, — вы при нынешних условиях должны обязательно учесть, кроме общих интересов колхозников, их личные интересы»².

¹ «Правда» 2/IV — 1938 г.

² Из выступления товарища Сталина на Комиссии Второго Всесоюзного съезда колхозников-ударников по Примерному уставу сельскохозяйственной артели.

«Сочетание личных интересов колхозников с общественными интересами колхозов — вот где ключ укрепления колхозов»¹.

Принятый съездом устав сельскохозяйственной артели проникнут этой сталинской идеей. Основными положениями Сталинского устава являются следующие слова, записанные в вводной части устава: «Колхозный путь, путь социализма есть единственно правильный путь для трудящихся крестьян. Члены артели обязуются укреплять свою артель, трудиться честно, делить колхозные доходы по труду, охранять общественную собственность, беречь колхозное добро, беречь тракторы и машины, установить хороший уход за конем, выполнять задания своего рабоче-крестьянского государства, — и таким образом сделать свой колхоз большевистским, а всех колхозников зажиточными»².

Вся наша действительность показывает, как крепнут большевистские колхозы, как растет зажиточность колхозников, как все ярче, красочнее расцветает счастливая колхозная жизнь, согреваемая сталинской заботой. Но в эту действительность вносили диссонанс многочисленные факты грубейшего извращения Сталинского устава артели, которые нарушали принцип правильного сочетания личных интересов колхозников с общественными интересами колхозов. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О неправильном распределении доходов в колхозах» кладет конец этим извращениям Сталинского устава сельскохозяйственной артели, исправляет ошибки тех колхозов, которые в той или иной форме встали на этот вредный и неправильный путь.

До самого последнего времени было немало таких руководителей колхозов, которые, несмотря на создание в колхозе достаточных общественных фондов и полную возможность сократить расходы по этой части, продолжали систематически отчислять огромную часть денежных доходов колхозов на капитальное строительство. А в то же время совершенно справедливое желание колхозников получать больше на трудодни зачастую не находило реального удовлетворения. Доходы, которые могли бы без ущерба для развития общественного хозяйства распределяться на трудодни, вкладывались в капитальное строительство. Таким образом, нарушалось основное требование Сталинского устава о правильном сочетании общественных и личных интересов. Например, в колхозе «Верный путь» (Кирсановский район), организованном в 1929 г., вплоть до 1938 г. руководители были охвачены строительной горячкой. Здесь ежегодно производились большие капитальные затраты, без которых можно было бы вполне обойтись. Благодаря этому колхозники в 1937 г. получили на трудодень всего по 25 коп.

«Вместо постоянной заботы о повышении трудодня колхозникам и правильном сочетании личных интересов колхозников с общественными интересами в колхозе, правления колхозов, — говорится в постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б), — увлеклись капитальным строительством, чрезмерными производственными расходами и затратами на административно-хозяйственное управление в колхозах. Доля отчислений в неделимые фонды, затраты на административно-хозяйственные нужды и расходы на культурные нужды не только не уменьшились, а наоборот значительно превышают установленные уставом сельскохозяйственной артели нормы».

В том же постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) отмечается, что правления многих колхозов нарушали требование устава расходовать средства в соответствии с утвержденной общим собранием сметой. Сама смета нередко составлялась с преувеличенными расходами. Нередко средства расходовались без учета выполнения плана по доходу.

¹ Из выступления товарища Сталина на Комиссии Второго Всесоюзного съезда колхозников-ударников по Примерному уставу сельхозартели.

² «Примерный устав сельскохозяйственной артели», Партиздат, 1935, стр. 3.

«Такие председатели колхозов и правления колхозов забывают, что они не имеют права самостоятельно изменять утвержденную смету без согласия колхозников, производить те или другие затраты, забывают, что они являются людьми — целиком подотчетными общему собранию колхоза».

Так сформулировано в постановлении требование строжайшим образом соблюдать внутриколхозную демократию. Нарушать этот принцип, управлять делами колхоза и расходовать колхозные средства без согласия колхозника — значит действовать вопреки природе колхозов как добровольных объединений трудящихся крестьян. Такая практика неизбежно ослабляет колхозы, и поэтому ее скорейшая ликвидация — необходимое условие дальнейшего организационно-хозяйственного и политического укрепления колхозов.

Проверка выполнения устава сельскохозяйственной артели по линии административно-хозяйственных расходов вскрыла местами вопиющие факты извращений. По уставу сельскохозяйственной артели все работы в колхозах должны выполняться членами колхоза. Лишь в особо исключительных случаях допускается временный наем рабочей силы. Однако, в ряде колхозов это требование устава было нарушено. В результате плохой организации труда правления колхозов затрачивали значительные средства как деньгами, так и натурой на наем рабочей силы извне. Это приводило к разбазариванию колхозных средств и снижало колхозные доходы. Так, в Пешковском колхозе (Московская обл.) на наемных рабочих было израсходовано в 1937 г. почти 8 тыс. руб. В этом колхозе отчисления на административно-хозяйственные расходы составили 5,3% денежного дохода. В итоге незаконного расходования средств из 96 441 руб. денежного дохода колхоза на распределение по трудодням пошло всего 9,9 тыс., или 10% всей суммы денежного дохода.

В Лашковском колхозе (Московская область, Солнечногорский район) даже председатель колхоза работает как служащий «по найму», получая 600 руб. в месяц. Это грубейшее нарушение устава артели. Этот колхоз только с подсобных предприятий получил в 1937 г. 320 737 руб. дохода, а по трудодням из этой суммы было распределено всего 20 тыс. руб.

Твердая денежная оплата председателей и даже перевод на зарплату целых категорий работников практиковались в ряде колхозов Московской области. Имелись случаи, когда и сами колхозники в известной части превращались в наемных рабочих. Например, в Даниловском колхозе (Павловский посад) доярки были переведены на твердую ежемесячную зарплату. Такой порядок означает полное игнорирование особенностей колхоза, отличающих его от предприятия государственного, и является вопиющим нарушением Сталинского устава артели. Введение месячной зарплаты не способствует росту колхоза, а наоборот, ведет к подрыву колхозного производства.

В ряде колхозов Голопристовского района (Николаевской обл.) производился массовый наем единоличников на уборку хлопка, между тем как трудовое участие колхозников в колхозном производстве было чрезвычайно слабым. Многие колхозники выработали в 1937 г. от 100 до 200 трудодней. В то же время на оплату наемной рабочей силы колхозы затратили огромную сумму денег, уменьшив тем самым доходы колхоза. Так, колхоз «Червоный Жовтень» затратил на оплату наемного труда при уборке хлопка 67 829 руб.; колхоз «Червонна Зирка» — 95 123 руб., колхоз им. Шевченко — 17 580 руб. Между тем именно эти колхозы особенно отличались слабой трудовой дисциплиной колхозников. Значительная часть колхозников систематически не

выходили на работу. Здесь большое значение имело то, что в колхозе не велась никакая политико-воспитательная работа среди колхозников.

Подобные факты имели место и в ряде других областей. Так, например, в Челябинской области колхозы в 1937 г. разбазарили только на наем рабочей силы свыше 800 тыс. пудов хлеба.

Борьба с этими извращениями — неотложнейшая задача работников колхозов, партийных и советских организаций на местах. Именно на это мобилизует партию и колхозные массы постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О неправильном распределении доходов в колхозах».

Еще далеко не изжита бесхозяйственность в расходовании колхозных средств и имущества, в хранении продукции, что ведет к снижению общего колхозного дохода и дохода, распределяемого по трудодням. Например, в колхозе «Коминтерн» (Краснодарский край) ежегодно изготавливается 100—150 мотыг для прополки, ручные грабли, держала для вил и др. На изготовление этого инвентаря колхозом затрачивается ежегодно 800—900 трудодней. Весь этот инвентарь по использованию в том же году полностью исчезает. Через год те же затраты производятся снова. В том же колхозе из-за порчи машин вследствие бесхозяйственного хранения ежегодно затрачиваются значительные суммы на их восстановление. Подобных примеров бесхозяйственности, ведущей к снижению колхозных доходов и оплаты трудодня колхозника, большое количество. СНК и ЦК ВКП(б) мобилизуют массы колхозников на беспощадную борьбу со всеми проявлениями бесхозяйственности. Важнейшим условием успешной борьбы против подобного рода фактов растраниживания колхозного добра является контроль колхозной общественности. Строгий контроль со стороны колхозников над правильным расходованием колхозных средств — одно из главных условий роста колхозных доходов.

Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О неправильном распределении доходов в колхозах» квалифицирует практику беспечного отношения к трудодню как противоколхозную и объективно вредительскую. «Партийные и советские руководители районов, областей и республик, — говорится в постановлении, — забывают, что такая практика беспечного отношения к задаче повышения трудодня, к фактам растраниживания и расхищения колхозных средств, объективно есть практика противоколхозная и вредительская.

Наши партийные и советские руководители обязаны помнить, что в ряде мест на искусственное раздувание производственных и капитальных затрат в колхозах и занижение денежных доходов, распределяемых по трудодням, сознательно толкали сидевшие в земельных и других органах враги народа в провокационных целях, чтобы подорвать колхозы.

Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) предусмотрено обязательное распределение между колхозниками на трудодни не менее 60—70% всех денежных доходов артели. Отчисления на капитальные затраты не могут превышать 10% денежных доходов, причем эти отчисления производятся из доходов истекшего года. В связи с этим постановление вносит изменение в статью 12 устава сельскохозяйственной артели.

В отношении наемного труда постановление обязывает секретарей райкомов ВКП(б) и председателей райисполкомов не допускать злоупотреблений и нарушений пункта 13 устава сельскохозяйственной артели, запрещающего пользоваться наемным трудом из неколхозников, за отдельными исключениями.

Политическое значение этого постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) огромно. В нем дано решение коренных вопросов развития колхозов, обеспечивающее их дальнейший быстрый подъем. Постановление имеет огромное значение для укрепления сельскохозяйственной

артели как единственно правильной на данном этапе формы колхозного строительства. Распределение 60—70% денежных доходов колхозов на трудодни еще сильнее повысит заинтересованность каждого колхозника в общественном производстве колхоза и усилит трудовую активность.

Колхозные массы восторженно приняли это постановление партии и правительства, ответив на него повышением своей производственной активности, новыми блестящими успехами при проведении большевистской уборки урожая первого года третьей сталинской пятилетки. С особой яркостью значение этого важнейшего политического документа определится в период, когда колхозы приступят к распределению своих доходов. Но это значение тем сильнее и тем скорее отразится на всей колхозной практике, на росте активности колхозных масс, на укреплении колхозного производства, чем скорее постановление будет разъяснено каждому колхознику. В этом направлении сельским районным партийным организациям и советским органам предстоит провести серьезную и кропотливую работу. То, что пока делается в этом отношении, совершенно недостаточно.

Постановление СНК и ЦК ВКП(б) «...о налогах и других обязательствах в отношении единоличных хозяйств» кладет решительный предел недопустимой практике, установившейся в ряде районов, когда единоличник в смысле выполнения обязательств перед государством ставился в преимущественное положение перед колхозником. Фактически единоличник освобождался от уплаты налогов.

В постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) указывается, что все эти факты свидетельствуют «о наличии крупных ошибок со стороны советских и партийных органов республик, краев и областей по отношению к единоличнику». СНК СССР и ЦК ВКП(б) обязали все партийные и советские органы «...покончить с противогосударственной и противоколхозной практикой попустительства в отношении единоличника и строго следить за точным выполнением единоличными хозяйствами всех государственных обязательств по налогам, зернопоставкам и мясopоставкам и т. д.».

Ущемление интересов колхозов и колхозников и создание преимущественных условий для единоличников есть выражение той же линии на подрыв колхозов, которую упорно проводили враги народа, пробравшиеся местами в партийный и советский аппарат.

Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) мобилизуют партийные и советские организации, колхозников и всю массу партийных и непартийных большевиков, работающих в области социалистического сельского хозяйства, на борьбу против всяких извращений Сталинского устава сельскохозяйственной артели и обеспечивают скорейшую ликвидацию последствий вредительства в колхозном строительстве.

Выкорчевав до конца подлую банду фашистских шпионов, наши колхозы под руководством партии Ленина—Сталина еще быстрее пойдут вперед к новым победам.

Разгромив троцкистско-бухаринских фашистских наймитов, наш великий советский народ стал еще монолитнее. Еще ярче проявляется его любовь к своей социалистической родине, к тому, кто ведет ее от победы к победе, кто дал счастливую жизнь стосемидесятиmillionному великому народу, кто спаял в единую дружную семью многие десятки народов Советского Союза, кто обеспечил победу и расцвет колхозной зажиточной жизни в советской деревне—к великому Сталину. Советский народ, наши колхозы и колхозники окружены большой сталинской заботой. Выражением этой заботы являются решения СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 19 апреля 1938 г.

Учет валовой продукции сельского хозяйства¹

Победа социализма в сельском хозяйстве вызвала огромный рост сельскохозяйственного производства. Только за годы второй пятилетки валовой сбор зерновых вырос в нашей стране с 898 043 тыс. ц в 1933 г.² до 6,8 млрд. пудов в 1937 г.³; поголовье крупного рогатого скота увеличилось за этот же срок с 33 млн. до 50,9 млн. голов; поголовье овец и коз выросло с 36,5 млн. до 66,3 млн.; поголовье свиней — с 11,6 млн. до 25,7 млн. голов и т. д.⁴

В большой степени увеличилось производство технических, овощных, плодовых, ягодных и других культур, развивается кормовая база социалистического животноводства, осваиваются новые культуры, создаются новые отрасли сельского хозяйства.

В результате неуклонного подъема социалистического сельского хозяйства систематически повышается его удельный вес в мировом сельскохозяйственном производстве зерновых культур, масляничных продуктов, текстильного сырья и пр. В то же время удельный вес сельскохозяйственного производства капиталистических государств падает⁵.

Наряду с сельскохозяйственным производством в совхозах, колхозах и МТС развивается также промышленная обработка сельскохозяйственных продуктов (производство сыра, масла и пр.), строятся и организируются различные мастерские (кузнечные, слесарно-механические и т. п.). Все это непрерывно повышает общую доходность совхозов, колхозов и МТС, увеличивая общую сумму социалистического народного дохода и неуклонно повышая материальный и культурный уровень жизни трудящихся нашей деревни, в частности колхозного крестьянства.

При изучении роста сельского хозяйства в качестве источника народного дохода необходимо прежде всего правильно определять характер продукции, производимой в совхозах, колхозах и МТС, четко делить последнюю на продукцию сельского хозяйства и продукцию промышленности. Без такого разграничения нельзя правильно определить тенденции в развитии источников дохода совхозов, колхозов и МТС, нельзя установить с необходимой точностью степень выполнения ими плана в части производства сельскохозяйственной продукции.

¹ От редакции: Печатаемая статья т. А. Болгова в порядке обсуждения, редакция приглашает экономистов и статистиков высказаться на страницах журнала по вопросам, затрагиваемым автором.

² «Социалистическое строительство», 1936, стр. 343.

³ «20 лет советской власти», стр. 52.

⁴ Ст. Вознесенского «Государственный план развития народного хозяйства СССР в 1938 г.», «Большевик» № 7, 1938.

⁵ М. П. Вольф и В. С. Клу п т, Статистический справочник по экономической географии капиталистического мира, стр. 180.

Буржуазные экономисты и вредители, стремясь затруднить учет этой продукции, пытались всячески извращать ее определение. Они включали в состав продукции сельского хозяйства не только продукцию добывающих отраслей и промышленной обработки сельскохозяйственных продуктов, но даже работу лошадей. Таким подходом к учету продукции буржуазные экономисты и вредители преследовали одну цель: запутать учет народного дохода в сельском хозяйстве и, искусственно увеличивая размеры дохода, исказить тем самым результаты, полученные благодаря индустриализации нашей страны.

Влияние буржуазно-вредительской методологии в области учета продукции сельского хозяйства до сих пор еще не преодолено до конца. Так, например, в формах годового отчета совхозов в качестве продукции животноводства наряду с приплодом и приростом скота до самого последнего времени в особой графе указывалась «работа животных»¹. В тех же формах в качестве продукции сельского хозяйства подробно учитывались приплод и прирост собак, хотя ничего не говорилось об оленеводстве, пушном звероводстве и рыболовстве, имеющих, несомненно, большее экономическое значение, чем собаководство. Вместе с этим формы годовых отчетов совхозов и колхозов содержали различные, между собой несопоставимые, не поддающиеся суммированию показатели в части произведенной сельскохозяйственной продукции, что затрудняло ее учет по всему социалистическому сельскому хозяйству в целом.

В то время как учет продукции растениеводства в годовых отчетах совхозов охватывал 9 групп культур (зерновые, технические, огородно-бахчевые, кормовые, посеы на зеленое удобрение, плодово-ягодные насаждения, виноградники, питомники и прочие многолетние насаждения)², учет продукции растениеводства в годовых отчетах колхозов ограничивался 5 группами (зерновыми культурами, техническими, огородно-бахчевыми, кормовыми и плодово-ягодными насаждениями)³. Но и в пределах общих показателей годовые отчеты колхозов содержали менее полные и, следовательно, менее ценные сведения. В отчетах по совхозам давались сведения всего о 9 зерновых культурах вместо 15⁴, причем побочная продукция (солома и пр.) в годовых отчетах совхозов учитывалась (с 1937 г.) полностью, а в отчетах колхозов включается только то количество побочной продукции, которое используется в хозяйстве на корм, на подстилку, в качестве строительного материала или топлива, продается или распределяется по трудовым и т. д.⁵

Аналогичная картина и в части показателей, характеризующих продукцию животноводства: сведения в годовых отчетах совхозов полнее, чем в отчетах колхозов, так как учетом охвачено больше видов скота и продукции⁶. Например, в отчетах колхозов совершенно отсутствует учет прироста скота, а в годовых отчетах совхозов прирост скота учитывается. Шерсть учитывается в колхозах лишь суммарно, тогда как в отчетах совхозов она разделена на тонкую, полугрубую и грубую.

Недостатком в системе отчетности совхозов и колхозов является также то, что из года в год меняется форма годовых отчетов и дру-

¹ «Годовой отчет за 1937 г.», ч. II, таблица № 21.

² См. форму № 16 отчета за 1937 г.

³ См. разделы VII, VII-а и VIII «Годового отчета за 1937 г.».

⁴ См. указанные формы и таблицы.

⁵ См. форму указания к составлению годового отчета колхоза за 1937 г.

⁶ См. форму № 21 годового отчета совхозов и разделы XIV и XV годового отчета колхозов.

гих отчетных и учетных материалов. Так, в «указаниях и формах к составлению народнохозяйственного плана на 1935 год» в состав продукции сельского хозяйства было включено незавершенное производство. В указаниях и формах на 1936 год незавершенное производство как продукция сельского хозяйства отсутствовало, а в указаниях и формы на 1937 год включено вновь. До сих пор в теории и на практике остается спорным вопрос о включении мяса и других продуктов убоя в учет продукции сельского хозяйства.

Совершенно понятно, что правильное определение сельскохозяйственной продукции может быть дано лишь на основе правильного понимания самого сельского хозяйства как отрасли производства.

Буржуазная экономическая наука оказалась не в состоянии дать более или менее полное и правильное определение сельского хозяйства как отрасли производства. Поверхностно оценивая явления, буржуазные экономисты в подавляющем своем большинстве ограничивались простой констатацией того факта, что сельское хозяйство имеет дело с растительным и животным миром. На этом основании они определяли сельское хозяйство как отрасль промышленности, «которая имеет целью через производство растительных и животных продуктов получать доход». Такое определение дал, например, основоположник буржуазной сельскохозяйственной науки Тэер. В связи с этим сама наука о сельском хозяйстве выступала просто лишь как «физиология и биология культурных организмов» (Кирхнер)¹.

Указанное определение Тэера, развитое затем фон дер Гольцем², было воспринято почти всеми буржуазными экономистами. Так, например, Туган-Барановский пишет: «Сельскохозяйственное производство тем, по самому своему существу, отличается от промышленного, что в промышленности, воздействию человека подпадает неорганическая природа, между тем как в сельском хозяйстве человек воздействует на органические процессы, происходящие в живых организмах — животных или растениях»³.

Можно было бы привести еще десятки подобных определений, но и указанные достаточно ясно говорят о том, что сельское хозяйство буржуазные экономисты определяют как производство растительных и животных продуктов для получения дохода. Выше этого определения буржуазные экономисты не поднимаются. А так как получение дохода от растительных и животных продуктов связано не только с их добыванием, но и с первичной обработкой, и имеет место не только в земледелии и животноводстве, но и в ряде других отраслей (лесное хозяйство, охота, рыболовство и пр.), то буржуазные экономисты никогда не могли указать более или менее четких и точных границ сельского хозяйства. Недаром фон дер Гольц и другие буржуазные экономисты относили к сельскому хозяйству технические промыслы по обработке продуктов сельского хозяйства.

Непонимание сущности сельского хозяйства как отрасли производства встречается и в нашей экономической литературе. В седьмом томе Малой советской энциклопедии сельское хозяйство определяется просто как «совокупность отраслей производства, охватывающая растениеводство и животноводство». К этому автор статьи добавляет, что «к сельскому хозяйству в широком смысле нередко относят также лесоводство, рыболовство, а также отрасли промышленности,

¹ Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона, т. 57, стр. 386.

² Сельскохозяйственная таксация.

³ М. И. Туган-Барановский. Земельный вопрос на Западе и в России, стр. 4.

осуществляющие первичную переработку сельскохозяйственной продукции. Однако правильное выделить эти отрасли из общего понятия сельского хозяйства». Какие именно отрасли надо выделить и почему их надо выделить,— об этом не говорится ни слова. Зато указывается, что «в отношении технологическом никакой принципиальной разницы между сельским хозяйством и промышленностью нет» и что «основные различия между ними лежат не в плоскости техники производства, а в плоскости социальных отношений». Исходя из такого понимания сельского хозяйства как отрасли производства, автор утверждает, что только «...своеобразие в развитии городского и сельского производства», порожаемое капитализмом, «...и лежит в основе деления всего общественного производства на промышленность и сельское хозяйство»¹. Отсюда вытекает, следовательно, что с уничтожением капитализма, которое сопровождается уничтожением «своеобразия в развитии городского и сельского производства», т. е. уничтожением противоположности между ними, сельское хозяйство теряет свой отраслевой производственный характер.

Такое понимание сельского хозяйства как отрасли производства находится в полном противоречии с учением Маркса. Маркс неоднократно указывал, в противовес буржуазным экономистам, что различия в уровне и темпах развития сельского хозяйства и промышленности обуславливаются не их технологическими особенностями, а социальными причинами. Но Маркс никогда не говорил, что между сельским хозяйством и промышленностью нет технологических различий, которые делают их разными отраслями производства, независимо от общественной формы. Наоборот, исходя из этих различий, Маркс указал на свойственное преимущественно сельскому хозяйству несопадение рабочего периода со временем производства и дал исчерпывающее определение сельского хозяйства как отрасли производства.

Ревизионист Э. Давид клеветал на Маркса, когда он заявлял, что «Маркс не пытается выяснить сельскохозяйственный процесс производства в его специфических особенностях...»². В действительности Маркс уделил в своих работах очень большое внимание выяснению особенностей сельского хозяйства. Во втором томе «Теории прибавочной стоимости» Маркс характеризует сельское хозяйство как простое производство сырых продуктов³ или как первоначальное производство, что, как известно, роднит сельское хозяйство с добывающей промышленностью. Однако Маркс последовательно проводит четкое различие между добывающей промышленностью и сельским хозяйством. «В сельском хозяйстве,— пишет Маркс,— за исключением рудников, рыбной ловли, охоты (но отнюдь не скотоводства), семена, корм, скот, минеральные удобрения и т. д. составляют материал, из которого производится продукт, и этот материал есть продукт труда»⁴.

Таким образом, то, что в сельском хозяйстве «...является результатом, играет одновременно и роль предпосылки»⁵. В этом, по Марксу, и заключается основная и главная особенность сельского хозяйства как отрасли производства, и эта особенность отличает ее от всех других отраслей добывающей промышленности. «...Совершенно верно,— продолжает Маркс,— что в горной промышленности, рыбо-

¹ Малая советская энциклопедия, т. VII, стр. 714.

² «Социализм и сельское хозяйство, изд. 1908 г., стр. 42.

³ Маркс, Теория прибавочной стоимости, изд. 1931 г., т. II, ч. I, стр. 165 и 176.

⁴ Там же, 1931 г., т. II, ч. I, стр. 149.

⁵ Там же.

ловстве, лесном хозяйстве, поскольку прирост леса является естественным и т. д., одним словом в добывающей промышленности, добывающем производстве сырых продуктов, где таковые не воспроизводятся, сырой материал не входит (в издержки производства), разве только в качестве вспомогательных веществ. Это к земледелию не относится»¹.

Как мы видим, Маркс совершенно ясно проводит здесь различие между сельским хозяйством и добывающей промышленностью, подчеркивая, что в сельском хозяйстве произведенные продукты являются средством своего собственного воспроизводства. «Воспроизводство,— говорит Маркс,— имеет место во всех отраслях производства; но это промышленное воспроизводство совпадает с естественным воспроизводством только в земледелии, но не в добывающей промышленности. Поэтому в последней продукт в своей естественной форме не становится снова элементом своего собственного воспроизводства (разве только в форме вспомогательных веществ)»².

Такое же различие проводит Маркс между сельским хозяйством и обрабатывающей промышленностью. «Что отличает земледелие, скотоводство и т. д. от других отраслей промышленности, так это, во-первых, во все не то, что продукт становится средством производства. Ведь это имеет место по отношению ко всем продуктам промышленности, не принявшим окончательной формы индивидуальных жизненных средств...

Во-вторых, и не то, что эти продукты входят в производство, как товары, как составные части капитала...

Следовательно, в-третьих, они отличаются от других отраслей промышленности только тем, что входят как средства своего собственного производства в процесс производства, продуктами которого они являются. Это имеет место и по отношению к машинам. Машина создает машину. Уголь помогает добывать уголь из шахты, уголь перевозит уголь и т. д. В земледелии это проявляется как естественный процесс, которым руководит человек, хотя этот процесс «немпожечко» производит и его самого»³.

Эта специфическая особенность сельского хозяйства обуславливает собой то, что в нем, как указал Маркс, экономический процесс воспроизводства всегда переплетается с естественным воспроизводством. Так обстоит дело с увеличением стада, расширением посевов, увеличением парников, плодовых и ягодных питомников и т. д.

Известно, что скот необходим как средство производства скота; семена зерновых и пр.—как средство производства семян, плоды, ягоды—как средство производства тех же плодов, ягод, рыба и пушные звери—как средство производства рыб и пушных зверей, и т. д. Этим самым определяются и границы сельского хозяйства как производственной сферы, в которую, помимо полеводства, луговодства, огородничества, садоводства и животноводства, должны включаться также лесоводство (но не лесное хозяйство), рыбоводство (но не рыбная ловля) и звероводство (но не охота). Лесное хозяйство, рыбная ловля и охота, дающие готовые продукты, созданные природой без участия человеческого труда, без их воспроизводства, не могут быть отнесены непосредственно к сельскому хозяйству.

Из приведенных указаний Маркса вытекает, что уничтожение капиталистического способа производства не означает и не может

¹ Маркс, Теории прибавочной стоимости, стр. 152. См. также «Капитал», 1930 г., т. I, стр. 122, 123.

² Маркс, Теории прибавочной стоимости 1931 г., т. II, ч. I, стр. 153.

³ Там же.

означать потерю сельским хозяйством своих специфических особенностей как определенной отрасли производства. С уничтожением капиталистического способа производства уничтожается созданная им противоположность между городом и деревней, между промышленным и сельскохозяйственным трудом. Но это совершается, как учат основоположники марксизма-ленинизма, не путем возврата промышленности и сельского хозяйства к их первоначальному семейному союзу, обусловленному младенчески неразвитым состоянием этих отраслей, а путем их синтеза как высокоразвитых форм¹. А высокое развитие промышленности и сельского хозяйства, в особенности последнего, достигается только при социалистическом способе производства.

Социалистическая система хозяйства, развивая и расширяя техническую базу промышленности, революционизирует в то же время всю технику сельскохозяйственного производства и обработки сельскохозяйственных продуктов. В связи с этим ряд отраслей, непосредственно связанных ранее с сельским хозяйством, превратились на основе индустриализации нашей страны в самостоятельные промышленные отрасли. Так обстоит дело с лесным хозяйством, рыболовством, мясной промышленностью, обработкой льна и мельнично-крупяным производством. Показательно, например, что капиталовложения в лесное хозяйство последовательно увеличиваются: за годы первой пятилетки они составили 346 млн. руб., а за вторую пятилетку они достигли 950 млн. руб.

В рыбной промышленности благодаря росту капитальных вложений улов рыбы вырос с 14 500 тыс. ц в 1934 г. до 18 000 тыс. ц в 1937 г. (по плану)².

Еще показательнее в этом отношении обработка льна. Если в 1926/27 г. продукция льнотрепальных заводов составляла 4 905 т, то уже в 1933 г. она составила 96 025 т. Соответственно удельный вес продукции льнотрепальных заводов в общей продукции льняного волокна повысился с 3,4% в 1926/27 г. до 34,1 в 1933 г.

До индустриализации нашей страны обработка льна была неотделима от сельского хозяйства и производилась почти на 100% самими крестьянами ручным способом. На основе же индустриализации, на основе постройки специальных льнозаводов фабричная обработка льна возросла только с 1926/27 по 1933 г. почти в 20 раз. Вместо семени и льна-волокна продукцией сельского хозяйства стали теперь семя и лен-трестя.

Ясно, что отделение от сельского хозяйства ряда отраслей, в том числе лесного хозяйства, рыбной ловли, мельнично-крупяного производства и пр., не могло не привести к изменению объема и структуры продукции сельского хозяйства. Еще на XVI съезде партии товарищ Сталин, говоря о сельском хозяйстве в целом, т. е. со включением в него лесного хозяйства, рыбной ловли и т. д., указывал, что при анализе состояния сельского хозяйства необходимо выделять также основные отрасли как зерновое хозяйство, животноводство и производство технических культур³. Поэтому, начиная с 1929 г., учет народного дохода в сельском хозяйстве ведется у нас по этим основным отраслям отдельно от народного дохода, создаваемого например в лесном хозяйстве, рыбной ловле и т. д.

Социалистическая реконструкция сельского хозяйства вызвала бур-

¹ Ленин, Соч., т. XVIII, стр. 24—25 и Маркс, Капитал, 1937 г., т. I, гл. XIII, стр. 473.

² Народнохозяйственный план на 1937 г.

³ И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 369.

ный подъем всех его отраслей. Товарищ Молотов в докладе на XVII съезде ВКП(б) говорил, что ...«наше сельское хозяйство к концу второй пятилетки будет совершенно не похоже на то, каким оно было всего несколько лет тому назад»¹. Действительно, за период второй пятилетки наше сельское хозяйство не только изменило в корне свою техническую оснащенность, но и значительно расширило производство культур. Так, помимо улучшения старых технических культур (хлопок), появились новые — кенаф, итальянская конопля, каучуконосы, гутаперченосы, дубильные акации и т. д. В области производства зерновых культур мы имеем цикорий, сою, арахис, сорго донник и т. д., в области производства фруктов — цитрусовые (мандарины, апельсины, лимоны), в области лекарственных растений — хинное дерево и т. д. Продукция сельского хозяйства стала гораздо разнообразнее, чем она была раньше, в условиях единоличного крестьянского производства.

Вместе с этим в совхозах, колхозах и МТС быстро растут производственные мастерские, развивается первичная обработка сельскохозяйственных продуктов (производство масла, сыра, виноградного вина и т. д.), а в колхозах, кроме того, создаются различные кустарно-промысловые предприятия. Таким образом, на основе социалистического способа производства происходит процесс развития не только сельского хозяйства, но и самого сельскохозяйственного предприятия, которое в лице совхозов, колхозов и МТС переросло границы непосредственно сельскохозяйственного производства.

Показательно, что в 1935 г. из общей продукции совхозов и колхозов на долю продукции непосредственно сельского хозяйства приходилось (по подсчетам ЦУНХУ) 80%; остальные 20% падали на промышленную продукцию, главным образом, на промышленную переработку сельскохозяйственных продуктов. Все это усложняет задачу учета продукции сельского хозяйства.

В организационном плане всесоюзной переписи социалистической промышленности на 1/1 1936 г. были даны указания относительно того, что следует понимать под промышленной продукцией, создаваемой в сельском хозяйстве. Устанавливалось, что «в колхозах и совхозах переписи (перерегистрации) подлежат все промпредприятия по первичной переработке сельскохозяйственного сырья (льнотрепалки, льномялки и т. д.), предприятия по изготовлению пищевых продуктов (мельницы, крупорушки, маслобойни, маслодельни, сыроварни, хлебопекарни и т. д.), подсобные предприятия по обслуживанию колхоза или совхоза (кузницы, слесарные мастерские, шорные, столярные и плотничные мастерские и т. п.), предприятия по изготовлению строительных материалов (кирпич и пр.), лесозаготовки, производимые организованно колхозами (а не отдельными колхозниками для собственных нужд), рыболовство, организованное в особые артели или секции, и другие промышленные предприятия, как работающие на продажу, так и обслуживающие общественные нужды колхозов и совхозов».

Определяя промышленную продукцию, создаваемую в совхозах и колхозах, план переписи (перерегистрации) социалистической промышленности правильно намечал тем самым и общие границы сельскохозяйственной продукции, представляющей собою произведенный (но не добытый, т. е. полученный из природы в готовом виде) сырой материал. Тем не менее, поскольку продукция сельского хозяйства

¹ «XVII съезд ВКП(б) Стенографический отчет», 1934 г., стр. 361.

является совокупностью множества разнообразных продуктов, учет ее требует еще дополнительно четкого перечня этих продуктов и их правильной классификации.

В народнохозяйственном балансе за 1923/24 г., в составлении которого принимали участие буржуазные экономисты, вся сельскохозяйственная продукция была сведена в основном к двум группам: продукты растениеводства и продукты животноводства. Каждая из этих групп делилась в свою очередь на три раздела: предметы личного потребления, средства производства и орудия производства.

Подобное деление не имеет ничего общего ни с марксовым делением всего общественного продукта на средства производства и средства потребления, данным им при анализе воспроизводства и обращения общественного капитала, ни с марксовым анализом основных моментов процесса труда, изложенным им в пятой главе первого тома «Капитала». В частности, Маркс специально указывал на условность разграничения в сельском хозяйстве продуктов на предметы труда и орудия труда, т. е. на средства производства и орудия производства. Маркс отмечал, что «Напр., скот при откармливании скота является подвергающимся обработке сырым материалом и в то же время средством для приготовления удобрения»¹.

Недостаток схемы баланса 1923/24 г. особенно ясно обнаружился в «Материалах по балансу народного хозяйства за 1928—29—30 годы», где эта схема была применена в развернутом виде.

Тот факт, что схемы классификации продуктов сельского хозяйства, выдвинутые в балансах народного хозяйства 1923/24 и за 1928—29—30 гг., не получили никакого применения в наших народнохозяйственных планах, свидетельствует об их теоретической и практической несостоятельности.

В народнохозяйственных планах и в материалах отдельных ведомств (НКЗ, НКсовхозов) сельскохозяйственная продукция учитывается просто по отдельным видам: зерновые культуры, технические, картофель, травы, овощи и бахчевые, продукты животноводства и пр., без деления на предметы потребления и средства производства.

Однако существующая практика учета продукции сельского хозяйства не обладает еще необходимой четкостью. Разнообразные продукты полеводства, садоводства и огородничества сводятся при учете в отдельные группы различными организациями по-разному. Так, во втором пятилетнем плане развития народного хозяйства все продукты полеводства сведены в следующие семь групп: 1) зерновые, 2) технические культуры с подразделением на: а) волокно, б) масляничные, в) пищевкусовые (сахарная свекла и новые культуры), 3) овоще-картофельные, 4) фруктово-виноградные, 5) кормовые, 6) семеноводство, 7) незавершенное производство и прочая продукция полеводства². В народнохозяйственных планах на 1935, 1936 и 1937 гг. дается несколько другое деление продуктов растениеводства. В основном оно состоит из следующих групп: 1) зерновые, 2) технические, 3) огородно-бахчевые, 4) кормовые и 5) корнеплоды, причем в планах 1935 и 1936 гг. зерновые культуры разделялись на: а) продовольственные (пшеница и рожь), б) фуражные (овес, ячмень, кукуруза) и в) крупяные (просо)³, а в плане 1937 г.— на озимые и яровые⁴.

¹ К. Маркс, Капитал, 1930 г., т. I, стр. 123.

² «План развития народного хозяйства во второй пятилетке», т. I, стр. 464—465.

³ «Народнохозяйственный план на 1935 г.», стр. 586 и «План на 1936 г.», стр. 435—436.

⁴ «План на 1937 г.», стр. 106—107.

В специальном ежегоднике «Сельское хозяйство» за 1935 г., изданном НКЗ и НКсовхозов, вся сельскохозяйственная продукция полеводства, садоводства и огородничества была сведена в следующие группы: 1) зерновые, 2) технические культуры, 3) картофель, овощи и бахчи, 4) кормовые культуры и естественные сенокосы и 5) субтропические культуры. В состав последних были включены все культуры субтропических районов Грузии и Азербайджана, которые дают самые разнообразные продукты — от зерновых до чая и цитрусовых включительно¹.

Нетрудно заметить, что во всех указанных схемах производственный принцип классификации продуктов растениеводства не выдержан.

В схемах второго пятилетнего плана и в народнохозяйственных планах на 1935 и 1936 гг. в деление продуктов по характеру их производства и их производственному значению вклинивается другой принцип деления — по свойствам продуктов как потребительных благ («пищевкусовые» — во втором пятилетнем плане и «продовольственные» — в планах 1935 и 1936 гг.). Строго говоря, последний принцип деления является искусственным и не может служить основой для более или менее четкой классификации продукции растениеводства, так как к «пищевкусовым», например, относятся все продукты, идущие в пищу, а не одна только сахарная свекла; в состав «продовольственных» культур фактически входят все зерновые, а не только пшеница и рожь.

В ежегоднике «Сельское хозяйство» производственный принцип классификации смешан с географическим принципом («субтропические культуры» или «культуры субтропических районов»). Этим игнорируется тот факт, что естественно-географические условия перестают играть в нашей стране свою былую роль в характере производимой продукции, о чем говорит продвижение пшеницы на север, льна — на восток, работы Мичурин и т. д.

Правильная классификация сельскохозяйственных продуктов может быть дана лишь на основе одного строго выдержанного принципа. Таким принципом является производственный принцип, т. е. деление всех видов продукции полеводства по условиям их производства и по их производственному назначению. Это обеспечивает возможность правильного учета сельскохозяйственной продукции как в ее натуральном, так и в денежном выражении. А оба эти момента играют, как известно, огромную роль в нашем плановом социалистическом хозяйстве.

В соответствии со сказанным вся продукция растениеводства, включая и лесоводство (но не лесную промышленность), может быть сведена примерно в следующие группы:

I. Зерновые культуры

- а) зерновые озимые,
- б) зерновые яровые.

II. Технические культуры

- а) хлопок,
- б) волокнистые (лен, конопля),
- в) лубяные (женаф, джут и пр.),
- г) масляничные,
- д) сахарная свекла,
- е) каучуковые и гутаперчевые,
- ж) лекарственные,
- з) табак и махорка.

¹ Ежегодник «Сельское хозяйство за 1935 г.», стр. 494—495.

III. Кормовые культуры

- а) сеянные травы,
- б) луговые травы (сено),
- в) корнеплоды.

IV. Картофель

V. Овощные и бахчевые

- а) овощи,
- б) бахчевые.

VI. Плодово-ягодные культуры

- а) ягодные,
- б) виноградные,
- в) плодовые.

VII. Цитрусовые культуры

VIII. Чай

IX. Декоративные и защитные культуры

- а) защитные культуры (лесонасаждение),
- б) декоративные культуры (цветы и пр.)

Мы далеки от мысли, что предлагаемая схема является вполне удовлетворительной. Но несомненно одно: дальнейшие изыскания в этой части должны идти по линии разработки производственного, а не какого-либо другого принципа классификации сельскохозяйственных продуктов.

Гораздо серьезнее обстоит дело с учетом продукции животноводства. В этой области еще далеко не решен основной вопрос — какие именно продукты и в каком виде действительно являются продукцией сельского хозяйства?

Учет Госплана и ЦУНХУ обычно включает в сельскохозяйственную продукцию по животноводству не только производство живого скота и птицы (приплод) и продукцию, не связанную с убоем (молоко, яйца и пр.), но и продукцию убоя (мясо, кожу, рога, копыта и пр.). В «Указаниях и формах к составлению народнохозяйственного плана на 1935 год» было сказано, что «валовая продукция животноводства определяется суммой полученных в отчетном или планируемом году: а) продуктов животноводства, не связанных с убоем скота и птицы, как например молоко, шерсть, яйца и пр., независимо от того, пошли ли они в дальнейшем в переработку; б) продуктов убоя скота и птицы: мясо, кожи, пух, перо и пр., в) размерами сданного и проданного в течение года живого скота и птицы (на мясо, для использования в качестве рабочего скота или для целей воспроизводства)¹.

Такая схема учета не может дать правильного представления о размерах животноводческой продукции, произведенной в данном году, ибо увеличение продукции убоя скота и его продажа могут происходить за счет запасов предшествующего года. Правильность этого положения подтверждается данными об обороте стада в СССР.

Характерно, что в то время как приплод крупного рогатого скота за время с 1927/28 по 1931/32 г. сократился с 42 до 39,0%, падеж скота за тот же период увеличился с 9,0 до 10,2%, а убой возрос в то же время с 30 до 44%. Таким образом, падеж и убой, взятые вместе, составляли в 1931/1932 хозяйственном году 54,2%, что превышало приплод скота на 15,2%.

¹ «Указания и формы... на 1935 год», стр. 67.

Благодаря принятым партией и правительством мерам приплод крупного рогатого скота с 1932/33 по 1935/36 г. увеличился с 39,0 до 44,2%, а падеж и убой, наоборот, сократились с 54,2 до 29,4%, т. е. почти в 1,8 раза. В 1935/36 г. падеж и убой были на 14,8% меньше, чем приплод.

Такая же картина наблюдается и в части стада овец и коз. Исключение составляют свиньи, которые благодаря своей скороспелости являлись главным источником получения мяса и сала в годы восстановления и подъема нашего животноводства. Из 2 500 тыс. т заготовленного в 1936 г. мяса и сала всех видов скота на долю свинины приходилось 1 325 тысяч т, т. е. больше 50%.

Исчисление продукции животноводства по принципу, данному в «Указаниях и формах к составлению народнохозяйственного плана на 1935 год», дало бы неверное представление о размерах производимой животноводческой продукции: преувеличенное за годы реорганизационного периода с 1927/28 по 1931/32 г. и, наоборот, преуменьшенное — за последующие годы подъема социалистического животноводства, когда прекращение хищнической прирезки скота явилось одной из причин роста общего поголовья стада, ложно сигнализировали бы неблагоприятные.

В последующих «Указаниях к составлению народнохозяйственных планов на 1936 и 1937 годы» в приведенную выше схему учета продукции животноводства Госплан внес существенные коррективы: был введен учет прироста стада. Но все же вопрос об учете нагула и привеса стада остался в стороне. Не устранялся и другой важнейший недостаток схемы — смешение собственно сельскохозяйственной продукции, создаваемой в животноводстве, с переработкой этой продукции, каковой является продукция убоя.

Мы уже видели, что Маркс определяет сельское хозяйство как отрасль производства, в которой произведенные сырые продукты служат необходимым средством своего собственного воспроизводства. Поэтому сельскохозяйственной продукцией, создаваемой в животноводстве, является лишь жи в о й с к о т и е г о п р о д у к ц и я (молоко, яйца и пр.), представляющая собою результат его органической деятельности. При этом необходимо отметить, что большая часть продукции скота так же служит целям воспроизводства стада, как и сам скот. Известно, что молоко нужно для выпаивания молодняка, яйца — для производства цыплят, мед и воск — для пчеловодства. Продукты же убоя: мясо, кожа, волос, рога, копыта и пр., по самому своему существу не могут служить средством воспроизводства стада и связаны лишь с прекращением его деятельности. Поэтому они не могут относиться к продукции сельского хозяйства, тем более что почти все они (за исключением мяса) получают свое хозяйственное значение лишь по мере развития их промышленной переработки. Так обстоит дело с рогами, копытами и костями животных. Так обстоит дело со свиными кожами, необходимость учета которых возникла лишь в самые последние годы в связи с организацией заводов по их переработке. Так обстоит теперь дело с использованием крови животных и с самим мясом, которое все в большей мере становится продукцией мясных боен.

Несмотря на то, что убой и падеж скота с 1930 по 1934 г. уменьшились с 51,7% до 29,7% к общему поголовью, обработка продуктов убоя значительно повысилась: так, например, консервирование крови увеличилось с 3 718 т в 1930 г. до 20 478 т в 1934 г.; кость, рога, копыта в 1930 г. совершенно не подвергались промышленной обработ-

ке, в 1934 г. уже было переработано: кости поделочной — 3 646 т, рога — 3 035 т, копыта — 1 015 т¹.

Приведенный перечень далеко не исчерпывает всех продуктов убоя, появление которых в качестве самостоятельных продуктов непосредственно связано с развитием пищевой промышленности, а не сельского хозяйства. Таковы, например, альбумин, сухая кровь, гемоза и пр.

Быстро развивающаяся пищевая промышленность все больше охватывает собою первичную обработку сельскохозяйственных продуктов, отделяя ее от сельского хозяйства.

Насколько методология учета продукции животноводства, применяемая до последнего времени ЦУНХУ, является путаной, лучше всего видно из книги В. П. Нифонтова «Продукция животноводства СССР», где эта методология изложена в полном объеме. В. П. Нифонтов, рассматривая вопрос «теоретически», возражает вначале против смешения продукции животноводства с продукцией убоя. Однако, «развивая» свою мысль, Нифонтов предлагает фактически сохранить старую практику учета валовой продукции сельского хозяйства.

Отнесение к промышленной продукции продуктов убоя и (мяса) и первичной переработки продуктов, не связанных с убоем скота (масла, сыра и т. д.), не означает отказа от их учета. Наоборот, на этой основе учет продуктов убоя и первичной переработки становится более развернутым, что имеет огромное значение для нашего социалистического планового хозяйства при определении пищевых и сырьевых ресурсов страны. В частности, ясно, что отнесение продуктов убоя к промышленной продукции не означает отказа от учета скота, пошедшего на убой, при определении размеров сельскохозяйственной продукции, произведенной в животноводстве в данном году. Разумеется, что этот учет, как и учет живого скота, должен производиться в живом весе.

Продукция полеводства, садоводства, огородничества, бахчеводства, лесоводства и животноводства не исчерпывает всей продукции сельского хозяйства. В состав последней входят также усиленно развиваемые в последние годы рыбоводство и звероводство, которых нет в схемах плановых и учетных организаций. Если эти отрасли сельского хозяйства еще не давали до последнего времени больших доходов, то это не значит, что их роль в образовании продукции сельского хозяйства должна игнорироваться.

Поэтому правильнее всего продукцию сельского хозяйства учитывать по следующей схеме:

- I. зерновые культуры,
- II. технические »
- III. кормовые »
- IV. картофель,
- V. овощи и бахчевые,
- VI. плодово-ягодные,
- VII. цитрусовые,
- VIII. чай,
- IX. защитные и декоративные культуры,
- X. скотоводство, приплод, привес и продукция,
не связанная с убоем скота:
  - а) рабочий скот,
  - б) крупный рогатый скот,
  - в) овцы и козы,
  - г) свиньи,

¹ По материалам В. П. Нифонтова «Продукция животноводства СССР», стр. 17, и по материалам справочника ЦУНХУ «Социалистическое строительство СССР», 1936 г., стр. 216.

- XI. кролиководство (приплод),
- XII. птицеводство (приплод и отходы),
- XIII. пчеловодство (рост числа ульев, мед и воск),
- XIV. шелководство (коконы),
- XV. рыбоводство (улов рыбы в цент.),
- XVI. звероводство (приплод),
- XVII. оленеводство (приплод).

Но при учете продукции сельского хозяйства и по этой схеме необходимо показывать отдельно продукцию, производимую в подсобном хозяйстве колхозника и в хозяйстве крестьянина-единоличника. Ежегодник «Сельское хозяйство» за 1935 г. в ряде случаев недопустимо соединял вместе полеводческую и животноводческую продукцию личного подсобного хозяйства колхозников с полеводческой и животноводческой продукцией единоличников-крестьян¹. То же сделал и В. П. Нифонтов в книжке «Продукция животноводства СССР», объединяя в одну группу подсобные хозяйства колхозников, частные хозяйства единоличников-крестьян и подсобные хозяйства рабочих и служащих².

Разумеется, это смешение является совершенно недопустимым.

Великая Сталинская Конституция СССР в статьях 5, 7 и 9 дала исчерпывающее определение господствующей в нашей стране социалистической собственности в двух ее видах: всенародной (государственной) и кооперативно-колхозной собственности. Каждый колхозный двор имеет личное подсобное хозяйство. Кроме того, существует мелкое частное хозяйство единоличных крестьян и кустарей, основанное на личном труде и исключаящее эксплуатацию чужого труда. Учет производственных фондов нашего народного хозяйства должен вестись по этим формам собственности.

Сталинская Конституция в статье 10 признает право личной собственности граждан на подсобное домашнее хозяйство наряду с правом на трудовые доходы и сбережения, жилой дом и т. д. Это подсобное хозяйство дает также сельскохозяйственную продукцию (скот личного пользования и огороды рабочих и служащих), и она должна обязательно учитываться при определении размеров всей валовой продукции сельского хозяйства. Иначе мы не будем иметь правильного представления о сырьевых и продовольственных ресурсах страны. Поэтому схема учета продукции сельского хозяйства должна принять такой вид (см. стр. 68).

Приведенная схема позволит учесть произведенную продукцию сельского хозяйства как по отдельным ее видам, так и по различным категориям хозяйств. Предлагаемая нами схема учета продукции сельского хозяйства позволит определить как подлинные размеры созданной сельскохозяйственной продукции, так и роль в ее производстве совхозов, колхозов, личных подсобных хозяйств колхозников, подсобных хозяйств рабочих и служащих и мелкого частного хозяйства единоличников-крестьян. А это имеет, как известно, огромное значение для целей социалистического учета и планирования. Вместе с этим приведенная схема, не претендуя на большие обобщения, в то же время даст возможность правильно свести в группы разнообразные продукты сельского хозяйства.

Само собой разумеется, что эта схема не является исчерпывающей. Как и вся статья, она имеет лишь одну цель: поставить на обсуждение советских экономистов вопросы учета продукции социалистического сельского хозяйства.

¹ Ежегодник «Сельское хозяйство» за 1935 г., стр. 259, 512 и др.

² В. П. Нифонтов. «Продукция животноводства СССР», стр. 18—19.

Учет валовой и товарной продукции в промышленности

Определение объема общественного продукта является одним из наиболее важных моментов как в учете, так и в планировании народного хозяйства. Такие показатели, как производительность труда, народный доход, объем товарооборота и другие, нельзя подсчитать без определения объема общественного продукта.

Показатели народнохозяйственного учета характеризуют определенные ступени общественного производства—сферу производства, обращения, потребления и накопления. Учет производства, учет продуктов труда является основой всякого хозяйственного учета. Производство продуктов является исходным пунктом всего общественного процесса воспроизводства.

Не менее важное значение имеет определение объема продукции и для народнохозяйственного планирования. Основой плана является его производственная программа, показывающая, сколько должно быть произведено продуктов, каких продуктов и где — в каких отраслях и наркоматах. Количество занятой в производстве рабочей силы, объем фонда заработной платы теснейшим образом связаны с намечаемым объемом движения продукции и планом повышения производительности труда. План по товарообороту может быть составлен лишь на основе знания объема производства в целом и предметов потребления в частности. Финансовый план неразрывно связан с реализацией продукции и ее себестоимостью. Весь плановый расчет народного дохода, потребления и накопления также опирается на план производства.

Исключительно важное значение имеет определение объема общественного продукта и для изучения пропорций в народном хозяйстве и связей между отдельными его отраслями. Советское правительство в постановлении от 2 февраля 1938 г. поставило перед Госпланом в качестве основной задачи обеспечение правильных пропорций в развитии народного хозяйства. «Главнейшей задачей Государственной Плановой Комиссии,—говорится в постановлении,—является обеспечение в плане народного хозяйства Союза ССР правильных соотношений в развитии различных отраслей и необходимых мероприятий по недопущению диспропорций в народном хозяйстве»¹. Без точного определения объема общественного продукта, без определения количества продуктов, производимых всем нашим народным хозяйством и каждой отдельной его отраслью, каждым районом страны, невозможно ни вскрыть существующие пропорции и связи в народном хозяйстве, ни намечать плановое развитие отраслей и районов в будущем.

¹ «Правда» 3/II 1938 г. Положение о Государственной Плановой Комиссии при СНК СССР, постановление Совнаркома СССР.

Нельзя не отметить еще одного значения определения объема общественного продукта. Темпы развития производства, его отраслевая и районная структура чрезвычайно важны для изучения преимуществ социалистической системы хозяйства, для понимания характера экономики страны.

На первый взгляд может казаться, что учет продукции является несложной проблемой. На самом же деле это далеко не так. Процесс разделения труда так усложнил систему общественного производства, что решение этой проблемы представляет огромные трудности. Разрешить проблему определения общественного продукта можно только при условии, если правильно проанализирован весь процесс общественного воспроизводства.

Не случайно буржуазная классическая политическая экономия, бывшая на протяжении двух с лишним столетий над разрешением этой проблемы, так и не могла ее решить. Физиократы, как известно, сводили весь общественный продукт к продукту одной только отрасли сельского хозяйства. Смит, Рикардо, Сисмонди определяли общественный продукт как сумму средств потребления, отождествляя валовую продукцию с чистой продукцией.

К проблеме общественного продукта вполне применимы слова Ленина, сказанные им в отношении народного дохода. Ленин писал: «Вопрос о «национальном доходе» и о «национальном потреблении», абсолютно неразрешимый при самостоятельной постановке этого вопроса и плодивший только схоластические рассуждения, дефиниции и классификации,— оказывается вполне разрешенным, когда проанализирован процесс производства всего общественного капитала»¹.

Впервые в истории политической экономии правильное определение объема общественного продукта дал Маркс. На основе созданной им теории воспроизводства Маркс определил объем продукта общественного производства как сумму продуктов двух его подразделений: подразделения, производящего средства производства, и подразделения, производящего средства потребления. Из этого единственно правильного определения общественного продукта мы и должны исходить в практике нашего социалистического учета и планирования.

Практика социалистического учета и планирования знает два основных показателя, в которых получает отражение объем общественного продукта: валовую и товарную продукцию². Рассмотрим, что представляет каждый из этих показателей.

Остановимся сначала на валовой продукции. В основу определения валового продукта общества кладется денежная оценка массы созданных в данном году материальных продуктов. Валовая продукция представляет продукт труда данного года, если рассматривать ее как сумму потребительных благ. Наоборот, если рассматривать ее с точки зрения овеществленного в ней труда, то она только в одной своей части представляет продукт труда данного года, а в другой своей части она есть «прошлый труд», перенесенный средствами производства.

¹ Ленин, Соч., изд. 1930 г., т. III, стр. 37.

² Для подсчета всего народного дохода страны используется также показатель «чистой продукции», но отдельные предприятия и отрасли хозяйства оперативно не руководствуются этим показателем.

Анализируя капиталистическое производство, Маркс писал: «Общая сумма произведенных за год товаров, т. е. весь годовой продукт, есть продукт полезного труда, действовавшего за последний год; все эти товары существуют лишь вследствие того, что общественно примененный труд был израсходован в многообразно разветвленной системе различных видов полезного труда. Только поэтому в их общей стоимости стоимость средств производства, потребленных на их производство, сохранилась, опять появившись в новой натуральной форме. Следовательно, общий годовой продукт есть результат полезного труда, затраченного в течение года. Но в течение года создается вновь лишь известная часть стоимости годового продукта; эта часть есть вновь созданная годовая стоимость, в которой воплощена сумма труда, приведенного в движение в течение данного года»¹.

Применительно к социалистическому хозяйству мы вправе сказать, что валовая продукция представляет собой сумму потребительных благ, произведенных за данный период. Поэтому при подсчете затрат труда, связанных с производством валовой продукции, включаются как затраты прошлого труда (перенесенные на продукт средствами производства), так и вновь произведенные затраты живого труда.

В отличие от учета валовой продукции учет чистой продукции охватывает лишь результат затрат живого труда и не охватывает прошлого труда, овеществленного в средствах производства (предмет труда и орудия труда).

Учсть в натуре всю сумму разнообразных видов валовой продукции всего народного хозяйства нельзя.

Ее можно подсчитать только в денежной форме. В советском хозяйстве суммарный подсчет валовой продукции ведется в денежных единицах (в неизменных ценах).

Из определения валовой продукции вытекает и принцип ее учета. В объем валовой продукции включаются следующие элементы: во-первых, готовые продукты, произведенные в течение данного года, плюс полуфабрикаты и другие изделия, находящиеся в незавершенном производстве на конец года, минус полуфабрикаты и другие изделия незавершенного производства, перешедшие с прошлого года. Иначе говоря, валовая продукция подсчитывается путем оценки готовых изделий и прироста (или убыли) незавершенного производства².

Относительно способа включения в валовую продукцию полуфабрикатов и незавершенного производства среди экономистов существует разногласие. Ряд экономистов считает правильным включать в валовую продукцию не прирост или убыль, а весь объем незавершенного производства и полуфабрикатов как на начало, так и на конец отчетного периода. Это положение неправильно и заслуживает того, чтобы на нем здесь остановиться, ибо оно получило широкое распространение в экономической литературе, в частности в учебниках по экономической статистике.

Это положение было впервые высказано в 1927 г. А. И. Петровым в статье «Учет продукции промышленности в свете экономиче-

¹ Маркс, Капитал, изд. 1935 г., т. II, стр. 270.

² В практике социалистического учета планирования прирост незавершенного производства включается в валовую продукцию только по четырем отраслям промышленности с длительным циклом производства: в машиностроении, лесозаготовлении, торфяной промышленности и производстве кинофильмов. По другим отраслям народного хозяйства прирост незавершенного производства (как незначительная величина) не включается в валовую продукцию.

ского анализа¹. Затем это положение было вновь воспроизведено и развито в книге А. Ротштейна «Проблемы промышленной статистики» (год издания 1936) и в статье Югенбурга, помещенной в вышедшем в 1938 г. сборнике «Очерки промышленной статистики».

Указанные авторы исходят из того, что количественное соотношение между живым и прошлым трудом изменяется в зависимости от избранного для учета отрезка времени, т. е. совершенно условной границы, которая произвольно проводится между «прошлым» и «настоящим» трудом. Исходя из этого положения, авторы считают незавершенное производство и полуфабрикаты на начало отчетного периода тождественными по своей экономической значимости со средствами производства. Они делают это на том основании, что труд, овеществленный в незавершенных изделиях, есть «прошлый» труд — труд прошлого года. Поскольку «прошлый» труд, перенесенный средствами производства на продукт, является составной частью валового продукта, постольку, по их мнению, в валовую продукцию должно включаться все незавершенное производство, перешедшее с прошлых лет. Незавершенное же производство на конец года включается ими в валовую продукцию как продукт труда текущего года.

Проблема учета незавершенного производства и полуфабрикатов возникает в связи с тем, что при исчислении валовой продукции за определенный промежуток времени мы рассекаем непрерывный процесс производства в начале и в конце данного отчетного периода. Именно благодаря этому нам приходится иметь дело с незавершенным производством и полуфабрикатами.

Незавершенное производство и полуфабрикаты на начало отчетного периода представляют собой незаконченный продукт труда, производство которого будет завершено только в текущем году. Поскольку речь идет об учете продукта, изготовлявшегося частично в прошлом году и частично завершаемого в текущем году, постольку и возникает вопрос: куда следует отнести незавершенное производство и полуфабрикаты — к продукции прошлого или текущего года.

Между тем для Ротштейна, Петрова и Югенбурга проблема учета незавершенного производства и полуфабрикатов стоит совершенно иначе. Они сводят ее к вопросу о том, являются ли незавершенное производство и полуфабрикаты на начало отчетного периода предметами труда. Самый перенос вопроса в такую плоскость приводит их к принципиально неправильному методу исчисления. Основной порок их метода состоит в том, что последний включает повторный счет в отношении части продукции. Так, незавершенное производство и полуфабрикаты на конец года учитываются ими в текущем году как продукт труда, а в следующем году включаются в валовую продукцию как предмет труда. В этом обнаруживается вся нелепость защищаемого ими метода. Незавершенное производство и полуфабрикаты фигурируют у авторов указанных выше работ то как предмет труда, то как продукт труда, в зависимости от того, учитываются ли они до 1 января или после 1 января данного года. Такой подход к определению продукции ничего общего не имеет с марксистской политической экономией, которая проводит различие между средствами производства и продуктом труда не в зависимости от отрезка времени, а в зависимости от той функции, которую в процессе труда выполняет данный продукт.

Маркс говорит: «...является ли известная потребительная стоимость сырым материалом, средством труда или продуктом, это всецело за-

¹ «Вестник статистики» № 3, 1927.

висит от ее определенной функции в процессе труда, от того места, которое она занимает в нем, и с переменной этого места изменяются и ее определения»¹.

Полуфабрикаты и незавершенное производство, после того как они станут готовой продукцией, могут пойти, смотря по их потребительской стоимости, в личное потребление или в производительное. Возмещающая потребленные средства производства, полуфабрикаты могут функционировать в качестве основных или оборотных фондов. Но «...вступая,— говорит Маркс,— в качестве средств производства в новые процессы труда, продукты утрачивают характер продуктов»². Вот этого-то как раз и не поняли экономисты, проводящие условную границу между прошлым и живым трудом. Незавершенное производство на начало отчетного периода, так же как и незавершенное производство на конец отчетного периода, является не предметом, а продуктом труда. Различие между ними состоит в том, что первое есть продукт труда прошлого года, а второе продукт труда текущего года, поэтому незавершенное производство на конец отчетного периода должно быть прибавлено к валовой продукции данного отчетного периода, а незавершенное производство на начало отчетного периода должно быть исключено из нее. В противном случае объем валовой продукции будет преувеличен.

В какой мере был бы преувеличен объем валовой продукции, если бы в нее было включено незавершенное производство на начало и на конец года, показывают следующие цифры. В 1935 г. удельный вес прироста незавершенного производства за год составлял 1,5% ко всему объему валовой продукции промышленности в целом. Сумма же остатков незавершенного производства на начало и на конец года составила 8%. Если взять отрасли с длительным циклом производства, то в них разница между приростом незавершенного производства и суммой остатков еще более значительна. Так, в металлообрабатывающей промышленности удельный вес прироста незавершенного производства составляет 5,8% валовой продукции, а сумма остатков незавершенного производства на начало и конец года — 30%.

Таким образом, включив в валовую продукцию сумму остатков незавершенного производства на начало и на конец года, мы преувеличили бы ее объем по промышленности в целом на 6,5%, а по отдельным отраслям, как например по металлообрабатывающей промышленности, на 24 с лишним процента, что исказило бы действительные результаты работы.

Остановимся теперь на принципе исчисления товарной продукции. В основу определения товарной продукции кладется готовая продукция, предназначенная для отпуска на сторону. В нее входит вся готовая продукция, за исключением продукции, используемой предприятием для собственного потребления. В счет товарной продукции входят также полуфабрикаты, а также газ, пар, электроэнергия и виды продукции, отпускаемые на сторону. В практике нашего учета и планирования в отпускаемую на сторону продукцию включается также та часть готовой продукции, которая идет на капитальное строительство данного предприятия, капитальный ремонт и на непроизводственные нужды предприятия.

Таким образом, если показатель валовой продукции должен отразить весь продукт, произведенный в данном году, то показатель товарной продукции должен включать количество продуктов, данных

¹ Маркс, Соч., т. XVII, стр. 203.

² Там же.

предприятием, фабрикой, заводом, совхозом и т. д. народному хозяйству. В учете товарной продукции в отличие от валовой продукции незавершенное производство и полуфабрикаты не находят никакого отражения, равным образом в товарной продукции не учитывается собственное потребление продукции, произведенной за данный отчетный период. Таков принцип исчисления товарной продукции.

В теории статистики считается, что валовую и товарную продукцию народного хозяйства можно исчислять тремя методами: «заводским», «отраслевым» и «народнохозяйственным». В зависимости от того, каким из этих трех методов мы будем исчислять валовую и товарную продукцию, мы должны будем получить совершенно различные результаты.

Необходимость исчисления валовой и товарной продукции указанными тремя методами обычно обосновывается тем, что валовая и товарная продукция народного хозяйства, исчисленная по так называемому заводскому методу, т. е. как сумма продукции отдельных предприятий, включает повторный счет. Причиной этого считают то обстоятельство, что продукция одного предприятия, будучи однажды учтена, вновь и вновь попадает под учет как перенесенная продукция других хозяйств, в которые она вступает в порядке последовательной обработки. Так, например, металл учитывается, с одной стороны, как продукция металлургической промышленности, с другой стороны, он входит в продукцию машиностроения как предмет труда и т. д. Отсюда обычно делают такой вывод: определение действительной валовой и товарной продукции отрасли требует исключения из валовой и товарной продукции всего внутреннего потребления данной отрасли. Суммируя исчисленную таким образом продукцию отдельных отраслей, мы получаем продукцию народного хозяйства, учтенную по так называемому отраслевому методу. Аналогично этому при определении действительной валовой и товарной продукции всего народного хозяйства считают необходимым исключение всех продуктов, которые в течение данного периода были произведены одними отраслями и вновь потреблены в других отраслях в пределах народного хозяйства в качестве средств производства (учет так называемым «народнохозяйственным методом»). Подобные рассуждения мы встречаем в указанных выше работах Петрова, Ротштейна и Югенбурга. Такой подход к определению валовой и товарной продукции можно встретить и в ряде других работ.

Определение валовой продукции «отраслевым» и «народнохозяйственным» методами мы считаем ошибочным. Правильный учет валовой продукции может производиться только «заводским» методом. При подсчете валовой продукции «отраслевым» и «народнохозяйственным» методами смешиваются ими, точнее говоря, полностью отождествляются принципы учета валовой продукции с принципами учета товарной продукции; исключение собственного потребления¹ — характерная особенность определения товарной продукции — ошибочно переносится в этих методах на определение валовой продукции.

В валовой продукции, как мы установили выше, учитывается весь результат полезного труда за данный период, т. е. сюда включается оценка всех произведенных в течение данного года потребительных благ. Тот факт, что часть произведенных в течение года продуктов

¹ Под «собственным потреблением» в практике учета имеют в виду производительное потребление данным предприятием или данной отраслью хозяйства продуктов собственного производства.

поступает в дальнейшую переработку внутри данной отрасли или в рамках всего народного хозяйства, ни в какой мере не доказывает необходимости исключения из валовой продукции под видом повторного счета тех продуктов, которые пошли в переработку. Ведь эти продукты в результате переработки представляют совершенно новые потребительные блага, и как таковые они должны учитываться полностью в составе валовой продукции. Вступая в процесс производства, продукты, предназначенные для переработки, функционируют уже как средства производства; по мере их потребления в процессе производства, овеществленный в них труд переносится на продукт труда. Из учета валовой продукции никак нельзя исключать той части продукта, которая соответствует перенесенному прошлому труду, и должна идти на возмещение средств производства, потребленных в процессе производства.

В защиту «отраслевого» и «народнохозяйственного» методов учета валовой продукции приводят обычно тот аргумент, что самое понятие готового продукта весьма относительно (с развитием разделения труда прежний полуфабрикат становится законченным продуктом выделившихся специализированных предприятий и отраслей), и поэтому сторонники «отраслевого» и «народнохозяйственного» методов учета предлагают исключать из счета валовой продукции те изделия, которые идут в производительное потребление данной отрасли хозяйства.

Этот аргумент не выдерживает критики. Обособление самостоятельных предприятий и возникновение новых отраслей хозяйства приводят к тому, что эти предприятия дают новый законченный продукт, который имеет все основания быть самостоятельно учтенным.

Тот, кто не признает этого, должен был бы по существу отказаться от учета валовой продукции всех отраслей, производящих средства производства.

Практика учета и планирования нашла, на наш взгляд, совершенно правильное решение вопроса относительно учета продукции комбинированных предприятий. Это решение состоит в том, что по ряду отраслей в валовую продукцию включаются не только готовые продукты, но и полуфабрикаты, производство которых в известной своей части выделилось уже в самостоятельные предприятия. Так, в бумажной промышленности в валовую продукцию включается не только бумага, но и продукции целлюлозных цехов бумажных фабрик; в черной металлургии в счет валовой продукции включается продукция цехов изложниц. В дальнейшем перед органами учета и планирования стоит задача уточнения списка этих отраслей, установления точной номенклатуры тех полуфабрикатов и частей продукта, которые должны включаться в валовую продукцию.

Наш вывод ясен: нельзя согласиться с теми экономистами, которые утверждают, что поскольку границы разделения труда неопределенны, то неопределенно и количество самостоятельных товаров. Нет сомнения, что в процессе развития народного хозяйства границы разделения труда изменяются, но на каждый данный момент они определены уровнем развития производительных сил общества. Именно это дает основание на каждом данном этапе определять конкретный список продуктов, которые должны учитываться в валовой продукции.

Таким образом, нет ни одного состоятельного аргумента в пользу того, что из валовой продукции необходимо исключить во избежание повторного счета все внутреннее потребление данной отрасли или всего народного хозяйства в целом.

Несостоятельность «отраслевого» метода учета валовой продукции доводится до наибольшей наглядности при подсчете валовой продукции по так называемому «народнохозяйственному методу». Согласно этому методу объем валовой продукции народного хозяйства в целом равняется объему валовой продукции, учтенной по «заводскому» методу, за вычетом тех продуктов, которые были произведены за учетный период и потом использованы во всех предприятиях народного хозяйства в качестве средств производства.

В данном случае мы сталкиваемся снова с ошибочным разграничением прошлого и живого труда, в зависимости от отрезка времени. На этом разграничении и построен, как это не трудно заметить, рассматриваемый нами метод учета валовой продукции по так называемому «народнохозяйственному» методу.

Валовой продукт, согласно указаниям Маркса, распадается на три части: часть, идущую на возмещение потребленных средств производства, часть, составляющую фонд потребления общества, и часть, составляющую фонд его накопления. Если же взять объем валового продукта народного хозяйства, исчисленный по так называемому «народнохозяйственному» методу, то в нем содержатся не все эти элементы. Так, часть валового продукта, идущая на возмещение использованных средств производства, учитывается при этом методе только в размере потребления средств производства, которые были созданы в прошлые годы. Следовательно, этим методом не учитывается часть общественного продукта, идущая на возмещение средств производства, которые в течение данного периода были произведены и потреблены. Между тем если в данный период потреблена какая-то часть созданных за это время основных и оборотных фондов, то она должна быть воспроизведена и возмещена. В противном случае мы будем иметь резко выраженное сокращение производства. Чтобы правильно исчислить валовую продукцию, включая все ее составные части, очевидно, придется внести сумму продукции отдельных предприятий, т. е. произвести учет валовой продукции по «заводскому» методу.

В основе «народнохозяйственного» метода лежит прежде всего неправильный подход к самому народному хозяйству как к единому предприятию, безотносительно к его делению на два подразделения: на отрасли, производящие средства производства, и на отрасли, производящие предметы потребления. Этот взгляд на народное хозяйство воскрешает старые, опровергнутые еще Марксом, представления буржуазных экономистов конца XVIII и начала XIX в. Если подходить к народному хозяйству как к единому предприятию, то все средства производства выступают как полуфабрикаты, как неготовые продукты, а учет затрат труда, переносимых ими на готовый продукт, выступает как повторный счет в исчислении продукции. Это относится, в первую очередь, к средствам производства, произведенным и потребленным в течение данного года, ибо они учитываются в валовой продукции, с одной стороны, как продукты труда, а с другой — как потребленные в процессе производства средства труда. Но, исключая под видом повторного счета из валовой продукции потребленные в процессе производства средства производства, мы получаем не валовую, а чистую продукцию.

Сторонники метода определения валовой продукции по «народнохозяйственному» методу частично избегают ошибки Смита, Рикардо, которые отождествляли валовую продукцию с чистой продукцией. Сторонники этого метода не отрицают понятия перенесенного труда. Под последним они ошибочно понимают лишь труд прошлого года и

поэтому исключают из валовой продукции труд, перенесенный средствами производства, созданными в данном году. Из сказанного совершенно очевидно, что определение валовой продукции по так называемому «народнохозяйственному» методу представляет грубое смешение принципов учета валовой и чистой продукции.

Определение валовой продукции по «народнохозяйственному» методу было бы правильным, если бы в течение года совершался один цикл воспроизводства. Между тем потребление произведенных в данном году средств производства свидетельствует как раз о том, что в хозяйстве совершается в течение года не один, а несколько циклов. При наличии же нескольких циклов воспроизводства учет валовой продукции по «народнохозяйственному» методу дает неправильное представление как об объеме валового продукта общества, так и об его структуре.

Проиллюстрируем нашу мысль на следующем примере. Предположим, что в текущем году совершилось два цикла воспроизводства, причем за каждый цикл было произведено продукции на 9 млрд. руб. Материальные затраты в продукции каждого цикла при этом составляли, допустим, 6 млрд. руб., а чистая продукция — 3 млрд. руб. Предположим, далее, что из 9 млрд. руб. продукции первого цикла 6 млрд. руб. пошло на производительное потребление во втором цикле. Если исчислять валовую продукцию по «народнохозяйственному» методу, то ее объем за год будет равняться 12 млрд. руб. (9 — 6 + 9 млрд.). В действительности же валовой продукт общества за год составил 18 млрд. руб. (9 млрд. руб. за первый цикл и 9 млрд. руб. за второй цикл). Исчисление валовой продукции по «народнохозяйственному» методу преуменьшает, таким образом, ее объем на 6 млрд. руб., т. е. на всю ту часть средств производства, которая в течение данного года была произведена, потреблена и вновь воспроизведена.

Неправильно этот метод отражает и структуру валовой продукции. При исчислении валовой продукции по народнохозяйственному методу удельный вес всей чистой продукции в валовой должен равняться 50%

$\left(\frac{3000 \cdot 100}{200}\right)$, в действительности же он равен только 33,3% $\left(\frac{6000 \cdot 100}{18000}\right)$.

Этот пример убеждает нас в ошибочности исключения из валового продукта общества произведенных средств производства и потребленных в течение данного года.

Таким образом, мы приходим к следующему выводу: валовая продукция должна учитываться только путем суммирования продукции отдельных предприятий. Исчисление валовой продукции по «заводскому» методу, применяемое в практике нашего учета и планирования, является единственно правильным способом ее определения. Исчисление же общественного продукта по так называемому «народнохозяйственному» методу не отражает ни действительной валовой продукции общества, ни той ее части, которая создана трудом данного года, т. е. чистой продукции. Этот метод должен быть отвергнут как совершенно ошибочный.

Если при исчислении объема валовой продукции народного хозяйства может быть применен только «заводской» метод, то при исчислении товарной продукции может быть применен и «отраслевой» метод.

Товарная продукция, как мы сказали, показывает объем продукта, предназначенного для отпуски на сторону, следовательно, в этот показатель не включаются продукты, используемые для собственных нужд производства. Размер «собственного потребления» естественно зависит от того, что мы будем брать за единицу учета — завод, трест,

наркомат или отрасль. Если учет строится по данным завода, то в товарную продукцию не войдет все «собственное потребление» внутри предприятия; если в основу учета возьмем трест, то в учет не войдет, все «собственное потребление» внутри треста и т. д.

До последнего времени товарная продукция у нас исчислялась на основе данных о готовых изделиях, отпускаемых на сторону трестами. Начиная с 1937 г. товарная продукция учитывается и планируется по «заводскому» методу.

Исчисление товарной продукции по «отраслевому» методу, который, кстати сказать, у нас еще не нашел места в практике планирования и учета, может иметь большое значение. Объем товарной продукции, исчисленной по «отраслевому» методу, имеет непосредственное отношение к изучению межотраслевых связей и пропорций внутри народного хозяйства. Поэтому приходится только сожалеть об отсутствии этого показателя.

Некоторые экономисты (например Ротштейн)¹ пытаются исчислять еще товарную продукцию, принимая за основу учета народное хозяйство как целое. Такой подход к исчислению товарной продукции абсурден. Можно исчислять объем продукции, отпущенной на сторону заводом, трестом, отраслью, но исчислять, сколько отпущено «на сторону» всем народным хозяйством,— нелепо. Если говорить о товарной продукции, отпущенной на сторону народным хозяйством в целом, то речь может идти только об экспорте. Но такой показатель существует и вряд ли стоит изобретать новый.

Мы рассмотрели основные принципы исчисления валовой и товарной продукции. Остановимся на одном частном вопросе учета обоих показателей, с которым часто приходится сталкиваться в практической работе. При определении объема как валовой, так и товарной продукции немаловажное значение имеет ассортимент продукции. Изменение ассортимента непосредственным образом влияет на ее объем в ценовом выражении. Это обстоятельство является одной из причин расхождения между динамикой валовой и товарной продукции одной и той же отрасли, исчисленной в натуральных показателях и в денежном выражении. На объем продукции в денежном выражении, естественно, в первую очередь влияет изменение самих цен. Но это влияние мы элиминируем, исчисляя валовую и товарную продукцию в неизменных ценах. Поэтому, сопоставляя движение валовой и товарной продукции, исчисленной в неизменных ценах, с динамикой выпуска изделий в натуральных показателях, мы имеем возможность проследить влияние ассортимента на ценовое выражение продукции.

Если, например, продукция хлопчатобумажной промышленности за 2 года возросла в ценовом выражении (в неизменных ценах 1926/27 г.) на 40%, а в натуре (в метрах) на 25%, то расхождение между динамикой продукции в ценовом и в натуральном выражении свидетельствует о том, что за эти годы ассортимент изменялся в сторону выпуска более полноценной продукции. О выполнении плана нельзя судить иначе, чем путем точного сопоставления заданий и их выполнения по каждому сорту продукции в отдельности. Суммарные, объединенные цифры, данные в денежном выражении, а также в натуре (в метрах, в тоннах и пр.), без отражения ассортиментных качественных сдвигов сплошь и рядом дают извращенную картину.

¹ П. А. Ротштейн, Проблемы промышленной статистики.

Остановимся в заключение на значении показателей валовой и товарной продукции для планирования и учета нашего социалистического хозяйства.

Значение показателей валовой продукции определяется тем, что по этому показателю мы судим о динамике роста производства.

Показатель валовой продукции не может быть использован для точного определения степени выполнения плана, поскольку этот показатель включает прирост незавершенного производства. Учет выполнения плана по валовой продукции не дает ясного представления о том, как выполнен план готовой комплектной продукции. Следовательно, показатель валовой продукции не может служить целям борьбы за комплектность продукции, за снижение остатков незавершенного производства.

На заседании Совета при народном комиссаре тяжелой промышленности 29 июня 1936 г. товарищ Орджоникидзе говорил: «Товарищ Сталин предложил, и мы с ним целиком согласны: считать выполненной программу только того предприятия, которое дало и по количеству и по качеству хорошую продукцию»¹. Таким образом, товарищ Сталин указал на два критерия, из которых мы должны исходить при учете выполнения плана — количество продукции и ее качество. Исходя из этого указания товарища Сталина, товарищ Орджоникидзе предложил учитывать выполнение плана в промышленности по товарной продукции.

Разумеется, при всем своем значении показатели валовой и товарной продукции не решают полностью проблемы учета продукции. Каждому предприятию нужен всесторонний точный учет качества продукции, его надо вести наряду с количественными показателями валовой и товарной продукции.

Вредители, окопавшиеся в Госплане и в органах учета и планирования наркоматов, пытались использовать недостатки в постановке планирования и учета продукции в целях создания диспропорций между смежными отраслями производства. Основные вражки гнезда теперь выявлены и разгромлены славными органами НКВД. Перед работниками плановых органов, как и перед работниками народнохозяйственного учета, стоит задача в кратчайшее время ликвидировать в планировании и в учете последствия вредительства и поднять планирование и учет продукции на уровень задач, стоящих перед плановым социалистическим хозяйством.

---

¹ С. Орджоникидзе, Речь на заседании Совета при НКТП, 29/VI 1936 г. Партиздат, 1936, стр. 46.

А. ШПИРТ

Задачи рационального использования сырья и топлива

Огромный рост добычи промышленного сырья и производства полуфабрикатов за годы сталинских пятилеток и соответственное увеличение потребления материалов, необходимых промышленности, с особой остротой выдвинули вопрос о правильном их использовании. В связи с этим огромное значение для народного хозяйства приобретает экономия сырья и топлива. В нынешнем году каждый процент экономии угля составляет около полутора миллиона тонн, процент экономии нефти означает сбережение свыше трехсот тысяч тонн горючего. За каждым процентом экономии металла скрываются сотни тысяч тонн стали. Неисчерпаемые ресурсы может дать социалистическому хозяйству использование отходов и вторичное использование металлов и других материалов.

Осуществление ленинско-сталинского плана индустриализации нашей родины, развитие геологии и промышленной добычи полезных ископаемых, внедрение заменителей дали большие плоды. За годы сталинских пятилеток наша страна, развивая хозяйство, добилась не только резкого снижения импорта сырья, но и полного прекращения ввоза многих видов сырья. Сырьевая независимость СССР стала неоспоримым фактом.

Сырье, топливо и электроэнергия составляют в среднем около половины всей себестоимости продукции промышленности. Экономия сырья может и должна стать поэтому важнейшим источником снижения себестоимости. Но значение этого вопроса гораздо шире: сберегая сырье и полуфабрикаты, сокращая валютные затраты, рациональное использование сырья и топлива является важнейшим средством коренного улучшения работы предприятий, изменения самого стиля ведения хозяйства. Блестящим подтверждением этого является опыт Сталиногорского химического комбината им. Сталина, бывшего долгое время в прорыве и ставшего после смены старого, негодного руководства знаменем для нашей химической промышленности.

Борьба за рациональное потребление материалов до сих пор не велась систематически, повсеместно. В результате, в 1936 и в 1937 гг. потери топлива и сырья достигли огромных размеров. Пережог топлива в 1937 г. по промышленным наркоматам исчисляется в $2\frac{1}{2}$ —3 млн. т; по Наркомзему перерасход жидкого горючего превысил 50 тыс. т и т. д. Потери металла на металлургических предприятиях и в машиностроении исчисляются сотнями тысяч тонн. До недавнего времени не велась борьба за экономию электроэнергии, и поэтому широкое распространение получила растрата электроэнергии. Один лишь завод Электросталь перерасходовал в 1937 г. 1,5 млн. квтч, затруднив тем самым снабжение электроэнергией другие предприятия, а аналогичных примеров немало.

Еще хуже организовано экономное использование других видов материалов, потребляемых в промышленности.

Проведенные союзными наркоматами (Наркомтяжпромом, Наркомашем, Наркомземом) обследования предприятий и складов выявили безобразное использование топлива и сырья. На ряде заводов (Краматорский, «Красный котельщик» и др.) уголь сваливался в кучи, смешивался с мусором. На других предприятиях угольные площадки не были утрамбованы и замощены. Вследствие дефектов тары, неудовлетворительного состояния нефтехранилищ, ненадежности регулировки карбюраторов погибало значительное количество жидкого горючего. На большинстве предприятий не только отсутствовали технически обоснованные нормы расхода топлива, но даже не был поставлен его учет.

Велики также потери металла на предприятиях, начиная с обогащительных фабрик и кончая машиностроительными заводами. На металлургических заводах значительное количество металла идет в отходы вследствие несовершенных методовковки и литья или неправильного режима нагрева. Зачастую на различных машиностроительных предприятиях, выпускающих одинаковую продукцию, затрата материалов на изготовление одних и тех же деталей или изделий оказывается резко различной.

Совершенно неудовлетворительно поставлена утилизация отходов производства и вторичное использование материалов. Лишь немногие предприятия используют топливные отходы, отходящие газы, отработанный пар. Сбор и переработка металлоотходов и лома все еще не упорядочены. Даже такая простейшая операция, как сортировка стружки наиболее ценных легированных сталей (вольфрамовых, молибденовых и ванадиевых), не поставлена как следует. Нередки еще случаи хранения стружки этих металлов под открытым небом, смешения ее с отходами других сталей. На ряде машиностроительных предприятий не организованы брикетирование и пакетирование стружки.

Вторичное использование цветных металлов поставлено относительно лучше, но и в этой области не все благополучно. Низок еще процент химического извлечения цветных металлов из сплавов, не налажен сбор бытового металла.

Лишь небольшое количество разнообразных отходов химической промышленности перерабатывается в черной металлургии (пиритные огарки и др.). Остальные же, исчисляемые сотнями тысяч тонн, сбрасываются в отвалы.

Такие ценные заменители, как, например, пластмассы, плавленные горные породы, керамика и металлокерамика, пластифицированная и металлизированная древесина, специальные чугуны, разнообразные синтетические продукты, внедрены и внедряются в нашу промышленность в совершенно недостаточном количестве и исключительно медленными темпами.

Даже при беглом ознакомлении с состоянием использования сырья нетрудно убедиться, какие огромные резервы таятся здесь для народного хозяйства. Опыт ряда предприятий показывает, что для увеличения выпуска продукции на том же оборудовании и при том же количестве сырья не требуется ни дополнительных капиталовложений, ни увеличения рабочей силы. Необходимо только бережное, хозяйственное отношение к оборудованию и материалам. «Недостаток» сырья, на который так охотно любят ссылаться некоторые хозяйственники, в значительной мере вызван расточительством, нежеланием использовать внутривыпускные отходы. Вместе с тем руководители предприятий зачастую не учитывают, что экономия сырья и за-

менители, как уже отмечалось выше, являются важнейшим источником снижения себестоимости.

Право-троцкистские наймиты иностранных разведок, учитывая огромное народнохозяйственное и оборонное значение рационального использования материалов, всячески и всеми путями насаждали преступное расточительство сырья, тормозили использование отходов и отбросов, организацию производств заменителей и их внедрение в промышленность.

На судебном процессе троцкистских шпионов было установлено, что вредители, стремившиеся воспрепятствовать развитию содовой промышленности, тормозили создание новых содовых центров на базе соответствующих источников сырья (например на базе отбросов калийной промышленности).

В цветной металлургии вредители умышленно задерживали строительство химической части заводов, добиваясь тем самым (как например на Средьуральмедьстрое) значительного удорожания меди и отравления окружающей местности серосодержащими газами, выпускаемыми в атмосферу. На Кировградском медеплавильном заводе была построена сернокислотная установка для улавливания газов, но фактически она не работала, и газы попрежнему выпускались в воздух.

Такая же вредительская работа велась право-троцкистскими мерзавцами и в других отраслях промышленности. Так, намеренно снижался выпуск пластмасс, значение которых как заменителей цветных металлов было подчеркнуто еще на XVII партсъезде т. Куйбышевым. Троцкистские бандиты всеми способами срывали внедрение в резиновую промышленность синтетического каучука.

Браги народа всячески раздували трудности освоения заменителей, умышленно выдавали их за суррогаты, т. е. материалы худшего качества, чем заменяемые, прикрывая свою подлую работу якобы борьбой за повышение качества.

Среди известной части хозяйственников и инженерно-технических работников до сих пор не изжиты вредные «теории» о том, что нам не чему учиться в области экономии материалов и не за чем этим делом заниматься, так как Советский Союз располагает богатейшими сырьевыми ресурсами, а борьба за экономию необходима была лишь тогда, когда наша промышленность находилась на низком техническом уровне. Такая вредная болтовня только тормозит борьбу за культуру производства, за снижение себестоимости и создает ширму для вредительства в области сырьевого хозяйства промышленности.

Капиталистическое хозяйство в целом исключительно расточительно в потреблении сырьевых и т. п. материалов. Достаточно указать на уничтожение колоссального количества продуктов в годы кризисов, хищническое использование недр и лесов. Но в некоторых отраслях промышленности вследствие ожесточенной конкурентной борьбы и погони за высокой нормой прибыли достигнуты значительные результаты в деле снижения расходных коэффициентов, использования отходов и заменителей.

Взвинчивание цен монополиями также в известной мере стимулировало работы в этом направлении. Общеизвестно, что на стивенсоновскую схему ограничения производства каучука, установленную англичанами и вызвавшую резкое повышение цен, американцы ответили расширением потребления регенерата каучука. Увеличение цен на камфару, систематически проводившееся Японией после захвата ею

Формозы, ускорило организацию производства синтетической камфары в крупнейших капиталистических государствах.

Работы по экономии материалов (в широком смысле) получили особенно большой размах во время империалистической войны. В настоящее время империалистические государства, готовясь к мировой войне, разжигаемой странами-агрессорами, жестко сжимают потребление, широко используют отходы и заменители для обеспечения стратегическим сырьем.

Экономия сырья и использование заменителей имеют широкое применение и в США. В этой самой богатой капиталистической стране установлены наиболее низкие расходные коэффициенты даже для материалов, имеющих в избытке. Так, например, по американским нормам на 1 т передельного чугуна расходуется железной руды и агломерата 1,5—1,6 т, а кокса — 0,870—0,890 т. В СССР расход железной руды и агломерата на 1 т передельного чугуна определен на 1938 г. в 1,8 т, а кокса — в 0,964 т. Значительно ниже в США и расходование электростанциями энергии на собственные нужды и т. д. Нормы потребления ферромolibдена и ферровольфрама на тонну выплавляемой быстрорежущей стали в США в несколько раз ниже, чем в СССР. Вторичное использование материалов также получило наиболее широкое распространение в США. В 1923 г. потребление регенерата каучука составило 71 тыс. т (23% всего потребления), в 1929 г. оно повысилось до 230 тыс. т (48,4%). По добыче железной руды США, как известно, занимают первое место в мире, тем не менее сбору металлолома уделяется большое внимание; количество его достигает 30—40 млн. т в год.

Первое место в мировом производстве принадлежит США и по меди, свинцу и алюминию. Между тем в общем производстве цветного металла в США исключительно большое место занимает выплавка вторичных металлов (из лома и сплавов). В отдельные годы (1933, 1935) продукция вторичной меди превысила добычу из руды; продукция вторичного свинца составила 80% первичного металла, а алюминия — около 50%.

В США увеличивается также ассортимент используемых отходов и вторичных материалов. За последние годы, например, организовано восстановление никеля из сплавов и солей, использование вторичных платиновых металлов (платина, иридий, палладий и др.).

В других капиталистических странах также растет использование отходов. Так, в Англии в 1936 г. использование пылеугольного топлива повысилось вдвое по сравнению с 1929 г.; потребление вторичных цветных металлов достигло свыше 30% всего потребления.

Как мы уже отмечали, рост применения заменителей в империалистических государствах вызван главным образом военными соображениями. Усиленная подготовка к войне приводит к тому, что в первую очередь расширяются старые и создаются новые производства тех материалов, которые могут стать заменителями стратегического сырья, как, например, искусственное жидкое топливо, пластмассы, искусственное волокно и шерсть и т. д. Проводятся мероприятия по использованию собственных бедных руд.

Фашистские правительства особенно широко субсидируют все те отрасли производства, развитие которых служит целям войны. Огромные средства, необходимые для покрытия убытков, связанных иногда с применением заменителей, выжимаются из народных масс путем снижения и без того голодного жизненного уровня рабочих, снижения их нищенской зарплаты.

В США наряду с заменителями стратегического сырья большое распространение получили разнообразные сплавы, заменяющие дорож-

стоящие и импортные металлы (малооловянистые и безоловянистые сплавы и т. д.). Расширяется также применение старых материалов (черных металлов, стекла, керамики, древесины), которые благодаря новым методам производства и обработки обладают повышенными механическими и физическими свойствами.

Огромную роль в производстве заменителей играет химическая промышленность. Ряд синтетических продуктов не только успешно конкурирует с натуральными материалами, но и полностью их вытеснил. Так, например, удельный вес искусственного шелка в мировом балансе потребления текстильного сырья повысился с 0,22 в 1913 г. до 6,71% в 1935 г., удельный вес синтетических азотопродуктов увеличился соответственно с 7,7 до 73,6%; химические краски почти целиком вытеснили натуральные и т. д.

Наша социалистическая индустрия имеет все возможности не только экономить сырье и материалы, но и коренным образом реконструировать их потребление. Ни одна страна в мире не может сравниться по природным богатствам с Советским Союзом. Наша родина занимает первое место по запасам марганцевой и железной руды, калия, апатитов, фосфоритов. На территории СССР сосредоточено свыше половины мировых запасов нефти и около пятой части угля.

«С этой стороны,— указывал товарищ Сталин,— со стороны природных богатств, мы обеспечены полностью»¹.

За годы сталинских пятилеток колоссально выросли добыча и переработка этого сырья. Одновременно созданы новые производства, не существовавшие в дореволюционное время, как, например, производство пластических масс, алюминия, искусственного волокна, синтетического каучука и ряда других.

Насыщение народного хозяйства СССР всевозможными материалами создало базу для вторичного их использования. Так, подъем черной металлургии, превращение нашей страны из «деревянной» в «металлическую» дало возможность широко развернуть сбор и использование металлического лома. Техническое перевооружение промышленности и освоение новой техники создали мощную техническую базу для осуществления экономии сырья и полуфабрикатов в процессе производства. В машиностроении введены и вводятся новые конструкции машин, требующие меньше металла и топлива. В химической и других отраслях промышленности усовершенствованы технологические процессы, что также дает значительную экономию сырья и полуфабрикатов.

При капитализме, отмечал Маркс, «...рабочий действительно относится к общественному характеру своего труда, к его комбинации с трудом других ради общей цели, как к некоторой чуждой ему силе; условием осуществления этой комбинации является чуждая рабочему собственность, расточение которой нисколько не затрагивало бы интересов рабочего, если бы его не принуждали экономизировать ее»².

В СССР нет и не может быть этого основного затруднения в деле проведения экономии материалов. «Люди работают у нас не на эксплуататоров, не для обогащения туеядцев, а на себя, на свой класс, на свое, советское общество, где у власти стоят лучшие люди рабочего класса»³.

В нашей стране имеются все условия не только для наиболее раци-

¹ И. Сталин. Вопросы ленинизма, Партиздат, изд. 10-е, стр. 441.

² К. Маркс. Капитал, т. III, Партиздат, 1936, стр. 77.

³ И. Сталин. Речь на Первом Всесоюзном совещании стахановцев, Партиздат, 1935, стр. 16.

онального использования сырья, но и для широкого маневрирования всеми имеющимися в стране ресурсами — замены одних материалов другими, использования местного сырья и т. д.

Стахановцы во всех отраслях народного хозяйства показали немало блестящих достижений в области рационального использования сырья и экономии материалов. По почину рабочих ленинградского завода им. К. Маркса в качестве котельного топлива стали применяться сланцы; на ряде электростанций (Днепродзержинской и др.) кочегары значительно уменьшили расход топлива; трактористы Стульнининской, Поляховецкой и других МТС показали образцы экономии жидкого горючего; стахановцы-машиностроители снизили нормы расхода металла.

Но вместе с тем успехи нашей промышленности в области рационального использования сырья и материалов еще совершенно недостаточны. Об этом говорит огромный перерасход металла и топлива за предыдущие годы. Одной из важнейших причин этого, наряду с вредительством и головоуятием, является совершенно недостаточная культура производства. Рациональное потребление сырья и топлива, использование отходов зависят от культуры производства, от слаженности и точности работы, не только предприятий, но и отраслей промышленности в целом. В обращении к металлургам станкостроители писали:

«Помните, что станкостроительные заводы до сих пор получают от вас отливки с большими припусками на обработку и неправильных габаритов. Из-за этого непроизводительно растрачиваются тысячи тонн металла, загружается излишней работой станочное оборудование...»¹.

На машиностроительных предприятиях потери металла велики из-за того, что неудовлетворителен его ассортимент. Широкое распространение имеет еще некомплектность в снабжении и т. д.

В погоне за количественным выполнением плана и экономией материалов некоторые горе-рационализаторы проводили такую замену, которая увеличивала брак. Между тем декабрьский пленум ЦК ВКП(б) 1935 г. совершенно четко указал, что широкое использование заменителей должно быть неразрывно связано с улучшением качества продукции.

Большую роль в деле упорядочения потребления материалов должна сыграть стандартизация. Работы по стандартизации необходимо вести в двух направлениях: во-первых, необходимо закрепить в стандарте сырье, отвечающее техническим требованиям, во-вторых, в стандартах изделий следует указывать помимо основных материалов и заменители.

Стандартизация сырья не только повысит производительность труда, но и улучшит технологический процесс.

При разработке новых стандартов изделий должны быть отражены вопросы экономии материалов. В тех немногочисленных отраслях промышленности, где эти вопросы учтены, сберегается значительное количество сырья и полуфабрикатов. Так, в судостроении в 1938 г. по новым стандартам на паровые машины расход бронзы снижается с 5—10% веса машины до 3—5%, а расход пара уменьшается на 25—30%.

В США и некоторых других странах созданы как бы специальные отрасли промышленности по сбору и переработке бывших в употреблении материалов, металлолома и т. д. Для этих отраслей промыш-

¹ Обращение съезда профсоюзов рабочих станкостроительной промышленности. «Правда». 28/XI 1937 г.

денности на многочисленных курсах готовятся сборщики, сортировщики и рабочие по разделке металлолома и т. д. В программах высших учебных заведений также отражены вопросы экономии материалов. У нас же, к сожалению, несмотря на всю важность экономии сырья в деле снижения себестоимости, вопросы экономики сырья и заменителей не изучаются. Нет необходимой технической и научно-популярной литературы по экономии сырья и по заменителям. Поэтому со всей остротой стоит задача соответствующей подготовки кадров не только в системе вузов, но и во всей сети низовых курсов для мастеров и стахановцев.

Высокий уровень советской науки и техники и могучее стахановское движение делают возможным не только упорядочение использования сырьевых материалов, но и коренную реконструкцию их потребления. Необходимо пересмотреть на основе опыта стахановцев не только нормы расхода, но и ассортимент потребляемых материалов. Высокая техническая вооруженность дает возможность вовлечь в сферу потребления новые массы низкосортного сырья, расширив области его применения.

В течение первой и второй пятилеток в потреблении материалов произошли значительные сдвиги. Уже в 1934 г. выработка тепловых электростанций, работающих на местном топливе, составила 9916 млн. квтч (64,9% выработки всех тепловых станций) вместо 1192 млн. квтч в 1928 г.¹ Теплотехники разрешили проблему сжигания бурых углей и сланцев, низкосортных видов топлива (штыбы, отходы обогащения, опилки и т. д.), а также сжигания твердого топлива в пылевидном состоянии.

Громадный рост тракторного и автомобильного парков резко увеличил спрос на моторное топливо, что повлияло на изменение ассортимента вырабатываемых нефтепродуктов, в первую очередь на увеличение выпуска светлых нефтепродуктов. В 1936 г. производство бензина увеличилось по сравнению с 1913 г. в 19,6 раз, а керосина — в 3,7 раз.

В потреблении металлов вырос удельный вес качественного проката, производство которого в 1936 г. составило 2356 тыс. т вместо 40 тыс. т в 1913 г.

В результате огромного роста продукции цветной металлургии и организации новых производств таких металлов, как алюминий, никель и др., резко выросло потребление цветных металлов.

Создание таких новых отраслей индустрии, как производство синтетического каучука, пластмасс, красителей, искусственного волокна и т. д., повысило удельный вес потребляемых в промышленности синтетических продуктов.

В различных отраслях нашей индустрии накопились сотни тысяч тонн неиспользуемого сырья. Переработка его тормозится рядом причин, среди которых большое значение имеет то обстоятельство, что плохо изучены новые области применения низших сортов сырья. В асбестовой промышленности, например, имеются десятки тысяч тонн асбеста низших сортов, для которых до настоящего времени не найдено применения, между тем как на американских предприятиях аналогичные сорта давно используются.

Использование местных ресурсов (топлива, удобрений, стройматериалов и т. д.) должно быть резко увеличено в годы третьей пятилетки. Каждый край, область, республика должны не только изучить свои природные богатства, но и всячески добиваться использования

¹ Из этого количества тепловые станции, работавшие на торфе, произвели в 1934 г. 2839 млн. квтч вместо 645 млн. квтч в 1928 г.

местных источников сырья и топлива. Наряду с комбинированием предприятий, дающим возможность наиболее рационально использовать отходы и побочные продукты, необходимо расширить старые и организовать новые производства по переработке отходов и вторичных материалов (металлолом, регенерат каучука и т. д.)¹.

Во всех звеньях народного хозяйства — от предприятия до Госплана — необходимо поставить учет отходов, которые наряду с запасами ископаемых должны войти в единый план материальных ресурсов.

Существующий ассортимент материалов не удовлетворяет потребностей нашей промышленности. Более того, недостаток или отсутствие высококачественных материалов тормозит развитие отдельных отраслей промышленности. По количеству и разнообразию сплавов мы еще значительно отстаем от передовых по технике капиталистических государств. Задача состоит не только в количественном увеличении производства этих материалов, но и в резком повышении их качества. Металлурги должны увеличить выпуск таких отливок для машиностроения, которые будут требовать лишь незначительной последующей механической обработки и т. д.

Предприятия и главки должны в перспективных планах развития производства тщательно разрабатывать технические планы внедрения новых видов сырья, топлива, использование отходов и т. п. Работники электротехнической промышленности, например, должны в этих планах заблаговременно предъявлять металлургам и химикам требования об обеспечении их материалами, необходимыми для новых конструкций, и т. д.

Стахановское движение, опрокинувшее все предельческие нормы в области использования оборудования, вносит много нового и в область лучшего использования сырых материалов, топлива, энергии и пр. В самом деле, большинство прежних норм потребления материалов составлялось на основе устаревших расчетов, на основе весьма несовершенного опыта, при этом делались «скидки» на неизбежные потери, на несовершенство технологических процессов и т. д. Прошедшие совещания передовиков отдельных отраслей социалистической индустрии, установившие новые нормы, показали, какие огромные возможности имеются для дальнейшего снижения расхода материалов. Но задача заключается не только в экономии материалов. Не менее важно наиболее рациональное использование их. «Нефть не топливо, топить можно ассигнациями», — писал Менделеев, подчеркивая значение нефти как химического сырья.

Знакомство с практикой использования заменителей и работой по социалистической рационализации нашей промышленности показывает, что применение тех или иных материалов в большинстве случаев вызывается привычкой, консерватизмом, а отнюдь не обоснованными техническими расчетами. До последнего времени, например, свинец считали чуть ли не единственным незаменимым материалом в химическом машиностроении. Практика же показала, что можно успешно применять вместо свинца черные металлы, кислотоупорные цементы и т. д.

В машиностроении еще до сих пор не изжит взгляд на машину как на мономатериальную конструкцию, для сооружения которой годится только один материал — металл. Между тем современные машины состоят из различных групп деталей, часть которых (про-

¹ Производственная база «Металлолома», состоящая из трех заводов металло-сырья — в Москве, Ленинграде и Донбассе, недостаточна. Из трех предприятий, занимающихся регенерацией каучука, два работают по устаревшему, давно не применяемому за границей, кислотному способу.

кладочные, опорные, защитные и т. д.) подвергается действию незначительных усилий, а следовательно, не требует дорогостоящих материалов с высокими качественными показателями. Так, еще несколько лет назад резцы делались целиком из быстрорежущей стали; теперь из быстрорежущей стали наваривается только тонкая пластина.

Крайне важно ограничить потребление дефицитных материалов, применяя их лишь в тех случаях, когда замена невозможна.

Перед научно-исследовательскими институтами, лабораториями, огромной массой изобретателей стоит почетная задача — изыскать такие материалы и сплавы, которые удовлетворяли бы повышенным требованиям потребителя.

В годы третьей пятилетки необходимо организовать производство ряда новых материалов. При наличии достаточных сырьевых ресурсов до последнего времени не был налажен выпуск таких полуфабрикатов, как магниевые сплавы и ряд других.

Новые конструкции машин и двигателей, требующие меньше металла для изготовления и меньше топлива для эксплуатации, усовершенствованные технологические процессы и способы удлинения срока службы тех материалов, которые используются в промышленности, — таковы важнейшие задачи, которые необходимо разрешить научным и техническим работникам Советского Союза. В этой работе, равно как и в разрешении проблемы реконструкции потребления материалов, большую роль должна сыграть экономическая разработка вопросов. Если в области расширения сырьевой базы экономисты должны помочь геологам указанием, где искать полезные ископаемые с точки зрения народнохозяйственной целесообразности, то в области потребления материалов необходимо сказать, какое сырье можно наиболее эффективно использовать, что и чем целесообразно заменять, исходя из ресурсов нашей страны.

Проблема взаимозаменяемости по ряду материалов уже практически разрешена. В электротехнике медь заменяется алюминием. В некоторых случаях в качестве подшипникового материала могут с равным успехом применяться цветные металлы (бронза), пластмассы (текстолит), дерево (бук), резина и т. д.

Чрезвычайно важным является анализ экономической эффективности применения заменителей. Так, низколегированные стали обходятся дороже углеродистых, но применение их дает значительную экономию в количестве затраченного металла, в весе готового изделия, что чрезвычайно важно в транспортном машиностроении. Применение дизеля вызывает значительные затраты металла, так как дизельный мотор весит больше бензинового, однако этот перерасход металла окупается благодаря сбережению нефтепродуктов при эксплуатации.

Тщательный экономический анализ дает, таким образом, возможность установить целесообразность применения заменителей.

Таковы важнейшие вопросы упорядочения и реконструкции потребления сырья, топлива и прочих материалов. Быстрейшее разрешение этих проблем поможет не только сэкономить огромные материальные средства, но и резко улучшить работу промышленности и повысить обороноспособность нашей родины.

Жилищные условия рабочего класса в дореволюционной России и в СССР

Великая Октябрьская социалистическая революция, уничтожившая господство помещиков и капиталистов, открыла возможность неограниченного роста благосостояния трудящихся, неизмеримо подняла их жизненный уровень. Одним из существенных факторов подъема жизненного уровня трудящихся является коренное изменение их жилищных условий.

Итог двадцатилетнего существования советской власти зафиксирован в Великой Сталинской Конституции — Конституции победившего социализма. Неприкосновенность жилища и последовательное улучшение жилищных условий граждан СССР — одно из огромных завоеваний великой Октябрьской социалистической революции. Значение этого завоевания можно оценить, только сравнив жилищные условия трудящихся СССР с той тяжелой жилищной нуждой, которую испытывал рабочий класс в условиях капиталистической России.

Жилищный вопрос в капиталистических странах — одна из больших социально-экономических проблем, теснейшим образом связанных с классовой, эксплуататорской основой общества, порождающей жилищную нужду трудящихся. Жилищная нужда ...«поражала довольно равномерно все угнетенные классы всех времен»¹. Она не обошла и угнетенные народы России. История России — яркое тому свидетельство.

Капитализм, заменивший крепостничество, еще более обострил классовые противоречия. С развитием капитализма и усилением капиталистической эксплуатации жилищная нужда трудящихся все более усиливалась, приобретая новые, свойственные капитализму формы.

Фридрих Энгельс в своей бессмертной работе «К жилищному вопросу» писал по поводу жилищной нужды при капитализме:

«То, что понимают под жилищной нуждой в настоящее время, это — своеобразное обострение и без того скверных жилищных условий рабочих вследствие внезапного прилива населения в большие города; огромное повышение квартирной платы, еще более усилившаяся скученность жильцов в отдельных домах, невозможность для некоторых вообще найти себе пристанище. *И эта жилищная нужда* потому только заставляет так много говорить о себе, что она не ограничивается рабочим классом, но поразила вместе с тем и мелкую буржуазию»².

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, стр. 5.

² Там же.

Развитие капитализма в России в пореформенную эпоху сопровождалось огромным, и при этом все усиливавшимся, притоком населения в торгово-промышленные центры страны. Этот приток вызвал невиданный дотоле спрос на жилища. Россия с присущим ей своеобразием переживала то, что раньше пережили передовые капиталистические страны, где пришельцев, нахлынувших в города, «...спроваживают в подвалы и амбары или превращают порядочный до того времени дом для рабочих в ночлежку, в которой жильцы сменяются так же быстро, как солдатские постои во время Тридцатилетней войны»¹.

Развитие капиталистической экономики и быстрый рост городов России во второй половине XIX в. вызвали значительное повышение цен на землю, усилили земельную спекуляцию, создав благоприятные условия для капитализации домовладений.

Жилые здания в городах становились все больше и больше товаром, продажа которого состояла в предоставлении жилища во временное пользование за особую плату.

С последней четверти XIX в., особенно в 900-х годах, жилищное строительство начало заметно увеличиваться. Официальная статистика дореволюционной России не дает сведений о том, как велико было жилищное строительство в городах в пореформенную эпоху, в частности в империалистический период развития русского капитализма. Известно лишь, что строительство это носило спекулятивный характер, о чем убедительно свидетельствует рост цен на землю. В городах цены на землю приняли огромные размеры. В Москве, например, 1 кв. саж. земли по отдельным районам стоила (в руб.).

Р а й о н ы	1911 г.
Земляной вал	150
Покровские ворота	150
Мясницкие ворота	300
Старая площадь	600
Юшков переулок	800
Варварка ул.	900
Никольская ул.	1 400
Ильинка ул.	1 600

За период с 1863 по 1911 г. цена на землю в Москве возросла в 15—30 раз; гектар земли в Китай-городе стоил в 1911 г. 1 320,0—3 520 тыс. руб.

Рост цен на городские земли был обусловлен повышением земельной ренты. Огромную роль играла земельная спекуляция, всемерно поощряемая городскими самоуправлениями и царским самодержавием.

Типичнейший пример такой спекуляции — история «Хомяковской рощи» в Москве. Для расширения Кузнецкого пер. (нынешнего Кузнецкого моста) необходимо было отрезать часть земли (на углу Кузнецкого пер. и Петровки), принадлежавшей некоему домовладельцу Хомякову. Последний запросил за отрезок земли в 54 кв. саж. 100 тыс. руб. Городская дума не согласилась уплатить такую сумму. Хомяков отгородил участок железной решеткой и засадил его чахлой растительностью. Тяжба городской думы с Хомяковым тянулась около десяти лет, и, наконец, «по высочайшему повелению» было произведено «принудительное отчуждение» части участка. Владелец «Хомяковской рощи» получил около 50 тыс. руб. за 54 кв. саж. Таким «принудительным отчуждением» земли закончилась тяжба.

¹ К. Маркс, Капитал, Партиздат, 1937, т. I, стр. 621.

О спекулятивном характере жилищного строительства свидетельствует также рост задолженности владельцев городских недвижимостей. С ростом задолженности расширялись и различного рода махинации по залогоу, перепродаже зданий, зачастую еще незаконченных постройкой. По данным Комитета съездов представителей учреждений земского кредита, банковская оценка заложенного имущества составляла в 1914 г. по 13 банкам — 2 100,6 млн. руб., а с поправкой на недооценку — 3 064,0 млн. руб.

Спекулятивный характер купли-продажи городских земель и жилищного строительства всемерно повышал квартирную плату, что отражалось прежде всего на рабочем классе. По мере развития капитализма, усиления эксплуатации, абсолютного и относительного обнищания рабочих ухудшились и их жилищные условия.

Общая экономическая отсталость буржуазно-помещичьей России сказалась и на жилищном фонде. Дореволюционная Россия по праву получила название «деревянной». Каменные здания в городах составляли всего лишь 21,7%.

В городах северной части Европейской России и Сибири были почти сплошь деревянные здания: в Омске — 97,9%, в Архангельске — 95,2%, в Вологде — 94,3%, в Череповце — 94,1%, в Томске — 92,8%. Во многих уездных городах каменные здания насчитывались буквально единицами: в Повенце — 1, в Лодейном Поле — 4, в Печоре — 8, в Усть-Сысольске — 13 и т. д.

Жилищный фонд Москвы¹ и Петербурга² перед Октябрьской революцией был также в большей части деревянным.

	Общее число жилых зданий	В том числе:			
		каменных	деревянных	смешанных	прочих
Москва	38 553 100%	13 074 34,0%	19 323 50,1%	6 156 15,9%	— —
Петербург	29 440 100%	12 895 43,8%	15 542 52,8%	913 3,1%	90 0,3%

Обе столицы дореволюционной России в этом отношении недалеко ушли от многих губернских городов. «Белокаменная» Москва, в которой преобладали мелкие деревянные неблагоустроенные здания, имела больше оснований называться «большой деревней», как метко и справедливо ее характеризовала народная молва.

А. И. Герцен писал о Москве 60-х годов прошлого столетия: «Москва есть не что иное, как гигантское развитие русского села». Такой, по существу, оставалась Москва до Великой Октябрьской социалистической революции.

Только 24—75% жилых зданий в городах России (исключая столицы) были крыты железом. Большая же часть жилищ имела тесовые, соломенные и т. п. крыши. Редкий губернский город России не имел домов, покрытых соломой. Об уездных городах и говорить не

¹ «Города России в 1910 г.» Изд. ЦСК министерства внутренних дел, 1914 стр. 1:6.

² «Статистический ежегодник за 1921 г.», вып. II. изд. ЦСУ, 1923, стр. 298.

приходится. Город Троицк, бывш. Пензенской губ., например, имел 1003 дома с соломенными крышами (88,4%), Сергиевск — 666 (93,7%) и т. д.

Подавляющую часть городских жилых зданий составляли одноэтажные домики — двухэтажных домов было очень немного; здания свыше двух этажей насчитывались десятками в губернских городах и единицами — в уездных. Показательны в этом отношении следующие данные за 1920 г. по 9 губернским и 4 уездным городам¹, характеризующие наследство, полученное советской властью от капитализма.

Этажность зданий	Число нежилых и жилых зданий	В % к общему числу
Одноэтажные	102 091	90,5
Двухэтажные	10 333	9,2
Свыше двухэтажи.	336	0,3
Итого	112 760	100,0

В дореволюционной Москве было 91,2% одноэтажных и двухэтажных зданий и всего лишь 8,8% зданий свыше двух этажей.

В Костроме вплоть до революции было всего лишь 70 зданий (0,7%) свыше двух этажей, в Воронеже — 65 (0,4%), в Симбирске — 38 (0,4%), в Вологде — 32 (0,3%), в Калуге — 24 (0,3%), в Рязани — 20 (0,3%), в Ставрополе — 8 (0,1%), в Великом Устюге — 4 (0,1%) и т. д.

Великий знаток и ненавистник «рассейской» пошлости А. П. Чехов дал незабываемую характеристику архитектуры одно-двухэтажных домов России:

«У фасада упрямое, черствое выражение, линии сухие, робкие, крыша низкая, приплюснутая, а на толстых, точно сдобных, трубах непременно проволочные колпаки с черными визгливыми флюгерами... Бездарность укрепилась и стала стилем».

Для городов России было типичным мелкое строение.

На одно жилое здание приходилось в среднем всего лишь 9,8 чел. В подавляющем большинстве это были домики из одной-двух небольших квартир. По переписи 1917 г. на 100 жилых зданий приходилось: в губернских городах 184 квартиры, в уездных — 164 квартиры.

О размерах квартир говорят данные той же переписи (по 18 городам):

Квартир в одну комнату	24,2%
» » две комнаты	23,9%
» » три »	20,7%
» » четыре »	16,3%
» » пять—шесть	11,5%
» » семь и более	3,4%

Для характеристики жилищного фонда дореволюционной России чрезвычайно показательна также крайне низкая степень благоустройства, т. е. оборудования водопроводом, канализацией, центральным отоплением, электрическим освещением, ваннами.

Жилищный фонд в России почти полностью принадлежал частным лицам. Коллективно-капиталистическая собственность составляла в нем очень небольшую долю, примерно 2-3%.

Частновладельческий жилищный фонд делился на две группы: а) капиталистическое домовладение, служившее средством дополни-

¹ «Статистический ежегодник», ЦСУ, 1918—20 гг., стр. 324—325.

тельной эксплуатации трудящихся, и б) домовладение трудящихся, т. е. жилища, составлявшие собственность трудового населения.

Об удельном весе той и другой группы дореволюционная статистика, к сожалению, точных данных не дает.

Капиталистическое использование жилищ не ограничивалось лишь жилыми помещениями, сдаваемыми в наем, т. е. теми, за которые домовладелец получал квартирную плату. Часть жилых помещений предоставлялась домовладельцами без платы «своим» рабочим и служащим. Известно, что «бесплатная квартира», так же как и «хозяйские харчи», для рабочих были весьма распространены в старой России. Домовладелец, он же предприниматель, удерживал плату за жилище и за «харчи» из зарплаты рабочего заранее, при этом, как правило, размер этих удержаний был намного больше, чем жилье фактически стоило. Таким образом, предприниматель имел возможность дополнительно эксплуатировать трудящихся, живущих в «бесплатных» квартирах.

Квартирная плата в дореволюционной России была чрезвычайно высока. Она особенно возросла за десятилетие, предшествовавшее мировой империалистической войне. За шесть лет, с 1904 до 1910 г., средняя плата за квартиру в 1—3 комнаты повысилась по всей России на 58 руб. в год (на 38,7%), т. е. почти на 5 руб. в месяц¹. Больше всего она возросла в поселках и фабрично-заводских пунктах, населенных пролетариатом.

Чем больше город, тем дороже были квартиры одного и того же размера. Так, плата за квартиру в 1—3 комнаты в поселках составляла 109 руб. в год, а в городах с населением свыше 200 тыс. жителей—361 руб. в год. Это нельзя объяснить только относительно лучшим благоустройством квартир в больших городах; основной причиной была несравненно более высокая цена на землю.

Даже самые дешевые квартиры в 1—3 комнаты, стоившие от 10 до 30 руб., были недоступны подавляющей массе рабочего населения, так как средний заработок рабочего в 1908 г. составлял всего 20 р. 50 к. в месяц. «Если принять во внимание, что на такую сумму приходится содержать семью,—и это при теперешней дороговизне квартир и жизненных припасов,—то подобную плату нельзя не назвать нищенской»,— писал в 1912 г. В. И. Ленин².

Жилища рабочих были крайне перенаселены; рабочие семьи жили в исключительно тяжелых условиях.

По общей перенаселенности жилищ дореволюционная Россия занимала первое место среди капиталистических стран Европы и Америки; с ней конкурировали в данном вопросе лишь страны Востока—Индия, Китай, Япония.

Показательно следующее сопоставление среднего числа жителей на одну комнату:

Г о р о д а	Г о д ы	В среднем на одну комнату (чел.)
Лондон ³	1921	0,56
Париж ⁴	1911	1,0
Берлин ⁵	1914	1,3
Петербург	1912	2,4

¹ В дореволюционной России учет жилищного фонда производился, как правило, по комнатам, а не по размеру жилой площади.

² Ленин, Соч., т. XVI, стр. 54.

³ По Лондону—Census of England and Wales, 1931. Nousing Report and Tables, London, 1935.

⁴ По Парижу—Die Wohnungspolitik in Europa, Genf, 1931.

⁵ По Берлину и Петербургу—Энциклопедия местного управления и хозяйства, 1926 г.

Из таблицы видно, что средний уровень (стандарт) жилищных условий в России был значительно ниже, чем в западноевропейских странах. Но дело не только в этом. При более низком среднем жилищном стандарте классовая поляризация в жилищном вопросе в России была острее, чем в других капиталистических странах.

Официальная царская статистика, понятно, не дает характеристики жилищных условий буржуазии и рабочего класса. Однако ее данные проливают некоторый свет на классовую поляризацию в жилищном вопросе.

В благоустроенных квартирах буржуазии и состоятельных слоев населения на одну комнату приходилось перед Октябрьской революцией в среднем 0,75 человек, а в скверных жилищах рабочих и городской бедноты — в среднем 5,26 человек¹. Иначе говоря, населенность жилищ трудящихся была, по официальным, заведомо преуменьшенным данным, в семь раз больше, чем населенность жилищ имущих классов. Эти данные не включают крупных промышленных центров, в которых классовая поляризация была несравненно резче, а жилищные условия рабочих еще более тяжелыми.

Варварский российский капитализм сделал все, чтобы максимально снизить жизненный уровень рабочего класса, свести его к полуголодному существованию.

«Снабжение жилищами подавляющей части населения находилось (а в буржуазных странах находится еще и до сих пор) в руках частных предпринимателей и служило средством самой беззастенчивой эксплуатации широких масс трудящегося населения, особенно наименее обеспеченных слоев пролетариата»².

Эта беззастенчивая эксплуатация особенно усилилась в период империализма.

В. И. Ленин в работе «К деревенской бедноте» (1903 г.) показал, как одновременно с развитием империализма и ростом богатства у немногочисленной кучки эксплуататоров шло обнищание миллионов трудящихся, ухудшались их жилищные условия.

«Растут богатые города, строятся роскошные магазины и дома, проводятся железные дороги, вводятся всякие машины и улучшения и в промышленности и в земледелии,— а миллионы народа все не выходят из нищеты, все продолжают работать за одно только содержание семьи всю свою жизнь. Да мало того: все больше становится безработных. Все больше становится и по деревням и по городам людей, которые совсем не могут найти никакой работы. В деревнях они голодают, в городах они наполняют босые команды и золотые роты, ютятся, как звери, в землянках городских предместий или в таких ужасных трущобах и подвалах, как на Хитровом рынке в Москве»³.

В центральных районах крупных городов рабочие, как правило, не могли жить, ибо квартирная плата даже за подвальное помещение была им не под силу. Известно, что в дореволюционной Москве в районе Садового кольца, т. е. в центральной части города, жило всего лишь 3—5% рабочих.

Лачуги рабочих окраин, фабричные казармы и спальни, коечно-ка-

¹ Данные 1917 г. см. «Статистический ежегодник 1918—1920 г.» ЦСУ, вып. II, 1922.

² Из резолюции июньского пленума ЦК ВКП(б) 1931 г. «О московском городском хозяйстве и о развитии городского хозяйства СССР», см. «ВКП(б) в резолюциях и решениях», ч. II, стр. 472.

³ Ленин, Соч., т. V, стр. 271.

морочные квартиры трущоб и подвалов, ночлежные дома, землянки — такими были жилища рабочего люда в царской России.

Каждый более или менее значительный промышленный пункт имел свои рабочие окраины, расположенные обычно за заставами. Они именовались по-разному: слободами, посадами, выселками и т. п., но их жилища-лачуги были одинаково убогими.

Вот типичная картина прошлой жизни на одной из московских окраин — «Ключиках».

Семья рабочего Абрамова, состоявшая из двенадцати детей, занимала в двухэтажном деревянном домике Домовладельца — огородника Денисова — комнатушку, размером меньше двух саженей. Одна деревянная койка и облезлый, кривой, на трех ножках стол составляли всю обстановку жилища. Дети спали вповалку на полу. Зимой вода стекала со стен на пол и на темную грязную лестницу. Маленькие, подслеповатые оконца еле пропускали редкие тусклые лучи бледного света. От недостатка воздуха, сырости и гнилых испарений в доме всегда стояло отвратительное, невыносимое зловоние. Многие рабочие часто болели.

В каждой лачуге ютилось по несколько рабочих семей, занимавших по одной комнате, вроде описанной выше, а нередко в одной комнате жило по две семьи и больше. По $\frac{3}{4}$ кв. м площади и по $1\text{—}\frac{3}{4}$ куб. м воздуха на человека приходилось в семье, описанной выше. Эта крайняя скученность населения в исключительно плохих жилищах была типичной для рабочих окраин; она являлась одной из основных причин массовых эпидемических заболеваний, часто посещавших царскую Россию.

Так жили до Октябрьской революции рабочие в Москве, на «Ключиках», как тогда называлась окраина на месте нынешней Дангауэровской ул., на Симоновской слободе, и на других многочисленных окраинах. Так жили до революции рабочие в Петербурге за Нарвской, Невской и другими заставами, так жили рабочие и в остальных промышленных центрах России.

Еще в худших условиях находились рабочие, жившие в фабрично-заводских казармах, принадлежавших предпринимателям. Каменные или деревянные здания в 2—3—4 этажа тюремного типа — таков внешний облик этих казарм. Они бывали обычно двух типов: «нарочные» и «каморочные».

Казармы «нарочного» типа представляли одно помещение на весь этаж, без каких-либо перегородок. Узкий не более 1 м, проход посредине разделял ряды нар, построенных в два-три яруса. В таких помещениях-этажах жило по 100—200 человек. Семейные люди считали счастьем получить угол, отгороженный хотя бы занавеской.

Большинство рабочих, живших в казармах такого типа, не имели ни тюфяков, ни одеял, ни подушек. Места на нарах не были закреплены, — каждый занимал свободное место. Подстилкой служила собственная одежда. Уборка производилась редко и плохо, еще реже бывала дезинфекция. Нары кишели паразитами, уборные и умывальники устраивались обычно в непосредственной близости к казарме и являлись источником зловоний, рассадником заразы.

О «нарочных» казармах Прохоровской мануфактуры в Москве, которые получили печальную известность из-за особой скученности, невыносимых жилищных условий, рассказывает старый текстильщик Ф. Г. Румянцев:

«...На Прохоровку я попал перед 1905 годом. Поместили в 40-й казарме, или, как она тогда называлась, спальне. Все помещения Прохоров обстроил в два яруса сплошными нарами. Нары еще называли «гроб», — уж очень она на жилье для покойника смахивала: в

головах перегородки, с боков перегородки, а в ногах ящик, куда складывали чай, сахар, грязное белье вместе с чистым. Если у кого был свой сундучок, то его поставить некуда было. Особенно туго приходилось тем, кто жил на нижнем ярусе,— с верхнего и грязь и плевки попадали.

На нарах лежал хозяйский матрац — мешковина, набитая соломой. Простынь почти ни у кого не было. Правда, старики рассказывают, что в 1892 году, когда вспыхнула эпидемия холеры, Прохоров распорядился выдать по одеялу, простыне и наволочке, но и здесь он не преминул содрать с рабочего последнюю шкуру,— вычел за «добро» 1 рубль 75 копеек, тогда как красная цена этому хламу в то время на рынке была меньше рубля...

...Казарма была живой могилой не только для взрослого. Особенно больно было смотреть на детишек. Те прямо как мухи мерли,— чуть ни каждый день у выхода маленькие гробики стояли»¹.

Казармы «каморочного» типа имели посредине этажа длинный, узкий, обычно темный коридор, по обе стороны которого тянулись «каморки», отгороженные одна от другой тонкими досчатыми перегородками, зачастую не доходившими до потолка. Как правило, в таких небольших каморках помещалось не менее двух семей, каждая из которых считала за счастье иметь хотя бы одну кровать на семью и изолировать ее занавесками.

При некоторых фабриках вместо рабочих казарм имелись так называемые «рабочие спальни» — помещения, отводимые предпринимателями обычно в подвалах фабричных зданий только для ночлега рабочих.

«Рабочая спальня на фабрике Шустрова в Москве,— писал фабричный инспектор Янжул,— напоминает собой какое-то жуткое подземелье. Через потолок, просачиваясь, каплет на голову рабочих зловонная жидкость из уборной. Стекла во многих рамах отсутствуют. Вечером здесь полный мрак. На сто человек горит одна коптилка. Да и та часто гаснет из-за нехватки керосина»².

На некоторых текстильных фабриках рабочие и работницы, за неимением жилья, ночевали в здании фабрики, спали на станках.

Особенно большое распространение получили в России коечно-каморочные жилища. В таких жилищах рабочий занимал койку (на ночлег) или отгороженную часть комнаты — каморку.

В 1899 и в 1912 гг. в Москве было проведено два массовых обследования коечно-каморочных квартир. В 1899 г. зарегистрированы 15 063 коечно-каморочные квартиры, населенные 176 тыс. человек. В 1912 г. было установлено 24 500 коечно-каморочных квартир, населенных 327 тыс. человек. Кроме них, 27 176 квартир с 394 тыс. жителей были крайне перенаселены. В подвалах было зарегистрировано 125 тыс. жителей.

Таким образом, за 13 лет, прошедших между обследованиями, число коечно-каморочных квартир и особенно количество жителей в них значительно увеличилось, при этом число последних возросло почти в два раза (на 85,5%). В 1899 г. в коечно-каморочных квартирах жило около 15% всего населения Москвы, а в 1912 г.— 20%; число жителей на одну такую квартиру увеличилось с 11,7 до 13,4 человек. Эти цифры свидетельствуют о быстром росте жилищной нужды трудящегося населения дореволюционной Москвы.

Вот как описывает московские трущобы И. Вернер — один из руководителей переписи коечно-каморочных жилищ в 1899 г.

¹ См. сборник «Как мы жили при царе и как живем теперь», Изд. «Московский рабочий», 1937, стр. 10—11.

² И. И. Янжул, Воспоминания фабричного инспектора, М., 1906.

«Дворы при домах обыкновенно очень грязны и мощеные составляют весьма редкое исключение. Помойные ямы и мусорные ящики очищаются редко... исследователи отметили много случаев, где ямы были совершенно переполнены, издавали зловоние, и по всему двору были следы помоев и экскрементов. Ни дворы, ни лестницы не освещаются и зимними вечерами пройти по двору, или спуститься в подвальное жилье можно, лишь рискуя упасть»¹.

Что же представляли собой коечно-каморочные квартиры в этих трущобах?

По материалам обследования 1899 г. известно, что из 15 063 квартир однокомнатные составляли 83,7%, подвальные и полуподвальные — 24%, холодные — 32,8%; подавляющее большинство квартир были сырыми, в них жило 89,9% обследованного населения.

Квартиры, в которых на одного человека приходилось менее 9,7 куб. м, составляли 30,8%; от 9,7 до 13,6 куб. м — 39,4%. Иначе говоря в 70,2% обследованных квартир население жило в условиях, не соответствующих санитарной норме, установленной законом (14,5 куб. м).

Во многих подвальных коечно-каморочных квартирах в среднем на одну комнату приходилось 10—12 человек, а на одного жильца — по 1,0—1,5—2,0 кв. м жилой площади, т. е. зачастую меньше, чем требуется для койки.

Описание отдельных коечно-каморочных квартир, данное исследователями, служит яркой иллюстрацией к приведенному цифровому материалу.

Вот несколько таких описаний.

«Духота невыносимая от скученности населения (15 чел.). Квартира сырая и невероятно грязная. В 2-х каморках полный мрак. Потолок до того низок, что нельзя выпрямиться высокому человеку. Специфический запах» (3-я Тверская, № 7)».

«В каморке, где всего 3 койки, помещается 13 человек. Из пола и сквозь тонкую перегородку из погреба сильно дует. Грязь, вонь и теснота не поддаются описанию» (2-я Пятницкая, № 634)».

«Из печей разных квартир ведет одна труба, и потому при топке вся комната до того переполняется дымом, что ничего не видно. С полу дует. Квартира была каретным сараем и под полом нет наката» (2-я Пятницкая, № 225)».

«Квартира представляет ужасный вид: штукатурка обвалилась, в стенах отверстия, заткнутые тряпками. Грязно. Печка развалилась. Легионы тараканов и клопов. Нет вторых рам, а потому сильный холод. Отхожее место развалилось настолько, что в него опасно ходить и детей не пускают. Таковы все квартиры в доме» (2-я Серпуховская, № 3)²».

Кто же жил в этих логовищах, цинично именуемых буржуазией квартирами?

Среди жильцов коечно-каморочных квартир фабрично-заводские рабочие составляли 41,5%, ремесленники — 40,0%, прочая городская беднота — 18,5%.

Люди, не имевшие постоянного заработка — поденщики, низкооплачиваемые фабрично-заводские рабочие — не имели возможности снимать отдельную койку в коечно-каморочных квартирах. Плата за отдельную койку была для них недоступна. Они снимали одну кой-

¹ «Известия Московской городской думы» № 10, октябрь, 1902, стр. 5—6 ст. И. Вернера, Жилища беднейшего населения Москвы.

² «Известия Московской городской думы» № 10, октябрь, 1902, стр. 9, ст. И. Вернера «Жилища беднейшего населения Москвы».

ку на двоих-троих, пользовались ею по очереди, не давая остыть от испарений и влаги.

Известная часть пролетариата была лишена и этой возможности: снималось лишь место для сна. Занимали это место по усмотрению квартирохозяина — сегодня на печке, завтра на свободной одиночной койке, потом на полу, в проходе или на освободившейся половине двойной койки. Эти люди обыкновенно не имели ни постельных принадлежностей, ни лишней перемены белья и платья и спали на указанных им местах, не раздеваясь.

Значительная часть нищего населения наполняла ночлежные дома, ютилась в трущобах Хитрова рынка. Такое жилище описал великий пролетарский писатель А. М. Горький в своем бессмертном произведении «На дне».

И. Вернер, обследовавший жилища рабочих, писал: «В Москве, как и вообще во всех больших городах, существует довольно значительная группа лиц, опустившихся не только до крайней степени нищеты, но даже до потери человеческого достоинства. Это, так называемые, золоторотцы. Пьянство, болезни, хронические голодовки, влияние резких перемен температуры на их едва покрытое тело — все эти неприглядные, тяжелые условия сделали их физически и нравственно неспособными к регулярному труду, вследствие чего они не имеют ни определенных средств к существованию, ни имущества, ни даже постоянного жилища. Эти парии нашего общества обыкновенно проводят дни на улицах, а ночи — в ночлежных домах, которые они обязаны покидать с наступлением утра»¹.

Такие люди и были постоянными обитателями ночлежных домов типа Хитрова рынка. По обследованию 1910 г. в ночлежке Хитрова рынка обитало 6171 человек, в 2—2,5 раза больше, чем следовало по «законным» нормам.

108 городов России имели ночлежки: Петроград — 13, Москва — 6, Саратов — 5, Тула и Ростов на Дону — по 3, девять городов — по две и 94 города — по одной².

В Петрограде, где аристократия и буржуазия жила в роскошных дворцах и особняках, а состоятельные слои населения — в прекрасных квартирах, пролетариат ютился в отвратительных трущобах. Рабочие-водники, как это вынуждена была признать городская санитарная комиссия, жили зимой в ассенизационных баржах, в которых перевозили нечистоты в море.

Данные бюджетного обследования 1908 г. характеризуют жилищные условия рабочих Петербурга, получавших от 200 до 400 руб. в год (т. е. подавляющего большинства рабочих)³.

Нанимали для жилья	Одинокие рабочие (в %)	Семейные рабочие (в %)
Полкойки	4,9	—
Койку	20,4	7,1
Угол	43,7	35,7
Полкомнаты	11,7	7,3
Комнату	15,5	21,4
Квартиру с жильцами	—	21,4
Квартиру без жильцов	—	7,1
Не представили ответа	3,8	—

¹ И. Вернер, Жилища беднейшего населения Москвы, «Известия Московской городской думы» № 10, 1902.

² «Календарь-справочник городского жителя на 1916 г.», стр. 202.

³ «Ленинград и Ленинградская область за 20 лет советской власти», Лениноблиздат, 1937.

Иначе говоря, жилище $\frac{4}{5}$ одиноких рабочих и $\frac{1}{2}$ всех семейных рабочих состояло из койки или угла.

По официальным, далеко неполным данным, в Петербурге в 1912 г. насчитывалось 150 тыс. угловых и коечных жильцов, 63 тыс. человек жило в подвалах (в 1890 г.— 49,6 тыс. человек).

В буржуазно-аристократических районах Петербурга в среднем на одного человека приходилось 11 кв. м жилой площади, а в рабочих районах средняя обеспеченность жилищем составляла 1,5—2,0 кв. м площади.

Тяжелые жилищные условия являлись одной из основных причин огромной смертности рабочего населения. В буржуазных кварталах Петербурга в 1912 г. на 1 000 человек населения умирало 7,8 человека, а в рабочих кварталах окраин на 1 000 человек населения умирало 31,3 человека, т. е. в четыре раза больше.

Не лучшими были жилищные условия рабочих других крупных промышленных городов дореволюционной России. В Иваново-Вознесенске значительная часть рабочих жила в фабричных казармах Куваевых, Горелиных и других фабрикантов. От прохоровских эти казармы отличались еще большей перенаселенностью, скученностью. Многие рабочие жили в лачугах слобод и посадов, которыми был богат Иваново-Вознесенск.

В Твери — те же лачуги, те же казармы Морозовых, Бергов и прочих фабрикантов.

О жизни в «каморочной» казарме при текстильной фабрике Морозовых в Твери рассказывает рабочий — текстильщик А. П. Булыгин.

«Начал жить я в семидесятой казарме с самого начала, как только она была построена. И можете себе представить, нас помещалось в одной комнате № 6, в нижнем этаже 11 человек. Среди нас было 9 чел. взрослых рабочих (мужчин и женщин) и два малыша. Так что мы не жили, а вернее существовали. Иначе и нельзя назвать нашу жизнь в морозовские времена»¹.

Рабочие фабричных местечек Центрально-промышленного района (Московская, Владимирская и другие губернии), в частности рабочие-текстильщики, зачастую жили в ближайших к фабрике деревнях, устраивали «балаганы» — некое подобие жилища, которые «можно было сравнить лишь с помещениями для домашнего скота».

Исключительно тяжелыми были до Октябрьской революции жилищные условия рабочих Донецкого бассейна.

Если лачуги, фабричные казармы и спальни напоминали хотя и очень отдаленно жилища, то подавляющая часть «жилищ» рабочих Донецкого бассейна ничего общего не имела с обычным представлением о человеческом жилище, пусть самом примитивном.

По официальным данным до 40% рабочих Донбасса жили до Великой Октябрьской социалистической революции в землянках. В действительности же в землянках жило больше половины пролетариев Донбасса.

Многие шахтные поселки, такие как Горловка, насчитывающие 3—5 тыс. населения, имели единственный в поселке двухэтажный дом — хозяйский и директорский особняк, да несколько так называемых «технических квартир». Все остальное — тысячи землянок и балаганов, беспорядочно разбросанных вокруг терриконов, на бывших свалках и т. п. Русские и иностранные капиталисты всемерно поощряли строительство землянок: не затрачивая на землянки никако-

¹ Из письма А. П. Булыгина в газету «Пролетарская правда», см. материалы к отчету горсовета г. Калинин, 1934, стр. 23.

го капитала (их строили рабочие силами своих семей), предприниматели считали их «бесплатными» квартирами и устанавливали значительно уменьшенную заработную плату. Капиталисты жестоко эксплуатировали горняков и на этом.

Под влиянием все усиливавшейся борьбы рабочего класса царское правительство в 1894 г. разрешило екатеринославскому земству¹ издать «обязательное постановление о запрещении постройки землянок и о сносе существующих в течение двух лет». Это постановление было рассчитано на обман рабочих. Оно оказалось не обязательным для владельцев шахт и заводов Донбасса. В последующие годы землянки не только не исчезли, а, наоборот, росли, как грибы. Жилищные же условия пролетариев Донбасса продолжали все более и более ухудшаться.

В конце 1910 и в начале 1911 г. санитарными врачами были обследованы 1638 квартир рабочих Общества южно-русской каменноугольной промышленности (Корсунские копи, Горловка). Вот описание рабочих поселков и жилищ.

«Не привлекательную картину представляют собою поселки и колонии рабочих Донецкого бассейна. Рабочая колония—это ряды низеньких маленьких домиков, сделанных из обаяпол, с маленькими окнами, нередко покосившихся, вросших в землю, отстоящих друг от друга на расстоянии 2—4 сажень,—это так называемые каютки. Встречаются и каменные и кирпичные дома—это казармы для холостых или 6—8-квартирные семейные дома. Подле домиков кое-как сбитые надворные постройки самых причудливых форм. Дома и надворные постройки в большинстве колоний совсем не обнесены забором. На улице мусор, кухонные отбросы, вылитые помои (помойных ям почти нигде нет) и целая шеренга клозетов и мусорных ящиков, сбитых обычно из трех досок, открытых, без дна, переполненных мусором, вокруг клозетов человеческие экскременты. Тут же на улице вы видите целый ряд летних кухонь, ничем не прикрытых. Таков приблизительно общий вид рабочих колоний. В некоторых местах краски гуще, ярче выступают, в других слабее»².

Из 1638 обследованных квартир землянки или полужемлянки-каютки, «запрещенные» еще в 1894 г., составляли 49,4%, сарайчики и летние кухни—2,5%, избы—25,8%, каменные и кирпичные здания (казармы)—22,3%.

Почти три четверти (71%) обследованных квартир имели земляные полы.

Больше трети (37,4%) квартир были без потолков, а 19,6%—с земляными крышами.

Темные и полутемные квартиры составляли почти 92,9%, «солнце, главный дезинфектор, не могло заглянуть в эти лачуги»³.

Подавляющее большинство квартир было без вентиляции, сырые. «Это действительно не квартиры, а «каютки», «катафалки», как называли их рабочие на одном руднике. «Шахтерская хата не любит пустоты»,—говорят рабочие. И действительно, если взять семью в 4—5 человек, то в такой каютке уже не будет «пустоты», она будет переполнена. А ведь в ней нередко помещаются 10—12, 15 и даже 17 человек. Тесно как в гробу»⁴.

¹ До революции по административно-территориальному делению район Донецкого бассейна почти полностью входил в Екатеринославскую губ.

² И. И. Лященко, К вопросу о жилищных условиях рабочих на горнопромышленных предприятиях Донецкого бассейна, журн. «Общественный врач» № 9 за 1911 г., стр. 86.

³ Там же, стр. 88.

⁴ Там же, стр. 88.

Наибольшее количество населения полуземлянок-каюток имело 4—5 куб. м воздуха, а сарайчиков и кухонь—2—3 куб. м. «Можете представить, сколько придется площади пола на самого человека, если принять во внимание, что одна комната служит столовой, спальней и кухней, что в ней помещаются стол, скамья, плита, нара, кухонная утварь и пр.»¹,— заключает обследователь.

На 9 658 человек, живших в обследованных квартирах, имелось всего лишь 3 253 спальных места, из них 922 нары. На одно спальное место приходилось в среднем 2 взрослых человека и один ребенок. Лишь 2 031 спальное место (или 20,9% жильцов) имели тюфяки (на 9 658 человек!). Остальные почти $\frac{4}{5}$ обитателей обследованных жилищ спали в одежде, в большинстве без подушек; подушки имели лишь 54,3% жильцов.

Сухие цифры жилищных карточек, за которыми выступает жуткая картина прежней горняцкой жизни, обследователи сопровождали такими замечаниями и пояснениями:

«...Семь человек спят на двух нарах»;

«...На одной наре спят 3 рабочих по 2 человека, один по очереди»;

«...дети спят на полу»;

«...семь рабочих спят на полу, на том, в чем ходят»;

«...нар нет, валяются просто на полу»;

«...две нары составляют всю мебель квартиры двух семейств»².

Это— в шахтной колонии, которая вообще считалась наиболее благоустроенной. В этой, с позволения сказать, «благоустроенной» колонии умирало больше 50% детей. Цифра, полученная в результате опроса матерей (сколько у них было детей и сколько умерло), конечно, не вошла ни в один сборник официальной царской статистики. Она могла конкурировать со смертностью детей в худших трущобах г. Бомбея, занимающего по детской смертности одно из первых мест в мире.

Жилищные условия пролетариев Корсунских копей, Горловских шахт были типичными для всего Донецкого бассейна.

«Рабочие всего Донецкого бассейна находятся приблизительно в таких же условиях жилищных, как и рабочие О-ва Южно-Русской каменно-угольной промышленности. Такое впечатление мною вынесено из собственных наблюдений и из знакомства с работами санитарных и эпидемических врачей по обследованию жилищ рабочих»³,— справедливо заявил И. И. Лященко в своем докладе областному съезду по борьбе с холерой в г. Екатеринославе.

Во многих шахтных колониях жилищные условия были еще хуже описанных выше. Так, в протоколе санитарного осмотра, произведенного на руднике Карпеса (Бахмутский уезд) комиссией в составе исправника, окружного инженера, врача, которых вряд ли можно заподозрить в пристрастии и в сгущении красок, читаем:

«Землянки, в которых помещаются семейные рабочие, комиссия не нашла возможным описать, так как они представляют, по мнению комиссии, помещения, негодные даже для жизни домашних животных: там темно, сыро, грязно, воздуха нет, крыши не только протекают, а местами заваливаются»⁴.

¹ И. И. Лященко, К вопросу о жилищах рабочих на горнопромышленных предприятиях Донецкого бассейна, журн. «Общественный врач» № 9, за 1911 г., стр. 90.

² Там же, стр. 91.

³ Там же, стр. 91—92.

⁴ «Врачебно-санитарная хроника Екатеринославской губ.», 1909, № 5.

Но и этих «жилищ» зачастую не доставало, особенно в периоды наплыва пришлых рабочих. Рабочие размещались в соседних деревнях, в жилищах, которые мало чем отличались от землянок.

«...Несколько слов о жилищах рабочих в деревне. ...Как на пример, могу сослаться на село Григорьевку. Это уголок беспощадной эксплуатации, жилищной нужды горнорабочего, там нет такого двора крестьянского, где не сдавались бы «квартиры» для рабочих, а какое их санитарное состояние, можно себе представить по способу устройства «квартир». Был во дворе крестьянский хлев или курятник, является нужда в жилище, пробивается в курятнике окно, ставится небольшая плита и... «квартира готова сразу для нескольких жильцов»¹.

Такими были вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции жилищные условия сотен тысяч трудящихся Донбасса и Урала. Труженики подземелья, работая по 10—12 часов и более в шахте, не видали дневного света и на поверхности, где они попадали в землянки-«каютки», сарайчики и т. д. Горняки нещадно эксплуатировались не только в шахтах, в рудниках, но и дополнительно на жилищной нужде. Их эксплуатировали и предприниматели, и землевладельцы, и домовладельцы, и кулаки — поставщики землянок и «жилищ-курятников».

Не менее тяжелыми были и жилищные условия рабочих нефтепромышленности — пролетариев Баку.

Капиталистическое хищническое освоение нефтяных богатств Бакинского района сопровождалось, как и в Донбассе, жестокой эксплуатацией пролетариев. Нужда десятков тысяч нефтепромышленных рабочих росла так же быстро, как росли богатства капиталистов-нефтепромышленников, всех этих Побелей, Манташовых, Гукасовых и т. д.

В марте — мае 1911 г. профессиональным обществом рабочих механического производства г. Баку и его районов было произведено обследование жилищ бакинских нефтепромышленных рабочих.

Показательна история этого, последнего перед революцией, обследования.

Бакинские нефтепромышленники настойчиво утверждали, что жилищные условия рабочих улучшаются. Однако совет съезда нефтепромышленников, имевший огромные средства, хороший статистический аппарат, развитую санитарную организацию, систематически и преднамеренно уклонялся от производства обследования жилищ рабочих, не давал на это разрешения своей санитарной организации, а имевшиеся материалы о состоянии жилищной нужды запрещал публиковать. Все это вполне понятно: обследование, каким бы ни было оно пристрастным, не могло подтвердить утверждений капиталистов, ибо жилищные условия бакинских пролетариев, в действительности ухудшаясь из года в год, становились невыносимыми. Обследование профессионального союза, вопреки утверждениям предпринимателей, подтвердило это.

Приведем общие данные о числе обследованных квартир².

¹ Труды X губернского съезда врачей и представителей земских учреждений Екатеринославской губ. В. П. Фиалковский «Жилищные условия чернорабочих Донецкого бассейна».

² Эти и последующие данные разработаны на основе материалов упомянутого обследования 1911 г., см. д-р Л. Б. Фейнберг «Жилища бакинских нефтепромышленных рабочих», Баку, 1913.

Жилые помещения	Обследовано:		В % к числу всех рабочих в таких помещениях	Среднее число на одно помещение
	Число помещений	В них населения (чел.)		
Фирменные квартиры				
А. Казармы	703	8 409	41,4	12,0
Б. Семейные	223	959	11,4	4,3
Частные жилища				
Артельные квартиры	197	1 352	28,4	6,9
Семейные	573	4 972	14,7	8,7

Казарменные помещения, предоставляемые рабочим предпринимателями, могут быть охарактеризованы следующими данными:

66,3% всех обитателей казарм жили в условиях, «неудовлетворяющих по объему воздуха на человека самым минимальным гигиеническим требованиям»;

75,0% казарменных помещений совершенно не были изолированы от почвенных вод и газов;

69,7% казарм были сырыми, при этом подвалы — почти сплошь сырыми (96,2%), а первые этажи — на 75,6%;

50,4% казарм помещались в непрочных или даже прямо ветхих строениях.

Вот описание некоторых казарм¹:

Сабунчинские казармы Московско-кавказского т-ва «...стоят в болоте; сырость в них страшная; дождь льет с потолка; стены ветхие, печи развалены и дымят, зимой страшно продувает».

«У Каспийско-Черноморского общества казармы в Сабунчах у нефтепровода представляют картину запустения: лестницы разрушены, полы в ямах, полуразрушены, вентиляция не работает, грязь в кухне, в столовой, в спальнях чрезвычайная».

«У Монташева в Ромнах скученность страшная, на человека приходится по $\frac{1}{2}$ — $\frac{3}{4}$ куб. саж. воздуха».

Семейные квартиры, предоставляемые рабочим предпринимателями, по своему низкому стандарту мало отличались от казарм. Обычно они были расположены на самих промыслах, особенно на мелких.

«Кругом лес вышек; они толпятся около самого жилья, вплотную подходят к нему и при тартании обдают нефтью все жилье, покрывают окна, двери; брызги нефти проникают и в квартиры. Воздух сотрясается от свиста пара, шума моторов и форсунок; неизменно прилепившаяся тут же кочегарка обдает своим жарким дыханием; воздух насыщен копотью и брызгами нефти, переработанным паром или газом... И в этом-то аду живут люди!»². Таковы впечатления обследователя фирменных семейных квартир одного из районов.

Частные артельные квартиры, занимаемые одинокими рабочими, были в подавляющем большинстве (97,5%) однокомнатные, лишенные каких бы то ни было санитарных и гигиенических удобств, со

¹ По материалам д-ра Фейнберга «Жилища бакинских нефтепромышленных рабочих», Баку, 1913 г., стр. 23.

² Там же, стр. 37.

средним объемом в 6,0 куб. саж. и среднюю площадью пола в 37,8 кв. арш. На этом пространстве ютилось в среднем 6,7 взрослых, так что на каждого жильца приходилось в среднем 0,87 куб. саж. воздуха и 5,54 кв. арш. площади пола. Более $\frac{1}{4}$ (28,6%) артельных жильцов ютилось в подвальных помещениях. Почти половина (44,6%) артельных квартир не освещалась и не согревалась ни единым солнечным лучом... «Это — сплошь ветхие лачуги с погнувшимися стенами, насквозь сырые и холодные. Квартиры эти — настоящие трущобы, в которых задыхаются и гниют люди... Грязь в артельных квартирах доходит до баснословных размеров...»¹.

Частные квартиры, занимаемые семейными рабочими, мало чем отличались от квартир артельных.

В особенно тяжелых условиях жили рабочие угнетенных народностей: азербайджанцы, персы, армяне и т. д. При всем этом в Баку плата за рабочие жилища была особенно высокой.

Крайне тяжелыми были жилищные условия рабочих золотопромышленности — на приисках Сибири, Якутии, Дальнего Востока.

Царский сенатор С. С. Манухин в отчете о развитии приисков Ленского золотопромышленного товарищества, произведенной им в 1912 г., писал:

«Из 103 казарм, обслуживающих состав рабочих, занятых на приисках второй дистанции, в удовлетворительном состоянии находится лишь 15, остальные 88 совершенно непригодны для жилья в зимнее время. Стены светятся насквозь, стекла в рамах полопались, а с потолков сыплется земля, и в защиту от нее из кусков миткаля и ситца устроены находчивостью рабочих висячие вторые потолки.

Зимой в казармах так холодно, что мокрые сапоги примерзают к полу. Рабочие вынуждены спать в шапках в виду того, что изголовья нар приходится у промерзающих стен...

...Существующие казармы в большинстве в таком состоянии, что угрожают не только здоровью, но и жизни рабочих».

Таковыми были жилищные условия рабочего класса помещичье-буржуазной России. А домовладельцы получали ежегодно сотни миллионов рублей дополнительного барыша.

Различными обследованиями было установлено, что квартирная плата за жилища, занимаемые рабочими, была относительно больше в 6—10 раз, чем квартирная плата за жилища, занимаемые буржуазией и состоятельными слоями населения, несмотря на то, что рабочие квартиры не могли идти ни в какое сравнение с благоустроенными квартирами буржуазии.

Квартирная плата составляла в бюджете рабочего 20—30%. От $\frac{1}{5}$ до $\frac{1}{3}$ своего заработка должен был рабочий возвращать капиталистам в виде квартирной платы, сокращая все другие расходы семьи, в том числе и расходы на питание.

В годы империалистической войны жилищная нужда возросла еще более. Усилившийся спрос на жилища в крупных городах в связи с ростом населения (в частности, за счет эвакуированных из прифронтовой полосы) вызвал новое значительное повышение квартирной платы. При общем росте дороговизны это еще более снизило жизненный уровень рабочего класса России.

Под давлением рабочего класса царское правительство приняло решение о запрещении повышать квартирную плату в крупных городах (в Москве с 25 августа 1915 г.). Однако это мероприятие само-

¹ По материалам д-ра Фейнберга, «Жилища бакинских нефтепромышленных рабочих, Баку, 1913 г., стр. 44.

державия представляло собой маневр, рассчитанный на обман рабочего класса. Домовладельцы безнаказанно продолжали взвинчивать квартирную плату.

Так было до Великой Октябрьской социалистической революции. Партия большевиков всегда выставляла одним из основных экономических требований — улучшение жилищных условий рабочих и снижение квартирной платы. Сочетая экономическую борьбу с политическими задачами рабочего класса, партия большевиков указывала рабочим, что жилищный вопрос может быть разрешен только через насильственное свержение господства буржуазии и помещиков и установление диктатуры пролетариата. Партия большевиков последовательно разоблачала оппортунистическую сущность различных «теорий» о разрешении жилищного вопроса на базе «социального социализма» — учения «мещанского реформаторства» (Ленин).

Великая Октябрьская социалистическая революция произвела коренное изменение в жилищных условиях рабочих. Советская власть ликвидировала частную собственность на землю, экспроприировала капиталистических домовладельцев и приступила к осуществлению широкой программы улучшения жилищных условий трудящихся, следуя указаниям Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина.

(Продолжение следует)

П. ФИГУРНОВ

Положение рабочего класса в фашистской Германии¹

В условиях капитализма относительное и абсолютное обнищание рабочего класса, ведущее к подрыву всех его жизненных основ, не является случайностью. Оно обуславливается самой сущностью капиталистического способа производства. С развитием капитализма положение рабочего класса продолжает непрерывно ухудшаться. В эпоху империализма, в особенности в период общего кризиса капиталистической системы, относительное и абсолютное обнищание рабочих принимает наиболее глубокий и острый характер.

В нашу задачу не входит выяснение положения рабочего класса капиталистических стран всего мира в эпоху общего кризиса капиталистической системы или в период мирового экономического кризиса. Мы поставили перед собой более узкую задачу: выявить во всей полноте абсолютное обнищание рабочего класса Германии в период господства фашизма.

Фашизм — это открытая террористическая диктатура наиболее реакционных, наиболее шовинистических, наиболее империалистических элементов финансового капитала. Фашизм стремится к самой безудержной эксплуатации трудящихся масс, в первую очередь рабочего класса. Абсолютное обнищание рабочего класса Германии за время господства гитлеровского фашистского режима достигло небывалой и исключительной глубины. Фашизм низвел жизненный уровень рабочего до уровня колониального кули.

Лживый характер антикапиталистической демагогии фашизма разоблачен сейчас в полной мере. Фашизм уничтожил все завоевания рабочего класса, достигнутые в результате многолетней классовой борьбы, в частности ликвидирован восьмичасовой рабочий день. Фашизм обещал рабочим «справедливую заработную плату», но сделал все для ее снижения. Несмотря на рост продолжительности рабочего дня и интенсивности труда, заработная плата рабочего за время господства фашизма доведена до голодного минимума. Еще в большей мере понизилась реальная заработная плата, что находит свое выражение в нищенском уровне жизни пролетариата.

Фашизм демагогически обещал ликвидировать безработицу, между тем после 5-летнего его господства безработица продолжает носить массовый и хронический характер. К началу 1938 г. в Германии было 3½ млн. безработных.

Фашизм ввел рабский, принудительный труд, загнав громадное количество рабочей молодежи в лагеря трудовой повинности. Распущены все рабочие организации, на предприятиях восстановлена неогра-

---

¹ Сокращенная статья из антифашистского экономического сборника, подготовляемого Институтом Экономики Академии Наук СССР.

ническая власть предпринимателя, уничтожена свобода стачки, собраний, слова, печати. В значительной степени уничтожено социальное страхование, являвшееся результатом многолетней борьбы рабочего класса Германии.

Бешено готовясь к войне, фашистское правительство увеличило налоги, которые ложатся всей своей тяжестью на плечи рабочего класса. Многочисленные вычеты, достигающие 20—25% заработной платы, являются не чем иным как контрибуцией, наложенной на рабочий класс в пользу финансовой олигархии.

В отношении развития культуры, образования, искусства рабочий класс, как весь народ Германии, отброшен фашизмом на многие десятилетия назад.

Углубление абсолютного обнищания рабочего класса Германии находит свое выражение, в частности, в увеличении рабочего дня. Действующим теперь в Германии фабричным законом формально установлена средняя продолжительность рабочей недели в 48 часов. В действительности же рабочее время значительно выше.

Маркс в первом томе «Капитала» дает яркую характеристику капиталистических махинаций, при помощи которых удлиняется рабочий день. Например, утром гудок дается на 15—20 минут раньше, а вечером — на 15—20 минут позже, сокращается время на завтрак, на обед и т. д.

В условиях фашистской диктатуры капиталисты увеличивают на производстве нормальный рабочий день и получают экстраординарные прибыли, не прибегая к столь примитивным методам, как это делала буржуазия во второй половине XIX в.

Фашистский режим позволяет капиталистам открыто увеличивать рабочий день. На ряде предприятий капиталисты получили разрешение от фашистских властей увеличить рабочий день до 10, 12 и 14 часов под предлогом нехватки квалифицированной рабочей силы, особой срочности заказов, экспортного назначения выполняемых заказов и т. п. Это открытое увеличение рабочего дня германского рабочего находит подтверждение в официальных отчетах органов промышленной инспекции. Даже фашистская инспекция не в состоянии пройти мимо многочисленных случаев удлинения рабочего дня.

Газета «Deutsche Volkszeitung» 1/VIII 1937 г. пишет: «На заводах, работающих для военных целей, от рабочих требуют, чтобы они работали 12 и более часов».

«На многих предприятиях,— пишет «Frankfurter Zeitung» 5/II 1937 г.,— 48-часовая рабочая неделя «самовольно» изменена: так, например, за половину рабочего дня считается время с 7 часов до 12 часов утра».

«При Гитлере,— пишет «Neue Vorwärts» № 22, VIII/1937 г.,— германские рабочие потеряли свой 8-часовой рабочий день. В строительной промышленности 10-часовой рабочий день является уже нормой. В тяжелой промышленности, в химической, резиновой и бумажной отраслях промышленности рабочий день также продлен до 10 часов. И это при все продолжающемся ухудшении питания. Неудивительно, что смертность в городах Германии возросла с 63,8 на каждую 1 000 жителей в первой половине 1932 г. до 73 в первой половине 1937 г.»

Получая нищенскую зарплату и желая приработать еще несколько пфеннигов, рабочие и работницы зачастую вынуждены «добровольно» приходить на работу раньше, уходить позднее и сокращать минуты завтрака и обеда. Фашизм довел рабочий класс до такого положения, что рабочие «сами» принуждены увеличивать рабочий день за счет своего отдыха, чтобы несколько повысить свой заработок и обеспечить хотя бы полуголодное существование.

Усиление абсолютного обнищания рабочего класса Германии за время существования фашистского режима находит свое отражение также в чрезмерной интенсивности труда. Так называемая кризисная рационализация проводилась и проводится германским финансовым капиталом в широких масштабах. Суть этой «рационализации» заключается главным образом в увеличении выработки продукции за счет дополнительного нажима на мозг, мускулы, нервы рабочих.

Если принять 1928 год за 100, то часовая выработка рабочего в промышленности Германии, по официальным данным¹, составит: в 1929 г.— 106—107%, в 1932 г.— 123—126%, в 1933 г.— 123—129% и в 1935 г.— 125—131%.

В действительности выработка намного выше, что подтверждается тем фактом, что индекс физического объема промышленной продукции растет за годы фашизма гораздо быстрее, чем количество занятых рабочих. При увеличении количества занятых рабочих к концу 1937 г. на 46% по сравнению с 1932 г. индекс физического объема промышленной продукции возрос на 119%. Это обстоятельство не есть результат введения крупных технических усовершенствований и массового обновления основного капитала, а вытекает из роста интенсивности труда, что подтверждает даже фашистская пресса.

«Рост выработки,— говорится в «Wochenbericht» — никак нельзя отнести за счет роста новой техники, так как инвестиции в эти годы были крайне мизерные»². «Berliner Börsen Zeitung» 1/VII 1937 г. пишет: «Число рабочих и служащих в настоящее время находится почти на уровне 1929 г., в то время как объем продукции значительно выше 1929 г. Можно сказать, что увеличение продукции произошло исключительно за счет роста выработки рабочих». Нужно полагать, что орган финансового капитала достаточно хорошо осведомлен о процессах, совершаемых в промышленности.

Предприниматели не склонны вкладывать крупные средства в промышленность. Куда заманчивее и выгоднее получать сверхприбыли за счет усиленной эксплуатации рабочего класса. Тем более что бесправное положение рабочего, его неуверенность в завтрашнем дне при массовой и хронической безработице, боязнь очутиться в страшной яме безработицы помогают финансовому капиталу нажимать пресс эксплуатации для выдавливания всех жизненных сил из рабочего класса.

Фашизм, широко проводя кризисную рационализацию, всеми мерами старается убедить рабочих в полезности подобной «рационализации». В демагогии, как известно, у фашистов недостатка нет. Здесь фигурирует и «счастье великой Германии», которое, якобы, зависит от «рационализации», здесь и «шире дорогу прилежному», и «счастье каждого зависит от него самого». Вся эта «психическая» атака на рабочих, конечно, подкрепляется мерами экономического, политического и полицейского воздействия.

Исключительный рост интенсификации труда за период фашистского произвола явился для финансового капитала весьма существенным дополнительным источником роста неоплаченного труда.

По данным «Wochenbericht»³, количество проработанных часов увеличилось с 1932 по 1936 г. на 14 млрд. В 1937 г., если принять во внимание рост промышленной продукции, количество проработанных часов возросло примерно еще на 4,6 млрд. Следовательно, количество проработанных часов с 1932 по 1937 г. возросло на 18,6 млрд.

¹ «Vierteljahrshefte zur Konjunkturforschung» № 2, 1936.

² «Wochenbericht». VII. 1933.

³ «Wochenbericht». № 37. 16. IX. 1936.

В то же время фонды заработной платы, несмотря на чрезвычайную интенсификацию труда, не только не повысились с 1932 г., как мы увидим дальше, а наоборот, резко сократились. Именно это является одним из существенных источников сверхприбылей, получаемых финансовым капиталом, а также одним из источников финансирования бешеной подготовки фашистами войны.

Исключительная эксплуатация германского рабочего, колоссально возросшая интенсивность труда, рост продолжительности рабочего дня,— все это ведет к коренному подрыву жизненных основ пролетариата. Рабочая сила катастрофически изнашивается, теряя способность восстанавливаться, а это ведет к сокращению производственной жизни рабочего. К 40 годам он уже становится дряхлым стариком, от которого предприниматели стараются быстрее избавиться. «В Германии,— пишет «Berliner Tageblatt» 25.VIII. 1937,— люди к 40 годам обладают только половиной своей трудоспособности. За границей существует мнение, что именно из-за этого преждевременного выхода из строя немцы представляют собой больной народ».

Не случайно в Германии все время возрастает процент смертности. В 1932 г. на тысячу жителей Германии умирало 10,8 человек, а в 1935 г.— 11,8 человек. Процент смертности среди рабочего населения значительно выше (в 2—2½ раза). На тысячу членов больничных касс умирало ¹:

в 1932 г.	20,5
» 1933 »	23,2
» 1934 »	25,7
» 1935 »	27,0

Смертность среди рабочего населения непрерывно возрастает. Только от туберкулеза ежегодно умирает 23—25 тыс. человек.

Хищническая эксплуатация рабочей силы ведет к росту профессиональных заболеваний, увечий и т. п. По данным больничных касс, в 1934 г. число больных среди членов больничных касс возросло на 8,2% против 1933 г., в 1935 г.— на 15,6% против 1934 г. Нетрудоспособные и больные составили в 1932 г. 24%, а в 1936—41%. В 1936—1938 гг. смертность, увечия, профессиональные заболевания продолжают непрерывно возрастать.

Повышение заболеваемости и увеличение смертности объясняется главным образом ростом интенсивности труда.

Даже официальные фальсифицированные данные не могут скрыть резкого падения номинальной и реальной заработной платы в Германии. Так, по официальным данным, публикуемым Лигой наций, часовая заработная плата в Германии составляла: ²

Г о д ы	Квалиф. рабочие	Полуквал. рабочие	Неквалиф. рабочие	Все рабочие
1929	100	100	100	100
1932	81	84	81	82
1936	77	83	78	79

Таким образом, даже по данным Лиги наций, пользующейся только официальными источниками, заработная плата в Германии значитель-

¹ «Zentralorgan der Kassenärzte», № 10, 24. X. 1936.

² «Statistical Yearbook the League of Nations», Geneva, 1937, p. 69—70.

но снизилась. В строительной промышленности в 1936 г. заработная плата была ниже, чем в 1932 г. на 9,4%¹, а в 1937 г. — на 28—42%²; в текстильной промышленности в 1936 г. заработная плата ниже, чем в 1932 г. на 9,5%, в обувной — на 10,5%, в полиграфической — на 7,2%, в деревообделочной — на 5,8%, в черной металлургии — на 4,6%.

В действительности же снижение почасовой заработной платы было безусловно значительнее.

С 1932 по 1937 г. тарифные ставки строительных рабочих Рейнской области сократились на 28—42%. «Deutsche Volkszeitung» опубликовала недавно крайне важное письмо строительных рабочих Рейнской области: «Строительные рабочие Рейнской области прислали нам письмо о тарифных ставках для иллюстрации нюрнбергского надувательства.

Тарифные ставки за 1 час (в марках)

	1932 г.	1937 г.
Каменщики	1,22	0,85
Плотники	1,25	0,90
Опалубщики	1,22	0,85
Отделочники	1,30	0,50
Подручные	1,05	0,63
Подземные строители	1,00	0,63
Печники	1,75	1,00

Из этой таблицы ясно видно снижение ставок строительных рабочих различных профессий на 35—75 пфеннигов в час³.

Такая же картина наблюдается и в ряде других отраслей промышленности. Так, чехословацкая газета «Kote Fahne» сообщает, что заработная плата рабочих металлургических предприятий в Сааре снизилась на 18% и неквалифицированных рабочих — на 21%⁴.

В общем можно сказать, что почасовая заработная плата за время гитлеровского режима упала в среднем не ниже, чем на 10—15%. Зато росли различного рода вычеты из заработной платы, достигающие теперь огромных размеров. «Налоги, отчисления на пособия безработным, взносы по страхованию от безработицы и инвалидности, налог на заработную плату, гражданский налог, церковный налог — все это снижает валовой заработок почти на 20%»⁵. Между тем до прихода фашистов к власти различного рода вычеты не превышали 13—15%.

В приведенном выше письме строительных рабочих (в «Deutsche Volkszeitung») отмечается, что вычеты из заработной платы в 1937 г. составили 17—22%: «Строительный рабочий одного крупного строительного предприятия получал 28 марок в неделю. Вычеты составили (в марках):

Больничная касса	1,80
Обеспечение инвалидов	0,75
Налог на зарплату	1,26
Гражданский налог	1,25
Фонд помощи безработным	1,06
Всего	6,12

Фактически рабочий получил лишь 21,88 марки. Строительный рабочий другой строительной фирмы получал при 8-часовой сверхурочной работе заработную плату в размере 32,48 марки. Вычеты составили

¹ Ежегодник «Мировое хозяйство», 1936, стр. 28.

² «Мировое хозяйство и мировая политика» № 10—11, 1937.

³ «Deutsche Volkszeitung», 12. IX. 1937.

⁴ «Правда», 11/IV; 1938 г.

⁵ «Reichsarbeitsblatt», № 19, 1935.

ли 5,61 марки, и рабочий получил лишь 26,87 марки. Этот строительный рабочий женат. У него была ссуда в размере 6 марок, ему выплатили поэтому 20,87 марки. Кроме того следует учесть еще отчисление в пользу «рабочего фронта» и другие «добровольные платежи».

Все это свидетельствует о том, что гитлеровский режим все туже и туже затягивает петлю вокруг шеи германского рабочего.

В 1932 г. средняя недельная заработная плата одного рабочего составляла 31,12 марки. В 1937 г. средняя заработная плата уже составила 28 марок в неделю. Если сбросит еще 20% различного рода вычетов, то заработная плата будет равна 22,40 марки в неделю. Однако падение реальной заработной платы еще значительнее. Даже официальные данные германской статистики не могут скрыть систематического нарастания дороговизны, повышения стоимости жизни рабочего, а также роста индекса цен пищевых товаров.

«Wochenbericht» в № 1 (1938 г.) сообщает, что стоимость жизни с апреля 1933 г. по октябрь 1937 г. возросла на 7,7% при росте индекса пищевых товаров на 10,8%, одежды — на 20,5% и «прочих» товаров — на 0,9%.

Можно смело утверждать, что при данном соотношении групповых индексов суммарный индекс стоимости жизни рабочего повысился гораздо больше чем на 7,7%. Если даже допустить, что цена квартиры, отопления, освещения не изменилась, в чем можно сомневаться, то и в этом случае при увеличении индекса пищевых товаров на 10,8%, а одежды — на 20,5%, индекс стоимости жизни должен повыситься не менее чем на 10—12%. Эти наши расчеты подтверждает и орган Шахта «Der deutsche Volkswirt» (14.V. 1937). Он пишет: «Стоимость жизни с начала 1933 г. до весны 1937 г. повысилась, примерно, на 10%».

В действительности индекс стоимости жизни рабочего возрос намного больше. Фашистская статистика явно лжет, отмечая рост индекса стоимости пищевых товаров на 10,3% при повышении цен на предметы питания на 24,2%, о чем она сама же сообщает¹.

Фальшь официальных данных о росте цен на предметы питания разоблачается в частности тем, что рыночные цены гораздо выше официальных цен. Но рабочим приходится покупать ряд необходимых продуктов из-под полы по еще более высоким ценам. Поэтому официальные данные никак нельзя положить в основу исчисления индекса стоимости жизни.

Английский журнал «Экономист» 15.V.1937 г. приводит следующую таблицу повышения розничных цен в Германии с марта 1933 по март 1937 г.

картофель	+ 22%	яйца	+ 31%
бобовые	+ 31%	говядина	+ 18%
горох	+ 52%	свинина	+ 11%
масло	+ 35%	телятина	+ 40%
маргарин	+ 44%	баранина	+ 41%

Эти данные основательно расходятся с официальной фашистской статистикой.

О резком повышении стоимости жизни в Германии пишет другой английский журнал «Contemporary Review» (февраль 1937 г., стр. 173): «Покупательная способность рабочих катастрофически снизилась — на 30—40%. Большое количество предметов питания намного дороже, чем 3 года назад. Цены на рыбу, картофель, мясо повысились на 100%, на маргарин — на 350%».

¹ «Wochenbericht» № 1, 1938.

Строительные рабочие Рейнской области в своем письме в «Deutsche Volkszeitung» 12.IX.1937 писали, что от начала 1933 г. до мая 1937 г. цены на продукты резко возросли:

Картофель	+ 25%	Телятина	+ 100%
Мучные продукты	+ 26%	Яйца	+ 30%
Заграничное сало	+ 80%	Свиинна	+ 105%
Маргарин	+ 100%	Сливы	+ 100%
Говядина	+ 100%	Масло	+ 20%

В среднем цены выросли на 45%. Эти данные о росте цен на продукты питания в период господства фашизма бесспорно отражают истинное положение вещей. А если так, то рост индекса стоимости жизни рабочего равен не 10—12%, а 25—35%.

Каков же итог гитлеровского режима в отношении реальной заработной платы рабочего класса Германии?

Прежде всего нужно отметить, что номинальная заработная плата при чрезвычайном увеличении интенсивности труда сократилась на 10—15%. А если учесть рост вычетов с 13—15% до 20—25%, то номинальная заработная плата германского рабочего сократилась за период гитлеровского произвола не менее чем на 20—22%. Реальная же заработная плата уменьшилась еще значительно. При возрастании индекса стоимости жизни на 25—35%, а также сокращении номинальной заработной платы на 20—22%, реальная заработная плата снизилась не менее чем на 30—40%. Само собой разумеется, что здесь речь идет об уменьшении реальной заработной платы занятого в производстве рабочего. Реальная заработная плата всего германского рабочего класса уменьшилась еще значительно, так как необходимо принять во внимание громадную армию безработных, жизнь которых является сплошным кошмаром.

Чрезвычайно тяжело живет сельскохозйственным рабочим. Они массами бегут в города в поисках лучших условий работы.

Анализ реальной заработной платы был бы неполным, если бы мы не остановились на качественном ухудшении потребления рабочего класса. Фашистскую Германию называют сейчас страной суррогатов. И это абсолютно верно. Германские фашисты, бешено готовясь к войне, посадили трудящихся, в первую очередь рабочий класс, на голодный паек. Иностранцы рассказывают, что жизнь в Германии напоминает худшие голодные времена 1917—1918 гг. Фашисты открыто заявляют о необходимости резко ограничить потребление рабочего класса, о необходимости заменить полноценные продукты питания суррогатами. Все это, конечно, сопровождается усиленной демагогией. Фашисты пытаются убедить трудящихся, что ограниченное потребление и замена полноценных продуктов неполноценными ведет к оздоровлению нации, к спартанской закаленности, способствует созданию «великого духа» древних тевтонов. «До войны мы вводили в наш организм, — пишет фашистская газета «Völkischer Beobachter» 3.VII.1937, — слишком много питательных веществ. Это приводило к расточению ценных пищевых продуктов. Несомненно, было бы большим счастьем с точки зрения здоровья нашего народа, если бы мы отказались от этих старых привычек. Следует безусловно рекомендовать ограничение чрезмерного потребления яичного белка. Ни один специалист не станет отрицать, что чрезмерное потребление мяса может в конце концов привести к нарушению деятельности организма. В случае нужды человек может сохранить свое здоровье и работоспособность даже в условиях спартанской простоты и величайшей умеренности, а в некоторых случаях лишь такой образ жизни может вернуть ему здоровье и работоспособность».

Вся фашистская печать упорно внушает населению, что необходимо перейти от одной «системы питания», т. е. той, в основе которой лежит потребление добротных и полноценных продуктов, к другой «системе питания», в основе которой лежат суррогаты, что к этому переходу нужно готовить всех домашних хозяек.

Фашисты усиленно добиваются перевода трудящихся масс на новую «систему питания». Масло вытесняется пушками. Орудия войны «последовательно» вытесняют хлеб, маргарин, мясо, яйца и т. д. К муке примешивается в обязательном порядке 7% кукурузной муки, картофельная мука, а иногда и... опилки.

Фашисты настойчиво насаждают новую «систему питания» рабочего древесиной в различных видах. На рынке появился новый сорт маргарина, приготовленного из древесного масла. С древесиной конкурируют конские кости, из которых получают «питательные жиры». Кони рекламируются фашистами как «деликатес».

Снижение качества продуктов потребления, рост цен, уменьшение номинальной заработной платы — все это сокращает реальную заработную плату рабочего класса Германии, а вместе с этим неизмеримо ухудшает его положение.

Во всех капиталистических странах женщина-работница угнетена еще в большей мере, чем мужчина-рабочий. Она угнетается не только как работница, но и как женщина. Особенно тяжелы условия труда и быта женщины-работницы в фашистской Германии. С первых дней прихода к власти фашисты лишили женщин права на труд и стали вытеснять их из производства.

Превращение женщины в родильную машину, в домашнюю рабыню — такова установка фашистов, пропагандируемая гитлеровскими головорезами. Естественное призвание женщины сводится фашизмом к пресловутым четырем «к» — «Küche», «Kinder», «Kleider» und «Kirche».

Эта средневековая, реакционная идеология фашизма преследует также и демагогические цели. Фашисты хотят убедить трудящиеся массы, что причиной их бедствий, причиной массовой безработицы является не капитализм, а широкое участие женщины в производстве. Отсюда фашисты делают вывод, что вытеснение из производства женщин, и в первую очередь замужних, происходит в интересах самих рабочих.

В последнее время фашисты вынуждены постепенно отменять введенные ранее ограничения. Это объясняется рядом причин. Женский труд для капиталистов более выгоден, чем труд мужчины, так как оплачивается значительно дешевле. Женщины являются лучшим объектом для усиленной эксплуатации. Низко оплачиваемый женский труд конкурирует с трудом мужчины и способствует снижению общей заработной платы, сведению ее к голодному минимуму. Наконец, одной из серьезных причин отмены ограничений для женщин является то, что фашистская Германия бешено готовится к войне; когда мужчины будут мобилизованы в войска, женщины необходимы будут на производстве.

Журнал «Die deutsche Volkswirtschaft», X.1936 писал, что необходимо «существующую в Германии на случай войны трудовую женскую повинность распространить и на мирное время... так как в случае войны женщины составят большую часть рабочего резерва и они должны будут обеспечить пополнение рядов квалифицированных рабочих».

По данным больничных касс, абсолютное число женщин работниц и служащих, занятых в производстве, начиная с 1934 г., все время возрастает, хотя удельный вес их в общем количестве занятых рабо-

чих продолжает падать. Следующая табличка это прекрасно иллюстрирует.

Число занятых женщин работниц и служащих

Г о д ы	В тысячах	В % к общему числу рабочих и служащих
1929	6 145	34,4
1932	4 598	36,8
1933	4 588	35,2
1934	4 901	32,5
1935	5 079	31,8
1936	5 351	31,2
1937	5 210 (август)	—

Надо полагать, что с конца 1937 г., с уничтожением ограничений, удельный вес женщин-работниц в общем числе занятых рабочих и служащих будет возрастать. Тем не менее безработица среди женщин работниц и служащих не только не будет ликвидирована, но она все больше и больше будет возрастать. Причины, порождающие хроническую безработицу в эпоху общего кризиса капитализма, продолжают действовать с полной силой, и поэтому, несмотря на бешеную подготовку к войне, германскому фашизму не удастся ликвидировать массовую безработицу вообще и безработицу среди женщин в частности.

Количество безработных женщин работниц и служащих в фашистской Германии крайне трудно установить. Если допустить, что с 1929 г. общее количество женщин, как занятых в производстве, так и ищущих работы, не изменилось, то число безработных женщин работниц и служащих к концу 1937 г. будет равно 235 тыс. (6 124 тыс. занятых в 1929 г. минус 5 910 тыс. занятых к концу 1937 г.). Фактически же безработных женщин работниц и служащих значительно больше этого числа. Прежде всего многие не учитываются фашистской статистикой, например, замужние, не получающие пособий, если их мужья работают. Кроме того, с 1929 по 1937 г. подросло молодое поколение женщин, которое ищет себе применения в производстве. Огромное количество этих молодых женщин совершенно не участвовало в производстве; они не получают никаких пособий и не зарегистрированы как безработные. Немало молодых женщин находится в трудовых лагерях. В июле 1937 г. в фашистской Германии насчитывалось 472 женских трудовых лагеря, а в октябре — 545.

Наряду с безмерной эксплуатацией женщин капиталисты чрезвычайно низко оплачивают их труд. Капитализм всячески противодействует проведению в жизнь принципа: за равный труд — равная заработная плата. Как правило, разница между заработной платой женщин и мужчин колеблется от 30 до 45%. Заработок мужчин-чернорабочих выше заработной платы квалифицированных и полуквалифицированных работниц. Отсюда стремление капиталистов заменить мужской труд женским там, где это возможно. В «годовом отчете о деятельности прусских промышленных медицинских советов за 1933 г.» сказано: «Если бы женщины выполняли только такие работы, которые не могут быть одинаково хорошо выполнены мужчинами, в таком случае возражения против женского труда с точки зрения охраны народного здоровья свелись бы к немногому. В действительности же опасность для народного здоровья возникает из того факта, что заработная плата женщин повсюду ниже заработной платы мужчин, и отсюда является побуждение заставлять женщин производить всякие работы, какие только в состоянии делать женщина» (стр. 46).

Если мы сравним заработную плату мужчин с заработной платой женщин, то получится следующая картина:

Зарплата мужчин и женщин в 1934 г. в Германии

	Квалифицированные и полуквалифицированные рабочие			Чернорабочие		
	мужчины	женщины		мужчины	женщины	
		в абсолютных цифрах	в % к зарплате мужчин		в абсолютных цифрах	в % к зарплате мужчин
Тарифная почасовая оплата в пфеннигах	73,2	51,6	70,5	62,1	43,3	69,7

В 1936 и 1937 гг. картина еще более неприглядная:

Заработная плата женщин в % к зарплате мужчин

Промышленность	Квалификация	Заработная плата женщин в % к заработной плате мужчин
Химическая	Обученные работницы	58,9
Обувная	» »	65,6
Бумажная	Квалифицированные работницы . . .	56,7
Швейная	Обученные и необученные работницы	57,0
Текстильная	Квалифицированные работницы . . .	71,0
Металлообработывающая	Подсобные работницы	77,0

Крайне низкий уровень заработной платы женщин в Германии продолжает неуклонно падать. По официальным данным, средний номинальный недельный заработок женщин-работниц с 1933 по 1936 г. снизился следующим образом.

Промышленность	Квалификация	Снижение заработной платы в %
Текстильная	Квалифицированные работницы . . .	11,6
»	Подсобные работницы	15,9
Обувная	Обученные »	7,4
Бумажная	Квалифицированные работницы . . .	7,8
Пищевая	» »	6,1
Металлообработывающая	Подсобные »	3,8

В действительности же заработная плата женщин-работниц упала в значительно большей степени. Чтобы заработать дополнительно несколько пфеннигов, женщина-работница вынуждена усиливать интенсивность труда, сокращать перерывы на отдых и т. п. Беременные работницы, чтобы сохранить свою зарплату, работают почти до самых родов. «Постоянно, вновь и вновь приходится констатировать,— говорится в упомянутом выше отчете прусских промышленных медицинских советов,— что беременные женщины продолжают работать на фабриках почти до самого момента родов. Женщины мотивируют это тем, что боятся потерять заработную плату» (стр. 52). «На одной фарфоровой фабрике женщина на девятом месяце беременности продолжала работать на машине для размола массы и поднимала блоки массы весом в 10—15 кг» (стр. 52).

Живя в плохих жилищных условиях, скверно питаюсь, работая в тяжелых условиях, молодая женщина-работница расплачивается своим здоровьем за преступления капитала. Ясно, что здорового потомства она дать не может. Наибольшее количество выкидышей наблюдается у женщин-работниц, дети рождаются у них хилые, небольшого веса, рахитичные. Детская смертность потрясающая.

Известный гинеколог проф. Фандлер, на основании обследования в Германии 2 010 тыс. беременных работниц, приводит в журнале «Kinder Heilkunde» (июнь 1935 г.) следующие данные:

	Количество (в тыс.)	% к общему количеству обследованных беременных работниц
Самопроизвольные выкидыши	280	13,9
Аборт	700	34,8
Мертворожденные	30	1,5
Смерть ребенка при родах	30	1,5
Смерть ребенка в грудном возрасте	60	3,0
Всего	1 100	54,7

Из общего количества благополучно родившихся детей 51% были недоносками.

Усиление абсолютного обнищания рабочего класса ведет к тому, что рабочий вынужден бросать под колеса капитализма свою жену, сестру, детей. «Раньше рабочий продавал свою собственную рабочую силу,— пишет Маркс,— которой он располагал как формально-свободная личность. Теперь он продает жену и детей. Он становится работорговцем»¹.

Продавая своих жену и детей, рабочий надсется получить дополнительные средства к существованию, так как его мизерной заработной платы нехватает для прокормления семьи. Но положение рабочего от этого не только не улучшается, а, наоборот, еще больше ухудшается. Широкое применение женского труда в условиях капитализма ведет к дальнейшему обнищанию рабочего класса. В фашистской Германии этот процесс происходит более интенсивно, чем в других капиталистических странах.

Важнейшим показателем абсолютного обнищания рабочего класса является безработица. Этот страшный бич пролетариата ухудшает и без того тяжелое его положение. «От безработицы,— говорит товарищ Сталин,— страдают не только безработные. От нее страдают также имеющие работу рабочие. Страдают, так как наличие большого количества безработных создает для них неустойчивое положение на производстве, неуверенность в завтрашнем дне. Сегодня они работают на предприятии, но они не уверены, что, проснувшись завтра, не узнают, что они уже рассчитаны»².

При капитализме безработица — не случайное явление. Будучи существенным фактором абсолютного обнищания рабочего класса, безработица образуется как неизбежный результат развития капиталистического способа производства. С развитием капитализма, с углублением и обострением его противоречий безработица усиливается и видоизменяется.

Приход фашизма к власти в Германии по времени совпал с началом ослабления кризиса. Буржуазия большинства капиталистических стран к этому времени начинала за счет трудящихся масс выходить

¹ Маркс, Капитал, Партиздат, 1936, т. I, стр. 322.

² Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 501.

из самой тяжелой полосы кризиса. Кризис начал тогда переходить в депрессию особого рода. Естественно, что этот переход к депрессии сопровождался некоторым сокращением безработицы. Мировая безработица стала постепенно сокращаться, хотя и менее интенсивно, чем возрастало производство. Так, в 1932 г. общее количество безработных по 30 странам составляло 26,4 млн. человек, в 1933 г.— 26,0 млн., в 1934 г.— 22,1 млн., в 1935 г.— 20,5 млн., в 1936 г.— 17,1 млн. и в сентябре 1937 г.— 12,8 млн. человек.

В результате бешеной подготовки к войне фашистской Германии удалось превысить уровень производства 1929 г. Это в известной мере повлияло, повидимому, на ослабление безработицы. Однако действительное движение безработицы в стране, изнывающей под пятой фашизма, чрезвычайно трудно установить, ибо нельзя представить себе большей фальсификации цифр, чем именно в этой области.

Согласно официальным данным, в 1936 г. было 1 593 тыс. зарегистрированных безработных. В действительности же зарегистрированных безработных к этому времени должно быть не менее 2 859 тыс. Фашистская статистика не сводит концы с концами. Мы знаем, что общее число занятых рабочих и служащих по данным больничных касс в 1929 г. составляло 17 870 тыс.; к этому нужно прибавить 2 152 тыс. безработных; всего, следовательно, рабочих и служащих в 1929 г. было 20 022 тыс.

В 1936 г. занятых рабочих и служащих было 17 140 тыс. Если к этим 17 140 тыс. прибавить 1 593 тыс. безработных, «зарегистрированных» фашистской статистикой, то всего рабочих и служащих будет 18 733 тыс. 1 289 тыс. человек «исчезли». Ясно, что эти 1 289 тыс. человек также находятся в рядах безработных. Тем же способом нетрудно установить, что к осени 1937 г. в Германии было не менее 3 064 тыс. безработных. Если же учесть, что за период с 1929 по 1937 г. население увеличилось, примерно, на 3 млн. человек и, следовательно, возросло число ищущих работу, если принять во внимание также и то, что фашистская статистика включает в число занятых молодежь, загнанную в лагеря трудовой повинности на принудительные работы, то получится, что общее количество безработных в фашистской Германии к концу 1937 г. составило не меньше 3,5 млн. человек. К этому необходимо прибавить еще не одну сотню тысяч частичных безработных.

Все эти цифры разбивают в пух и прах фашистскую демагогию о ликвидации безработицы. Фашисты не устранили и не могли устранить массовую и хроническую безработицу, ибо она обусловливается самой сущностью общего кризиса капитализма. По сравнению с 1929 г. нынешняя безработица основательно увеличилась.

Массовая и хроническая безработица в Германии сильнейшим образом отражается на материальном положении и культурном уровне рабочего класса. Фашистское правительство лишило миллионы безработных права получения пособия по безработице, оставив их без всяких средств к существованию. Все «невидимые» и не фигурирующие в официальной статистике безработные никакого пособия не получают. Так, лишены права получать пособие сельскохозяйственные безработные, рабочие-рыболовы, домашние работницы, ученики. Подростки до 21 года получают при гитлеровском режиме пособие по безработице лишь постольку, «поскольку необходимые средства существования не обеспечиваются их семьей»¹. Практически это означает, что все подростки, имеющие родителей, не получают даже

¹ «Reichsgesetzblatt», 1935, ч. 1, стр. 658.

нищенского пособия безработного. Значительное количество безработных женщин также не получает пособия по безработице. Право на пособие имеет только та безработная, которая «профессионально занимается преимущественно наемным трудом» (только не в качестве домашней работницы или батрачки) и которая не имеет работающего мужа, сына или дочери.

С пособия сняты также все рабочие, политические настроения которых не нравятся фашистским законам. Частично безработные, у которых заработная плата ниже пособия по безработице, раньше получали дополнительно пособие по безработице. В сентябре 1936 г. фашистское правительство опубликовало закон, в силу которого значительное количество частичных безработных фактически лишилось права получать пособие. Этот закон дает право бюро труда предоставлять каждому частично безработному любую работу, от которой рабочий не может отказаться, если он не хочет потерять пособие. Согласно этому закону председатель бюро труда имеет право отказать в пособиях частично безработным, если они раньше были заняты в сельском хозяйстве или работали в качестве домашней прислуги. Размер пособия частичным безработным значительно снижен.

Безработные, даже получающие пособие, живут в голоде и холоде. Размеры пособий были чрезвычайно снижены еще до прихода Гитлера к власти — вначале на основе брюннингского чрезвычайного декрета в июне 1931 г., а затем на основе папеновского чрезвычайного декрета в июне 1932 г. Гитлер затянул петлю на шее безработных еще крепче. Это выразилось не только в значительном снижении ставок пособия, но и в сокращении срока получения пособия по безработице: вначале от 26 до 20 недель, затем до 6 недель; только при представлении свидетельства о нуждаемости этот срок удлиняется еще на 14 недель. После этого безработный, получающий пособие по безработице, переводится на «голодное, кризисное» пособие и затем — на коммунально-благотворительные подачки.

Пособие по безработице выдается по 11 разрядам.

Для того чтобы еще больше снизить ставки отдельным группам, пособие дифференцировано по трем территориальным поясам, что видно из следующей таблицы:

Тарифный разряд зарплаты	Особый пояс и пояс А		Пояс Б (города, насчитывающие более 10 тыс. населения)		Пояс В (10 тыс. населения и меньше)	
	старые ставки	новые ставки	старые ставки	новые ставки	старые ставки	новые ставки
	(В марках за неделю)					
XI	6	5,10	6	5,10	6	4,50
V	10,80	8,40	10,80	7,20	10,80	6
I	22,05	11,70	22,05	9,90	22,05	8,40

Массовая и хроническая безработица ведет и к массовой деградации. «Frankfurter Zeitung» 14.XI.1935 г. по этому поводу пишет: «Известны случаи, когда вновь принятые на службу квалифицированные рабочие просят использовать их на работах, не требующих квалификации... В некоторых отраслях, как например в машиностро-

ении, с ходом технического развития за время кризиса произошли значительные изменения в составе машинного оборудования. Возвращенные сейчас на производство рабочие, привыкшие к прежним типам машин, пожалуй, вообще не в состоянии на работе у новых машин достичь прежней производительности труда. Это создает необходимость дорогостоящей подготовки новых молодых рабочих, могущих дать полноценную эффективность труда. Так, например в станкостроительной промышленности, сейчас требуется работа такой точности, что более пожилые рабочие уже не годятся для нее. Они уже не могут приобрести необходимую в этом производстве «чувствительность кончиков пальцев».

Многие рабочие преклонного возраста навсегда лишаются работы. Массовая и хроническая безработица ведет к пауперизму и деклассированию определенной части рабочего класса. Особенно сильный удар безработица наносит по молодежи. Абсолютное большинство подрастающей и уже подростковой молодежи находится в рядах безработных. У этой молодежи, никогда еще не работавшей и не имеющей квалификации, весьма печальные перспективы. Целые слои рабочей молодежи деклассируются, опускаются в люмпенпролетариат, попадают в тиски голода и нищеты, преступления, проституции и т. д. Фашистское правительство, бешено готовясь к войне, использует молодых безработных для пополнений армии и флота, деклассированная часть молодежи вовлекается в фашистские военные организации, вербуются для посылки в Испанию на борьбу с испанской республикой. Десятки тысяч молодых безработных отправлены в лагеря трудовой повинности. Только тогда, когда пролетариат уничтожит капиталистическую систему, будет уничтожен и страшнейший бич рабочих — безработица.

Советский Союз, где безработицы давно уже нет и где положение трудящихся с каждым годом улучшается, является прекрасным подтверждением того, что безработица может быть ликвидирована только после уничтожения капиталистического способа производства.

Фашизм — это война против рабочего класса, война ожесточенная, озверелая. Фашизм уничтожил не только экономические завоевания рабочего класса, но и все его политические завоевания. Германские фашисты загнали в подполье коммунистическую партию и другие революционные организации. Многие тысячи лучших сынов рабочего класса уничтожены физически, десятки тысяч томятся в тюрьмах, в концентрационных лагерях, в застенках. Фашисты разгромили профсоюзные организации, насильно загнав рабочих в так называемый трудовой фронт, организацию, где хозяйничают предприниматели.

«Трудовой фронт» — фашистская организация. Рабочие массы ненавидят ее. Основная задача «трудового фронта» — воспитывать рабочих в национал-социалистском духе, помогать предпринимателям выколачивать как можно больше прибавочного труда из рабочих. В «Воззвании ко всем трудящимся немцам» 27 ноября 1933 г. фашистские лидеры «трудового фронта» писали: «Германский трудовой фронт — не место, где решаются материальные проблемы повседневной жизни... Высокой целью трудового фронта является подготовка всех трудящихся немцев к службе национал-социалистскому государству и к национал-социалистскому образу мыслей».

«Закон об организации национального труда», изданный 20 января 1934 г., переименовывает предпринимателей в «вождей» предприятий, а рабочих и служащих — в его «дружину» (Gefolgschaft — свита, дружина, в данном случае скорее челядь).

Само собой разумеется, что эта «дружина» предоставлена полному

произволу своего «вождя», т. е. предпринимателя. Если раньше трудовые взаимоотношения между предпринимателями и рабочими регулировались системой колдоговоров, то теперь, после уничтожения «законом об организации национального труда» системы колдоговоров, предпринимателям предоставляется право решать все вопросы монопольно, единолично. Параграф второй этого закона так и гласит: «Вождь предприятия решает за подчиненных все фабрично-заводские вопросы». Такими вопросами являются — распорядок на производстве, рабочий день, заработная плата, сдельные расценки, штрафы, увольнения и пр., т. е. все жизненные вопросы рабочих.

Фашизм уничтожил фабрично-заводские комитеты, создав вместо них так называемые «советы доверенных». Параграф девятый «закона об организации национального труда» определяет порядок «избрания» «советов доверенных» следующим образом: «Вождь предприятия, по согласованию со старшиной национал-социалистской заводской организации, в марте каждого года составляет список доверенных и их заместителей. Дружина должна затем высказать свое отношение к списку тайным голосованием. Если дружина не одобряет списка, то уполномоченный по труду может назначить необходимое число доверенных и их заместителей»¹. «Совет доверенных» возглавляется предпринимателем и имеет совещательный характер. Решение предприниматель выносит сам, по своему усмотрению. Основная задача «совета доверенных» состоит в том, чтобы укреплять «взаимное доверие» между предпринимателями и рабочими, иными словами, облегчать предпринимателю эксплуатировать рабочих. Если рабочие не согласны с решением предпринимателя по тому или иному вопросу, они могут жаловаться «уполномоченному по труду». «Уполномоченный по труду» назначается из лиц, близких к предпринимателю, и подчиняется министерству труда. Задача «уполномоченного по труду» состоит в «сохранении мира в трудовых отношениях» между предпринимателями и рабочими. Он является последней инстанцией в спорах между капиталистами и рабочими. Само собой разумеется, что «уполномоченный по труду» всегда стоит на стороне предпринимателя и защищает его интересы.

Наступление на рабочий класс находит свое выражение и в введении с февраля 1935 г. «рабочих книжек». Каждый рабочий и служащий обязан иметь такую книжку.

Цель введения «рабочих книжек» ясна: фашисты стремятся усилить политический контроль за революционными элементами, усилить экономическое давление на политически неблагонадежных рабочих. «Рабочая книжка» является для каждого рабочего своего рода военно-послужным списком, по которому контролируется его деятельность.

Фашизм лишил рабочий класс Германии даже свободы найма, свободы передвижения, поставив рабочих в положение полукрепостных. В первую очередь были закреплены за своими господами сельскохозяйственные рабочие как менее организованная часть пролетариата. Сельскохозяйственные рабочие не могут быть приняты ни в какие предприятия, кроме сельскохозяйственных. «Германский сельскохозяйственный рабочий, — пишет *Neue Vorwärts* 1.VIII., — частично опять вернулся к стадии крепостного состояния, потому что без особого разрешения он не имеет права менять свое занятие. Это ему запрещено законом под страхом штрафа».

Фашисты запретили безработным доступ в крупные города. Квалифицированные металлисты — решающая для военной промышлен-

¹ «Reichsarbeitsblatt», ч. 1, 1934, стр. 117.

ности категория рабочих — особенно жестко ограничены в свободе найма: «Квалифицированные рабочие-металлисты, местожительство которых к 15 января 1935 г. не совпадало с районом той биржи труда, к которой относится данное предприятие, могут приниматься на работу лишь при условии письменного соглашения биржи труда...»¹. Все это свидетельствует о том, что капиталисты в условиях фашистской диктатуры довели эксплуатацию рабочего класса до крайнего предела.

Фашизм в Германии, будучи диктатурой реакционнейших элементов финансового капитала, диктатурой Крупнов, Тиссенев, Борзигев и т. п., является смертельным врагом германского рабочего класса, его душителем. Фашисты создали в стране режим голода и военной каторги. Рабочим массам Германии становится невмозможным жестокий террористический режим фашизма. Они все чаще и чаще поднимаются на борьбу за свои экономические, политические и культурные интересы. Выступления рабочих против произвола предпринимателей и против фашистского режима стали повседневным явлением.

На бумажной фабрике «Ф» в Мюнхене работницы должны по тарифному договору получать 43 пфеннига в час, между тем предприниматель выплачивает им только 40 пфеннигов, а молодым работницам — не больше 34 пфеннигов. Рабочая неделя установлена в 60—70 часов. Недовольные рабочие и работницы, включая и членов фашистских организаций, оказывают сопротивление произволу предпринимателей различными способами, в частности задержкой выпуска продукции, порчей станков и пр. В конце июня дело дошло до стачки рабочих двух крупнейших цехов. 14 рабочих после подавления стачки были отправлены в концентрационный лагерь.

В коях германской Силезии также участились случаи порчи машин, инструментов. На днях администрация созвала рабочих, пригласив также агента гестапо, и пригрозила рабочим арестами и тяжелым тюремным наказанием. Наиболее характерным является рост движения протеста на предприятиях военной промышленности и на строительстве стратегических автострад. И здесь имеют место стачки, акты «саботажа», порчи продукции, в особенности предназначенной для испанских мятежников или для Японии. 3 месяца назад один из авиационных заводов Средней Германии сдал 4 вагона моторов и прочих частей для военных самолетов, заказанных японским военным министерством. Продукция была проверена комиссией министерства авиации. В начале июля почти весь заказ прибыл обратно с надписью: «Не годно к употреблению». Такие же факты имели место и на других предприятиях.

В одном военном предприятии Рурской области на заводской доске и в цехах часто появляются антифашистские лозунги. Недавно на всех видных местах появились лозунги: «Долой Гитлера, Муссолини и Франко». Все попытки гестапо найти виновников появления антифашистских надписей ни к чему не привели.

Любопытен также следующий факт: на строящейся вблизи чехословацкой границы новой автострате несколько дней назад была введена 60-часовая рабочая неделя. Рабочие отказались работать по стольку часов. Прибывшая из Берлина комиссия в составе представителей военного командования и фашистского «трудового фронта» пыталась уговорить рабочих согласиться на увеличение рабочего дня, заявляя: «Вы ведь знаете, с какой целью строится эта дорога!» Когда уговоры не помогли, перешли к угрозам. Рабочие открыто заявили, что они вовсе не заинтересованы в войне с Чехословакией

¹ «Bergwerkszeitung», 22. V. 1935.

и добились того, что администрация вынуждена была отказаться от введения 60-часовой рабочей недели¹.

Задача, стоящая перед коммунистической партией Германии, заключается в том, чтобы это движение решающей силы в борьбе с фашизмом приняло более широкие и грозные для фашизма размеры. Это требует развития массовой инициативы в защите экономических, политических и культурных интересов рабочего класса в целом, в каких бы организациях отдельные его части ни находились. Перед коммунистами стоит задача вести во всех этих организациях энергичную организационную, нелегальную, полуполигальную и легальную работу. Тов. Димитров в своем докладе на VII конгрессе Коминтерна говорит: «Подвести массы к решительной борьбе за низвержение фашистской диктатуры мы можем только путем вовлечения рабочих, насильственно загнанных или по несознательности вошедших в фашистские организации, в самые элементарные движения за защиту их экономических, политических и культурных интересов. Именно поэтому коммунисты должны работать в этих организациях... Опыт учит нас, что вредным и неправильным является взгляд, будто бы в странах фашистской диктатуры вообще невозможно выступать легально или полуполигально. Настаивать на такого рода точке зрения означает впасть в пассивность, отказаться от действительной массовой работы вообще»². Рабочие все энергичнее выступают против политики удлинения рабочего дня, сокращения заработной платы, сверхурочной и воскресной работы. Когда администрация шахт в Сааре потребовала от рабочих сверхурочной и воскресной работы без дополнительной платы, 40 тыс. горняков из 43 тыс. голосовало против этих требований администрации. Рабочие одержали победу.

Лозунг «Вместо предоставления миллионов Франко — повысить заработную плату!» встречает все больше сочувствия в массах. Рабочие борются против штрафов, вычетов, «добровольных пожертвований», за честь и достоинство рабочего, за улучшение санитарно-гигиенических условий на заводах, за охрану труда и т. д. и т. п. Коммунисты бесспорно должны возглавить это движение масс за свои насущные интересы. Особое внимание должно быть обращено на движение безработных. Массовая и хроническая безработица в Германии делает особенно актуальной борьбу за интересы безработных.

Повышение пособий и сроков выдачи их, охват помощью всех безработных, снижение и отсрочка квартирной платы, бесплатное обучение детей безработных, бесплатная медпомощь, переложение тягот по страхованию от безработицы на государство и предпринимателей и т. п. — таковы конкретные практические вопросы, которые должны стать центром внимания коммунистов в их массовой работе.

Движение безработных должно быть тесно увязано с движением занятых рабочих. Интересы безработного и интересы занятого рабочего — это общие интересы пролетариата. Особую работу коммунисты должны развернуть среди молодежи, а также среди женщин. Женщина должна быть уравнена с мужчиной в заработной плате, в социальном страховании, во всех правах — таковы практические требования, которые коммунисты должны энергично защищать.

Энергично и упорно борясь за насущные интересы рабочих, коммунисты быстрее смогут поднять весь рабочий класс на активную политическую борьбу с фашизмом. Весь рабочий класс должен единым фронтом нанести смертельный удар фашизму. Тактика единого фронта должна положить конец роковому расколу рабочего

¹ «Известия», 10/VII, 1938 г.

² Речь т. Димитрова на VII конгрессе Коминтерна, стр. 49.

класса, расколу, вызванному предательской политикой реакционных вождей социал-демократии и облегчившему победу фашизма. Преодоление раскола в рабочем классе — главное условие для уничтожения фашизма.

Нужно отметить весьма отрадное явление — движение единого фронта крепнет в Германии изо дня в день. Оно растет снизу, из рабочих масс. На предприятиях рабочие коммунисты, социал-демократы, беспартийные, католики, а отчасти и рабочие национал-социалисты спланиваются для совместного сопротивления нажиму капиталистов. Однако, это движение страдает еще неорганизованностью. Коммунистическая партия Германии является инициатором, последовательным и энергичным проводником тактики единого фронта. ЦК коммунистической партии Германии делал неоднократные попытки привлечь ЦК социал-демократической партии Германии к проведению тактики единого фронта. Однако реакционные вожди социал-демократии, ведя за собой большинство ЦК, отклоняли все предложения коммунистов, боясь усиления влияния последних на рабочие массы. Некоторые социал-демократы считают, что организация единого фронта должна отойти на задний план как более трудно осуществимая задача. Они выдвигают вопрос об организации народного фронта без единого фронта внутри пролетариата. Это в корне ошибочный и политически вредный взгляд. Нельзя противопоставлять задачу создания единого фронта пролетариата задаче организации народного фронта. Народный фронт, который сейчас в Германии успешно создается, является боевым союзом рабочего класса, крестьянства, ремесленников и интеллигенции. Народный фронт только тогда будет силен и страшен фашизму, когда он будет цементирован единым пролетарским фронтом, когда он будет покоиться на крепком единстве рабочего класса. В этом свете следует отметить особо вредную политическую позицию вождей так называемой социалистической рабочей партии, отвергающих необходимость народного фронта. Эти руководители видят в народном фронте «оппортунистическую» опасность. За «левой» фразой здесь кроется самая махровая реакционность. Фашизму на-руку такая тактика вождей социалистической рабочей партии. С другой стороны, следует отметить стремление некоторых кругов эмигрантов, под руководством Отто Штрассера, организовать народный фронт без коммунистов. Ясно, что подобные взгляды, инспирированные фашистами, ведут не к объединению, а к распылению сил народного фронта. Народный фронт без коммунистов, по выражению т. Пик,— нож без лезвия.

Злейшим врагом единого и народного фронта являются троцкисты. Эти оголтелые агенты фашизма, выполняя заказ своих хозяев из гестапо, всеми силами стремятся сорвать установление единого и народного фронта. Однако все попытки фашистов и их агентуры задержать создание единого и народного фронта терпят банкротство. Рабочий класс Германии, крестьянство и интеллигенция создают народный фронт, несмотря на все препятствия. Громадное значение народного фронта видно на примере Франции, где благодаря установившемуся народному фронту рабочий класс и трудящиеся ведут успешно борьбу против реакционной финансовой буржуазии. Значение народного фронта видно также на примере героической борьбы трудящихся Испании, борющихся против фашистских интервентов и их холопов внутри страны.

Расширение и укрепление народного фронта в Германии является залогом того, что фашизм будет уничтожен.

Разорение американского фермера

Уже по окончании мировой империалистической войны США вступили в полосу острейшего в истории капитализма затяжного аграрного кризиса. Особая длительность этого аграрного кризиса, протекающего с различной остротой, обусловлена тем, что он происходит в эпоху общего кризиса капиталистической системы. Кроме того, господство монополистических организаций поставило сельское хозяйство и массу фермеров США в исключительно тяжелое положение.

Будучи результатом тех же острых капиталистических противоречий, которые порождают и промышленный кризис, аграрный кризис выражает собой еще одно крупное, все более обостряющееся, противоречие между промышленностью и сельским хозяйством, между городом и деревней. В эпоху финансового капитала это противоречие не только не ослабело, не рассосалось, но, наоборот, приобрело чудовищные формы, совершенно неизвестные в эпоху домонополистического капитализма.

«Противоречие между промышленностью и земледелием не только не устранено капитализмом, а напротив, расширяется и обостряется им все более. Над земледелием все сильнее и сильнее тяготеет гнет капитала, который образуется главным образом в сфере торговли и промышленности»¹.

Загнивающий капитализм стал препятствием к развитию технического прогресса, он не только сковывает, но подчас и прямо уничтожает производительные силы как в промышленности, так и в сельском хозяйстве.

Если и в период домонополистического капитализма на рабочих и крестьян перекладывалась вся тяжесть кризиса, то в настоящее время, благодаря силе монополий в промышленности и в сельском хозяйстве (элеваторы, мельницы, мясокомбинаты, бисквитные, консервные корпорации, фруктовые компании, банки и т. д.), положение фермера, как и рабочего, стало во много раз хуже. Экспроприация мелкого товаропроизводителя-крестьянина идет быстрее, чем когда бы то ни было.

Особо следует отметить роль ипотеки в сельском хозяйстве. Земли, которые еще не так давно свободно и бесплатно раздавались как гомстеда, в настоящее время перешли в значительной части в руки банков, крупных земельных собственников и даже государства. Что касается бывших владельцев-гомстедеров, то не прошло и двух поколений, как они сотнями тысяч превратились в арендаторов бывших «своих» ферм. Новейший результат капиталистической системы хозяйства — это массовое лишение крестьянства земли, экспроприация

¹ Ленин, Соч., т. XVII, стр. 639.

мелких фермеров и концентрация как средств производства, так и, особенно, земли в руках крупных собственников.

Задачей данной статьи является анализ положения американского сельского хозяйства и фермера в настоящее время, в период обострения аграрного кризиса (с конца 1937 г.).

В 1937 г. в США наступил новый промышленный кризис, который по стремительности падения производства превзошел даже кризис 1929 г. Промышленный кризис получил немедленно отзвук в сельском хозяйстве,—началось новое обострение затяжного аграрного кризиса. Речь идет не о новом аграрном кризисе, а об обострении послевоенного аграрного кризиса, который не закончился.

1937 год (вторая его половина) вновь принес США то, что товарищ Сталин в 1934 г.¹ назвал переплетением кризисов промышленного и аграрного. Это замечательное выражение чрезвычайно ярко рисует картину взаимодействия и взаимовлияния двух кризисов. Они не только совпали, а именно переплелись, ухудшая этим общее экономическое положение страны и промышленности и сельского хозяйства.

Аграрный кризис в США, как и в других капиталистических странах, является кризисом перепроизводства сельскохозяйственных товаров. Именно товаров, а не продуктов сельского хозяйства, так как нет перепроизводства по отношению к общественной потребности, а наличие перепроизводства товаров, не находящих себе сбыта на рынке по высоким, вздутым ценам.

Понять причины такого положения невозможно, разбирая только внутреннее положение США, так как оно обусловлено, кроме всего прочего, также развитием мирового рынка, динамикой капиталистического хозяйства других стран.

Противоречия между империалистическими странами все более обостряются и приводят к подготовке большой войны за новый передел мира. Из-за неспособности ряда капиталистических стран платить по своим обязательствам (долги европейских стран США) и стремления фашистских стран к автаркии для обеспечения снабжения во время войны (Италия, Германия) мировая торговля резко сократилась. Это — важнейший момент. Внутри же США произошло огромное спекулятивное повышение земельной ренты и рост задолженности фермерства, делающие фермерские товары дорогими и мало конкурентно-способными на мировом рынке. В результате ни на внутреннем рынке, крайне потрясенном кризисом и депрессией, ни на внешнем рынке невозможно реализовать полностью товары американского фермера по высоким ценам. Американское сельское хозяйство еще очень далеко от полного использования производственных возможностей. Тем не менее производство, даже в нынешнем (недостаточном с точки зрения потребностей миллионов) масштабе, превышает платежеспособный спрос рынка.

Даже самые элементарные потребности населения удовлетворяются далеко не в полной мере. Миллионы людей буквально голодают (20 млн. человек пользуются в настоящее время пособиями государства и общества). В то же время перепроизводство в сельском хозяйстве приобрело хронический характер, подобно хронической безработице в городах, не спускающейся ниже 8 млн. человек², даже во время оживления. К началу 1938 г. число безработных уже превышало 14 млн., что в свою очередь не могло не отразиться на положении фермерского хозяйства.

¹ И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 539.

² По заведомо преуменьшенным данным Американской федерации труда.

Указывая на противоречие между производством и потреблением, Ленин говорил:

«Противоречие между производством и потреблением, присущее капитализму, состоит в том, что производство растет с громадной быстротой, что конкуренция сообщает ему тенденцию безграничного расширения, тогда как потребление (личное), если и растет, то крайне слабо; пролетарское состояние народных масс не дает возможности быстро расти личному потреблению». И далее: ...«мы не можем представить себе капитализма без несоответствия между производством и потреблением»¹. Когда Ленин писал эти строки, не было еще той огромной массовой хронической безработицы, которая появилась в США после конца относительной стабилизации. А это еще более обострило противоречие между производством и потреблением.

Производство в американском сельском хозяйстве давно приобрело, как и в промышленности, общественный характер. Об этом свидетельствует его товарность. Товарность американского хозяйства, как известно, очень высока. По данным переписи 1930 г., стоимость всей продукции различных производственных типов ферм и той части продукции, которую они потребляли была следующей:

Ф е р м ы	Стоимость всех произ- веденных с.-х. про- дуктов (в млн. долл.)	Потреблено семьей фермера (в млн. долл.)	% потреб- ления на ферме
Хлопковые	1 698	261	15,3
Товарно-зерновые	1 338	109	8,3
Молочные	1 672	176	10,5
Животноводческие (откорм скота)	1 740	144	8,3
Фруктовые	474	20	4,2
Птицеводческие	331	35	10,5
Все фермы	11 011	1 401	12,7

В совокупном фермерском хозяйстве потребляется около 12% производимых им продуктов, 88% идет на рынок, в продажу. При этом нужно всячески подчеркнуть, как это делал и Ленин, что в продажу идет отнюдь не только «излишек» продукции. Очень часто продается даже самое необходимое. Нужно добыть платежные средства, чтобы покрыть ренту, проценты, налоги, долги. Недоесть, а продать — вот правило бедняков. Продажа, таким образом, очень часто носит вынужденный характер. Чем больше продукт мелкого крестьянина превращается в товар, чем больше своих изделий крестьянин превращает в деньги, тем хуже его питание. Это можно сказать и о производителях пшеницы, молока, свинины и о производителях хлопка, шерсти, яблок, апельсинов.

«Мелкий земледелец при капитализме становится, — хочет ли он этого или нет, замечает ли он это или нет, — товаропроизводителем. И в этом изменении вся суть дела»². Это полностью подтверждает мысль Маркса. «С нашей точки зрения, — говорит Маркс, — фермер производит пшеницу и т. д. точно так же, как фабрикант пряжу или машины»³.

¹ Ленин, Соч., т. II, стр. 422.

² Ленин, Соч., т. XVII, стр. 640.

³ Маркс, Капитал, изд. 8-е, т. III, стр. 441.

Американское фермерское хозяйство, как мы видели из таблицы, полностью соответствует этому определению и поэтому подвержено всем опасностям капиталистической системы производства.

Основное противоречие капиталистического способа производства — это противоречие между общественным характером производства и частным капиталистическим характером присвоения. В сельском хозяйстве это противоречие проявляется в полной мере, так же как и в промышленности, и приводит к резкому аграрному кризису. Но в области сельского хозяйства действует дополнительная сила — частная собственность на землю, которая усугубляет, усиливает это противоречие. Результатом ее является капитализированная земельная рента. Наличие частной собственности на землю обрекает сельское хозяйство при капитализме на вечное, все растущее отставание от промышленности. Что касается одного миллиона ферм, ведущих хозяйство натурального и полунатурального типа и занимающих в США очень небольшое место, то в современную эпоху они могут только прозябать, умирая мучительной смертью.

Основой относительного перепроизводства в сельском хозяйстве, как и в промышленности, является то, что при капитализме массовое производство развивается в условиях антагонистических противоречий.

Фермерские товары не потому не продаются в крупнейшей и богатейшей из капиталистических стран мира, что нет голодных и раздетых, а потому, что при продаже по данным ценам не может быть реализована вся масса прибавочной стоимости — рента, прибыль, процент.

Спекулятивная горячка, охватившая США в последние годы империалистической войны, когда США снабжали и кормили Европу, и в первые годы после войны, когда изголодавшиеся народы Европы закупали фермерские товары, привела к огромному росту зерновых посевов, откорму скота, росту цен и опережающему этот рост взлету земельной ренты. Со временем Европа — основной покупатель — превратилась из кредитора США в должника и должна была продавать не для того, чтобы покупать, но в очень значительной части только затем, чтобы платить. США отгородились от европейского ввоза огромными охранительными промышленными пошлинами. Это в свою очередь привело к тому, что мировой рынок стал все больше ускользать от американского фермера. Его производство стало слишком дорогим и недоступным для европейских покупателей.

В конце XIX в. длительный аграрный кризис европейского хозяйства был вызван и обусловлен бешено вздутыми поземельными рентами, которые не в силах был оплачивать потребитель, и конкуренцией свободных от ренты девственных степей Северной Америки (США и Канада) и Австралии. Ныне от этих девственных степей осталось лишь воспоминание. Их или распахали или стравили скотом. Этим полны описания сенатских комиссий.

История повторяется: ренты в США вздуты до огромных размеров и никак не приходят с соответствие с ценами на пшеницу, хлопок и т. д. Бремя финансового капитала в виде гипотек и процентов, в виде спекулятивных цен на сельхозмашины и орудия и низких цен на сбываемые товары лежит на фермере в бдльшей мере, чем когда бы то ни было прежде.

На протяжении послевоенного аграрного кризиса внешний рынок для товаров фермера с каждым годом неуклонно сокращался. До войны США экспортировали от 10 до 13% всей совокупной продукции сельского хозяйства. За время войны этот процент повысился до 19,

т. е. вывозилась почти пятая часть производства. Кризис, начавшийся в 1929 г., сразу вернул экспорт США к довоенному уровню и в дальнейшем, до 1929 г., вывоз не превышал 10% произведенной продукции. Во время кризиса произошло дальнейшее сокращение экспорта. Депрессия особого рода, последовавшая за кризисом, привела к новому снижению экспорта: до 8% в 1934 г., до 7% в 1935 г. и до 6% в 1936 г. В 1937 г. вывоз составил 9%. Физический объем экспорта по отдельным товарам эволюционировал следующим образом:

Индекс объема с.-х. экспорта США ¹
(1909/10—1913/14 гг. = 100)

С.-х. годы (кончая 30/VI)	Все с.-х. продук- ты	Все с.-х. товары (без хлопка)	Хлопок, включая семя	Табак	Пшеница и мука	Сало
1929	117	141	99	144	152	165
1932	98	91	103	110	126	115
1936	62	43	76	110	15	19
1937	56	39	69	106	21	21

Из этой таблицы мы видим, что лишь экспорт табака держится на довоенном уровне. Зерновой экспорт сократился в 5—6 раз, экспорт сала — в 5 раз. Даже экспорт хлопка сократился на треть.

На наших глазах происходит эволюция, которую еще недооценивают буржуазные экономисты, но которую уже ощущает на своей спине масса фермеров. Это рост конкурирующего импорта сельскохозяйственных товаров. Перевес сельскохозяйственного экспорта над сельскохозяйственным импортом в 1918/19 сельскохозяйственном году составил 1753 млн. долл. В начале послевоенного кризиса он упал до 568 млн. долл. С периода кризиса 1929 г. начинается перевес ввоза сельскохозяйственных товаров. В 1929/30 г. перевес ввоза составил 343 млн. долл., в 1934/35—244 млн. долл., в 1935/36 г.—351 млн. долл. и в 1937 г.—786 млн. долл. Недаром в конгрессе и в сенатских комиссиях, исследовавших положение фермеров в разных районах страны, раздаются буквально вопли о том, что даже на «своем», внутреннем, рынке фермер США уже не чувствует себя хозяином.

Если указанный нами перевес сельскохозяйственного импорта над сельскохозяйственным экспортом до 1937 г. имел место благодаря импорту непродуцируемых в США колониальных видов сырья и фруктов — каучука, джута, сизаля, бананов, ананасов, то в 1937 г., впервые в истории США, импорт превысил экспорт даже по так называемым конкурирующим фермерским товарам, т. е. по пшенице, скоту, свинине и маслу, производимым в США.

Страна, вывозившая после мировой войны 369 млн. бушелей пшеницы и муки, дошла в настоящее время до ничтожного вывоза в 16—20 млн. бушелей (т. е. в 20 раз меньше). Это явление отнюдь не случайное, как пытаются изобразить многие буржуазные экономисты. Это вполне определенная тенденция, находящая свое объяснение в непосильных рентах, которые удается переложить на местного потре-

¹ Foreign Crops and Markets. XI, 1937.

бителя, но которые отказывается платить европейский покупатель. Условия производства хлопка, пшеницы, мяса стали обременительными для европейского покупателя. В том же направлении — сокращения пшеничного экспорта США — действует политика автаркии фашистских стран.

Сокращение экспорта произошло, как мы видели, отнюдь не из-за снижения производства. Если мы возьмем для примера пшеницу, то увидим, что ее производство в 1929 г. составляло 823 млн. бушелей, в 1936 г. — 626, а в 1937 г. — 873 млн. бушелей, экспорт же пшеницы за те же годы составлял лишь 153, 15 и 21 млн. бушелей. Попытка свести дело к неурожаям, к засухам терпит полный крах, не говоря уже о том, что сама засуха является результатом хищнического хозяйства в зерновых районах так называемых «Великих равнин», где ведение одностороннего зернового хозяйства, без севооборота, привело к невиданной эрозии почв и падению урожайности.

Удельный вес США в мировом экспорте пшеницы после войны систематически падал и дошел в последние годы до 6%, в то время как удельный вес США в мировом импорте пшеницы рос и составил в 1937 г. 3,4%.

Таковы изменения, которые произошли в положении производившего пшеницу американского фермера на мировом рынке в результате аграрного кризиса.

В том же направлении изменилось также положение производителей хлопка, число которых в общей сложности превышает полтора миллиона человек. Картина здесь отнюдь не отраднее.

Хлопковый экспорт играл всегда очень большую роль во внешней торговле США. В 1931/32 г. в США было произведено хлопка 17 млн. кип, в 1932/33 г. — 13,0 млн. кип, в 1936/37 г. — 12,4 млн. кип, а в 1937/38 г. — 18,7 млн. кип. Последний урожай был рекордным. Экспорт за эти годы соответственно составил: 8,7 млн. кип, 8,4 млн., 5,7 млн. и 5,6 млн. кип¹. Перепроизводство хлопка увеличивается из года в год. Нужно кроме того учесть, что в 1933 г. было уничтожено 10 млн. акров (4 млн. га) хорошего хлопка, готового к уборке, 4 $\frac{1}{2}$ млн. кип, т. е. 1 млн. т хлопка, варварски загубили с единственной целью — «снять» его с рынка и тем самым повысить цены. Трюк этот дал, однако, неожиданный для буржуазных экономистов финал: дорогой американский хлопок потерял монопольное положение на мировом рынке, так как европейские страны стали покупать более дешевый хлопок Бразилии, Индии, Египта и других стран. В 1928 г. мировое потребление хлопка составляло 25,8 млн. кип, в том числе американского хлопка было потреблено 15,2 млн. кип и хлопка прочих стран — 10,6 млн. кип. В 1935/36 г. мировое потребление выросло до 27,6 млн. кип, из них американского хлопка было потреблено лишь 12,6 млн. кип.

Безотрадны и дальнейшие перспективы для американских производителей хлопка. Новый фермерский закон 1938 г. предусматривает огромное сокращение производства пшеницы, хлопка, риса, кукурузы, табака. Для каждого фермера вводятся квоты сбыта с целью повышения цен до уровня, значительно превышающего уровень цен мирового рынка. Это стимулирует рост производства хлопка в других странах, и вся надежда фермеров направлена теперь на внутренний рынок, где, однако, положение не лучше.

Так, с целью поддержания высоких цен, получения огромных прибылей и рент, капиталистический строй сковывает развитие производства и в промышленности и в сельском хозяйстве.

¹ За 1937/38 г. — «возможный экспорт», по оценке департамента земледелия.

США теряют внешний рынок и для товаров животноводческого хозяйства. Например в 1918/19 г., из США вывозилось 33 млн. фунтов коровьего масла. К 1935/36 г. вывоз упал до 1 млн. фунтов. Свинины и продуктов свиноводства вывозилось 2 704 млн. фунтов, а в последние годы вывоз сократился до 159 млн. фунтов, т. е. почти в 20 раз. То же самое происходит с вывозом рогатого скота и его продуктов.

При обсуждении таможенно-тарифной политики в конгрессе представитель Канзаса — Рис — сказал: «Мы очень быстро превращаемся в импортирующую страну. За 11 месяцев 1936 г. мы ввезли в США 386 тыс. голов рогатого скота, 86 млн. фунтов консервированного мяса и 14 млн. фунтов молочных продуктов. За последние годы наш общий экспорт упал до 2 млрд. долларов, из которых на долю сельскохозяйственного экспорта приходится 29%, а на долю несельскохозяйственных товаров — 71%.

Раньше же сельскохозяйственный экспорт составлял половину нашего огромного вывоза. За последний год мы ввезли из Канады 48 млн. бушелей пшеницы. Мы предоставляем иностранцам вести сельское хозяйство за нас, снабжать нас продуктами питания. И хотя мы сами имеем перепроизводство сельскохозяйственных продуктов, мы тем не менее ввезли за последний год больше чем на 1 млрд. долларов тех продуктов сельского хозяйства, которые мы могли бы сделать и обработать в нашей стране»¹.

Представитель Кентукки в своем выступлении также подчеркнул утрату внешнего рынка и угрозу потери внутреннего рынка. «В 1937 г. США импортировали 16 555 голов живых свиней, а экспортировали 234; импортировали 74 830 480 фунтов свинины и ее продуктов и 88 087 133 фунтов консервированного мяса, 494 945 голов крупного рогатого скота, а экспортировали лишь 4 132 головы; импортировали 86 337 248 бушелей кукурузы, а экспортировали только 5 886 000 бушелей; ввезли 60 650 100 фунтов сыра, а вывезли 1 155 664 фунта; ввезли 11 110 762 фунтов масла, 181 000 000 фунтов шерсти, 319 млн. фунтов кокосового масла для производства маргарина и 360 млн. фунтов пальмового масла для производства масла вместо жиров своего отечественного животноводства»².

Эти выступления представителей типичных аграрных штатов еще раз подтверждают, что даже внутренний рынок США трещит, что на него со всех сторон нападают конкуренты.

Все факты убедительно доказывают, таким образом, что аграрный кризис в США порожден отнюдь не природными условиями: ни засухи, ни недороды здесь совершенно не при чем. Дело в капиталистической системе хозяйства. Засуха безусловно принесла огромный вред сотням тысяч фермеров, разорила и обездолила их. Но зато крупные держатели пшеницы на этой засухе заработали, так как цены повысились. Те же, кому нечего было продавать, вынуждены были обратиться к государственным и провинциальным властям за пособием и кредитом для приобретения посевного материала, кормов и продовольствия. Падение экспорта и обострение конкуренции на внутреннем рынке являются следствием глубоких изменений в экономике фермерского хозяйства, происшедших в результате кризиса.

В период наиболее быстрого развития промышленности США внутренний рынок американского капитализма рос очень быстро, увеличилась численность населения не только за счет рождаемости, но и за счет миллионов притекавших в страну иммигрантов. Росла занятость населения и сумма получаемой зарплаты. После конца периода отно-

¹ Congressional Record, 1937, p. 958.

² Congressional Record, 1938, p. 2705.

сительной стабилизации капитализма положение резко изменилось. В 1929 г. начался кризис. За ним последовала депрессия особого рода. Но и после депрессии полного подъема расцвета, возврата к прежнему докризисному уровню не произошло. Массовая хроническая безработица охватывает миллионы людей, в несколько раз больше, чем до кризиса, начавшегося в 1929 г. Общая сумма зарплаты не вернулась к прежним размерам. Сокращение фонда зарплаты резко снизило спрос широких масс на зерно, мясо и т. д. Потребление, например, пшеничной муки на душу населения упало с 176 фунтов в 1925/26 г. до 156 фунтов в 1936/37 г.¹ То же можно видеть на примере потребления мяса и масла.

Объем продукции сельского хозяйства за последние 20 лет, несмотря на рост населения, колеблется в очень узких пределах. Поэтому перепроизводство не связано с каким-либо значительным ростом продукции. Физический объем сельскохозяйственной продукции США за последний год виден из следующей таблицы:

Физический объем с-х. продукции
(1924—1929 гг. = 100)

Г о д ы	Зерно	Хлопок и хлопковое семя	Все растениеводство	Мясное скотоводство	Все животноводство	Все сельское хозяйство
1928	108	97	106	101	103	104
1931	89	112	104	107	109	107
1932	85	86	90	106	107	100
1934	44	64	70	117	112	94
1936	55	83	80	105	108	95
1937	94	125	113	96	104	108

Производство зерна достигло высшей точки в 1928 г., когда индекс составлял 108%, наибольшее сокращение зерновой продукции было в 1934 г., когда в результате засухи и рестрикций он упал до 44%. Уровень 1928 г. не достигнут и в 1937 г.

По хлопку высокий урожай 1931 г. превысил среднюю за докризисное пятилетие всего на 12%. Минимум — 64% — приходится на 1934 г., что является результатом ограничительных мероприятий правительства.

Урожай хлопка в 1929 г. составил 14,9 млн. кип, а в 1937 г. поднялся до 18,7 млн. кип. Этот рекордный в истории США урожай вызвал в стране панику.

Животноводство относительно стабильно.

В целом объем продукции сельского хозяйства за последние 10 лет колебался в пределах 94—108% по отношению к среднему докризисному уровню 1924—1929 гг.

Для оценки этих цифр надо иметь в виду, что население США с 1928 до 1937 г. выросло более чем на 10%, таким образом, валовой урожай отстал от этого роста.

Несмотря на сравнительно большие размеры урожая, цены фермерских товаров за последний год бешено полетели вниз, что видно из следующей таблицы:

¹ Wheat Studies, XII, 1937. p. 175.

Индекс фермерских цен
(август 1909 — июль 1914 г. = 100)

1937 г. ¹	Зерно	Хлопок и хлопковое семя	Мясное жи-вотноводство	Все с.-х. то-вары	Цены на то-вары, поку-паемые фер-мерами	Фермерский доллар или по-купательная сила фермер-ских товаров
Январь	143	107	126	131	—	101
Февраль	146	108	126	127	132	96
Март	145	116	129	128	132	97
Апрель	154	117	130	130	134	97
Май	149	112	133	128	134	96
Июнь	139	107	137	124	134	93
Июль	139	106	144	125	133	94
Август	119	90	151	123	132	93
Сентябрь	111	74	144	114	130	91
Октябрь	93	67	136	112	128	88
Ноябрь	85	65	120	107	127	84
Декабрь	86	64	111	104	126	81
1938						
Январь	91	70	110	102	126	81
Февраль	89	68	110	97	126	77
Март	85	70	117	96	125	77
Апрель	82	71	114	94	125	76
Май	79	71	111	92	—	74

Из таблицы мы видим, что если в начале 1937 г. цены на зерно были на высоком уровне, то уже с октября они начали резко падать. Падение цен на хлопок было не менее стремительным. Особенно резко цены снизились в июле и августе, т. е. перед уборкой хлопка.

Несколько иначе обстоит дело с ценами на мясо. До августа они росли и превысили в полтора раза довоенные.

Начиная с августа, цены начинают падать. Так, если зерновые культуры за 7 месяцев упали в цене на 69 пунктов (со 154 в апреле до 85 в ноябре), цены на хлопок за 8 месяцев на 53 пункта (со 117 в апреле до 64 в декабре), то цены на мясной скот упали за 4 месяца на 40 пунктов (со 151 в августе до 111 в декабре).

Самое замечательное то, что цены фермерских товаров лишь однажды опередили общий уровень цен, и благодаря этому в январе 1937 г.—единственном месяце за 20 лет—«фермерский доллар» составил 101%, т. е. цены сельскохозяйственной продукции фермеров относительно догнали цены покупаемых фермерами товаров. Февраль дал уже снижение на 5 пунктов. На этом уровне цены держались до мая.

С мая они начали снижаться значительно быстрее, чем цены на промышленные изделия.

Покупательная сила фермеров из месяца в месяц чрезвычайно сильно падала. В особенности пострадали производители зерна, хлопка и скотоводы. Это сразу обостряет аграрный кризис во всех главных отраслях сельского хозяйства.

Насколько капитаны промышленности и сельского хозяйства неспособны предвидеть ход дел, которыми они пытаются управлять, показывает письмо министра земледелия США сенату 4 февраля 1937 г.

¹ Agricultural Situation, 1938.

Министр писал: «Впервые за последние 15 лет цены фермерских товаров поднялись выше цен товаров, покупаемых фермерами, т. е. рост цен на продукты сельского хозяйства опередил рост цен на продукты промышленности. Январь является поворотным пунктом (в борьбе с аграрным кризисом.—А.). Отныне сельское хозяйство будет развиваться на паритетных началах с промышленностью»¹. «Паритет» был достигнут лишь на один месяц. Январь, как мы видели, явился действительно «поворотным» пунктом, но в противоположную сторону. От «паритета» цены покатались вниз и сейчас отстают на 26%.

Заслуживает внимания огромная разница в падении цен на различные группы товаров, которую мы наблюдаем во время кризиса. Цены товаров, производимые промышленными монополистическими объединениями, долгое время держатся на высоком уровне. Цены же сельскохозяйственных товаров, выпускаемых необъединенными индивидуальными товаропроизводителями, стремительно катятся вниз.

Для подтверждения этого приведем индекс оптовых цен министерства труда. Для экономии места сравним индексы цен в январе 1937 и январе 1938 гг.

Индекс оптовых цен

(1926 г. = 100)

	Все товары	Фермер- ские товары	Текстиль	Металлы и метал- лические изделия	Стройма- териалы
Январь 1937 г.	85,9	91,3	77,1	90,9	91,3
Январь 1938 г.	80,9	71,6	69,7	96,6	91,8

Бросается в глаза то, что цены металлов и строительных материалов в начале 1938 г. выше, чем в начале 1937 г. Оптовый индекс цен всех товаров снижается очень мало — всего на 5 пунктов. Наряду с этим происходит огромное падение индекса цен фермерских товаров — на 20 пунктов. Но покупатель от падения фермерских цен ничего не выигрывает. Таким образом, капиталистическая промышленность и стоящие над ней банки перекладывают бремя кризиса, вызываемого капиталистическими противоречиями, не только на пролетария, но и на фермера.

Еще более показательным является индекс «Национальной ассоциации удобрений»² (1926—1928 гг. = 100%).

	12 марта 1938 г.	13 марта 1937 г.
Фермерские товары	69,2	87,5
Удобрения	78,7	76,7
С.-х. машины	98,0	92,7

Ни монополистическая корпорация, производящая удобрение, ни гигантские тресты, производящие тракторы, комбайны и прочие сельскохозяйственные машины, не снизили цен. Если взять показатель-

¹ Congressional Record. «Паритет» сельского хозяйства и промышленности в буржуазной американской литературе означает такой уровень цен на фермерские товары, который соответствует довоенному отношению цен на сельскохозяйственные и промышленные товары.

² «Journal of Commerce», 20. 3. 1938.

ную дату американской статистики — 15 января, то только производитель пшеницы получает за 1000 бушелей на 15 января 1938 г. 886 долл. против 1236 долл. на 15 января 1937 г., т. е. на 350 долл. меньше. Платить же за машины и удобрения он должен дороже. Так беззастенчиво грабят фермера монополистические организации капитала. Никакие статьи буржуазной печати о каком-то фантастическом «паритете» сельскохозяйственных и промышленных цен не могут устранить этого вопиющего противоречия капитализма.

Вызывает ли падение фермерских цен соответствующее удешевление жизни, снижение индекса стоимости жизни? Нет, не вызывает. Об этом свидетельствуют факты. Пшеница становится дешевле, а хлеб дороже. Журнал «Bradstreet's» писал: «Дешевой пшенице соответствует дорогой хлеб. В 1917 г. пшеница стоила в стране 75 центов за бушель, а хлеб в городах 5 центов за фунт. В 1930 г. пшеница стоила опять те же 75 центов, а хлеб в городах уже 10 центов. Кто забирает эти добавочные излишние 5 центов?»¹ Ответим на этот вопрос автора: эти 5 центов достаются скупщикам хлеба — элеваторным компаниям, хлебным спекулянтам чикагской и других бирж, мукомольным королям, которые в США централизовали помол, и, наконец, хлебопекарным монополистам и централизованной розничной торговле хлебом и хлебными изделиями.

Если мы обратимся к данным министерства труда за 1937 и начало 1938 г., то увидим, что падение цен на пшеницу и мясо очень слабо отразилось на ценах предметов питания.

Движение розничных цен
(цены 1923—1925 гг. = 100)

	15 февраля 1938 г.	16 февраля 1937 г.	15 февраля 1933 г.
Злаки и хлебопекарные изделия	93,2	92,6	69,2
Мясо	90,6	94,3	63,9
Молочные продукты	81,9	83,0	60,7 ²

Как видим, продукты питания в розничной продаже сильно вздорожали с 1933 г., потребители — рабочие и служащие от этого только пострадали, фермер ничего не выиграл от этого.

В результате резкого падения цен, по которым фермер вынужден продавать свои сельскохозяйственные товары в результате сокращения сбыта продукции, доход фермеров во всех отраслях сельского хозяйства сильно упал. Мы уже показали выше высокую товарность совокупного фермерского хозяйства. За исключением так называемых «subsistence» ферм, ведущих хозяйство натурального типа, большинство ферм имеет специализированный торговый, денежный характер. Это обстоятельство отмечал Ленин в своих классических работах.

Еще летом 1937 г. годовой денежный доход фермеров оценивался департаментом земледелия в 9 млрд. долл. С обострением аграрного кризиса фермер уже в 1937 г. теряет 500 млн. долл., т. е. огромную сумму, почти равную сумме уплачиваемых фермерами налогов. Как мы уже сказали, потребителю эти 500 млн. не достались. Более высокий урожай не принес фермерам ничего, кроме разочарования и горя.

¹ Bradstreets. 14. 3. 1931.

² Commercial and Financial Chronicle, 19. 3. 1938.

Денежный доход фермеров на протяжении последнего цикла изменялся следующим образом (в млн. долл.):

Г о д ы	Весь денеж- ный доход ¹	В т о м ч и с л е:		
		растение- водство	животно- водство	дотации пра- вительства
1929	10 284	4 884	5 400	—
1930	7 988	3 329	4 659	—
1931	5 795	2 334	3 461	—
1932	4 368	1 921	2 448	—
1933	5 402	2 606	2 518	278
1934	6 227	2 607	3 025	595
1935	7 201	2 994	3 709	498
1936	7 920	3 462	4 171	287
1937	8 500	3 840	4 280	380

Из таблицы видно, что общий размер денежного дохода фермеров упал к 1932 г. до 4 368 млн. долл., а затем снова повышался. В 1937 г. он был на 2 млрд. долл. ниже дохода 1929 г., хотя объем продукции в 1937 г. был значительно больше. Денежный доход вместе с правительственными субсидиями был, таким образом, в 1937 г. на 18% ниже, чем в 1929 г. Без субсидий он почти равен доходу 1930 г.

Доход от растениеводства снизился против 1929 г. на 1 млрд. долл., хотя в 1937 г. США получили рекордный урожай хлопка, пшеницы и т. д. По животноводству недобор составляет 1 100 млн. долл. Правительственные субсидии покрывают только пятую часть потерь фермера, если вести счет с 1929 г., который также не был блестящим для сельского хозяйства.

Однако сам по себе совокупный денежный доход еще не дает полной картины бедственного положения фермеров, особенно мелких и средних, переживших кроме аграрного кризиса две невиданные засухи — в 1934 и 1936 гг. Нужно взять относительное положение фермера в общем народном хозяйстве.

Фермерское население США составляет 25% всего населения, между тем доход его равен лишь 11% всего национального дохода. Это уже достаточно наглядно показывает глубину противоположности между городом и деревней, которая в эпоху монополистического капитализма значительно обострилась.

Картину распределения этого дохода сельского хозяйства среди социальных групп характеризует выступление в конгрессе представителя штата Висконсин — Гулла: «Средний валовой доход американской фермы — меньше 1 100 долл. в год. Из этой суммы необходимо к тому же вычесть все налоги, платежи процентов по закладным и т. д. Денежный доход распределен среди фермеров крайне неравномерно, а именно 35% общего числа фермеров получило 80% всего дохода ферм, а остальные 65%, или две трети, получили лишь «остаток» — 20%. 4 млн. фермеров из 6 800 000 получили суммарный доход в 1 500 млн. долл., или в среднем меньше 400 долл. на ферму в год. Для того чтобы оценить доход этой части фермеров, достаточно сказать, что он составляет лишь 60% пособия, получаемого безработным» ².

Это было сказано в 1937 г. Сейчас положение фермеров еще хуже. За первый квартал 1938 г. денежный доход фермеров, вместе с суб-

¹ Crops and Markets, 1938.

² Congressional Record, 1937, p. 913.

сидиями и дотациями государства составил 1 679 млн. долл. против 1 946 млн. долл. за первый квартал 1937 г., т. е. на 276 млн. долл. меньше. Таким образом, в 1938 г. фермер выручит на один миллиард долларов меньше, чем в 1937 г.

В послании президента США Рузвельта конгрессу (январь 1938 г.) говорится, что «более 500 тыс. американских фермеров буквально голодают». По другим источникам, это число превышает миллион. И это происходит при относительном перепроизводстве хлеба, мяса, молока.

Уменьшение денежного дохода не было бы бедствием для фермеров, если бы в такой же мере уменьшались издержки фермерского производства и платежи налогов, долгов, процентов. Но платежи не сокращаются. Издержки также выросли по сравнению с 1936 г. в связи с значительно большим урожаем. Поэтому «чистый доход» подавляющей массы фермеров не соответствует даже мизерному уровню заработной платы. К тому же в результате острейшего аграрного кризиса, который не просто совпал, а переплелся с промышленным кризисом, произошло небывалое обесценение имущества всех ферм (земли и построек).

Годы кризиса разорили множество ферм, которые будучи не в состоянии даже оплатить налоги и проценты по ипотекам, забрасывали фермы или передавали их банкам. Переход ферм из рук в руки как путем добровольных продаж, так и продаж с молотка, принял массовый характер. Бегство арендаторов с фермы на ферму было еще большее. Из каждой тысячи ферм в США переменяли владельцев

в 1930 г.	61,5 фермы
» 1931	61,9
» 1932	76,6
» 1933	93,6
1934	78,6
1935	69,1
1936	72,1 ¹

За семь лет (1930—1936) из каждой 1 000 ферм 513,4, т. е. больше половины хозяйств, переменяли владельцев, большей частью эти перемены носили принудительный характер: фермы продавались с молотка. Как ни велики эти цифры, но и они недостаточно отражают глубину нищеты и разорения фермерских масс. Прежде чем «сдаться», фермер борется, насколько хватает сил. Он платит долги и проценты за счет недоедания, хищнической эксплуатации земли и скота, истощения почвы монокультурой зерна, хлопка и т. д.

Мы уже сказали, что государственные субсидии фермерам по своим размерам крайне недостаточны и не могут ни в какой мере покрыть те потери, какие принес аграрный кризис. Да и дотации эти достались лишь крупным землевладельцам, капиталистическим предпринимателям, которые имели возможность сокращать производство и вводить правильные севообороты и посев трав, за что правительство платило. Мелкий и средний фермер, не имея возможности сокращать свое производство (оно и без того было нищенски мало), не мог получать и субсидий. В то же время он не имеет капиталов и для того, чтобы менять направление и систему своего хозяйства, что также лишало его возможности пользоваться государственной субсидией.

Депутат Робзион из Кентукки заявил в конгрессе, что министр земледелия не публикует, кому достается «помощь фермерам», поэтому конгресс поручил ему представить данные, кто получил больше 10 тыс. долл. Из этих данных виден позорный обход мелкого фермера,

¹ Agricultural Statistics, 1937.

безобразное расходование средств налогоплательщиков. 21 крупный производитель в штатах Луизиана, Арканзас, Техас и Калифорния получил более 800 тыс. долл.

74 корпорации Луизианы получили громадные суммы за то, что они не производят сахара. Суммы колебались от 10 тыс. до 256 тыс. долл. На острове Порто-Рико один концерн получил почти 1 млн. долл. и 28 других концернов получили в среднем по 33 тыс. долл. за то, что воздержались от производства сахара.

За сокращение производства хлопка три крупных производителя хлопка в штате Арканзас и два в Миссисипи получили около 500 тыс. долл. Тюрьма штата Миссисипи получила 43 200 долл. из этих же средств «помощи фермерам».

Одна корпорация в Калифорнии получила 157 020 долл., и одна корпорация в Нью-Джерси — более 45 тыс. долл. за сокращение откорма свиней.

27 производителям свекловичного сахара в Калифорнии и Колорадо заплачено за сокращение производства 540 тыс. долл. Из тех же средств «помощи фермерам» получили «Дельта пайн и лэнд компани» 60 388 долл. и «Аризона цитрус лэнд компани» 47 682 долл. за введение посева трав на их полях.

Компании страхования жизни «Эквитэбл», владеющей землями и фермами, заплачено 53 976 долл.; компании «Юнайтед шугер компани ов Флорида» — 80 821 долл.

Мы видим, что львиную долю помощи забрали крупные предприниматели, держатели земли, которые и не собирались сеять, но захватили крупный куш за то, что отказались от права сеять. Мелкому же фермеру или вовсе ничего не досталось или достались жалкие остатки¹.

В настоящее время, после разоблачений Робзиона, конгресс принял постановление, запрещающее департаменту земледелия выдавать в одни руки более 10 тыс. долл. помощи. Эти «лимиты» тоже говорят сами за себя.

Так выглядит пресловутая «помощь фермерам». Капиталистическим предпринимателям выдавались из государственной казны миллионы не для поощрения каких-либо новых производств или расширения производства, а за то, что они «воздержались» от производства. Трудно представить себе картину более глубокого загнивания капитализма.

Особенно тяжело положение хлопковых фермеров юга США.

Анализируя данные цензов (переписей 1900 и 1910 гг.), Ленин ярко обрисовал бедственное положение негров (кропперов), подвергающихся невиданной эксплуатации со стороны потомков рабовладельцев-лэндлордов. С тех пор положение кропперов во много раз ухудшилось в результате послевоенного аграрного кризиса и промышленных кризисов 1920 и 1929 гг.

Хлопковые фермы юга в подавляющем большинстве своем невелики по размерам площади, что видно из материалов ценза 1930 г. Всеж хлопковых ферм было 1 640 025; из них величиной до 100 акров было 1 302 037 ферм, или 79%. «Полным собственникам» принадлежало лишь 360 062 фермы, почти 1 млн. ферм из 1 640 025 принадлежали не собственникам и даже не денежным арендаторам, а издольщикам.

Еще более показательна группировка ферм по валовой стоимости продукции:

¹ Данные заимствованы нами из отчетов конгресса 1938 г., стр. 2703.

С валовым доходом менее	250	долл.	95 098	ферм
»	250—399	»	164 514	»
»	400—599	»	298 440	»
»	600—999	»	508 173	»
»	1 000—1 499	»	307 552	»
»	1 500—2 499	»	183 825	»
»	2 500—3 999	»	55 562	»
»	4 000—5 999	»	16 350	»
»	6 000—9 999	»	6 982	»
»	10 000—19 999	»	2 626	»
»	20 000 и более	»	903	»

Фермы с валовым годовым доходом до 600 долл. (а таких ферм более 550 тыс., т. е. больше трети) в американских условиях не дают возможности фермеру прокормиться. Он вынужден делать долги, закабляясь на многие годы, как когда-то русские крестьяне-бедняки попали в зависимость от кулака.

Не покрывают издержек и платежей хозяйства также те фермы, которые приносят до 1 000 долл. валового дохода. И лишь фермы, где доход превышает 1 000 долл. (т. е. треть всех ферм), могут считаться в удовлетворительном положении.

Группа ферм с валовым доходом в 1 500 долл. и выше может быть отнесена в настоящее время к капиталистическим хозяйствам, имеющим прибыль. Таких ферм всего пятая часть, но они сосредоточивают у себя подавляющую массу продукции.

Необходимо обратить внимание на то, что данные ценза 1930 г. сильно прикрашивают положение фермера, так как при опросе фермеров в 1930 г. брался доход за предыдущий 1929 г., а он превышал доход 1937 г. на 2 млрд. долл.

Сельское хозяйство юга США уже много десятилетий несет на себе тяжелые последствия монокультуры, разоряющей не только фермеров, но и истощающей фермерские земли; но иначе при издольной системе и быть не может. «Кроппер» (кроррег) не имеет ни земли, ни инвентаря, ни мула, ни посевного материала, ни средств к существованию. Все это он получает от землевладельца-лэндлорда, которому принадлежит урожай. Часть выручки лэндлорд выплачивает кропперу. А так как до мизерного урожая кропперы у своего лэндлорда получили продукты, то в большинстве случаев оказывается, что кроппер в долгу у лэндлорда. Таким образом, кроппер абсолютно не заинтересован ни в улучшении хозяйства ни в улучшении земли. Он бродит от одного лэндлорда к другому. Текучесть кропперов огромна. Положение их, особенно в связи с обострением аграрного кризиса, чрезвычайно тяжелое. В то время как денежный доход среднего фермера США вне хлопкового пояса в 1936 г. составлял 1 189 долл., денежный доход южного фермера был равен 462 долл.

Аграрный кризис, как указывал Ленин, ведет не только к усилению дифференциации среди фермеров, к разорению мелких и средних фермеров, не только экспроприрует их и лишает мелкой собственности, но ведет к ухудшению питания скота и истощению самой основы сельского хозяйства — земли. Удобрений дается меньше, обработка становится хуже, ухудшается вся система хозяйства. Вся буржуазная печать подняла тревогу, когда засухи 1934 и 1936 гг. принесли огромный недобор урожая, особенно в районе «великих равнин». Рисовались поистине потрясающие картины: вымывание почв, эрозия, потеря почвой первоначального плодородия в связи с ликвидацией травяного покрова непрерывной бессменной культурой пшеницы. Пылевые бури (dust storms) переносили миллионы тонн почвы на тысячи

километров. Ливни смывали почву и через систему Миссисипи уносили в океан. Почва обеднела азотом, фосфором, кальцием.

Капиталистическая система хищнической эксплуатации земли приносит свои бедственные результаты. Особенно последовательно эта система проводилась в районе бывших плодородных прерий Америки: рынок диктовал увеличение посевов пшеницы, и ее посевы росли без какого-либо севооборота. В результате земли до крайности истощены, а в значительной части и вовсе превращены в песчаные дюны. Сотни тысяч фермеров бросают фермы и бегут, куда глаза глядят.

Мы приведем примеры движения урожайности пшеницы в США, из которых видно, что дает капиталистическая система хозяйства. Урожайность твердой озимой пшеницы (hard winter) с 1895 г. систематически падает, что видно из следующих данных:

1880—1890 гг.	12,8	бушеля	с	акра
1900—1910 »	12,1	»	»	»
1920—1930 »	11,3	»	»	»

Урожай яровой пшеницы по периодам:

1890 г.	12,7	бушеля
1910 »	12,6	»
1930 »	9,7	»

Урожай яровой пшеницы в районе прерий Канады:

1890 г.	18,0	бушеля
1910 »	18,4	»
1930	15,8	» ¹

Что касается штатов Небраска, Канзас, Оклахома и Техас и отчасти Колорадо, Уойоминг и Нью-Мексико, то здесь падение урожая твердой озимой пшеницы на протяжении указанных сорока лет обозначилось еще более отчетливо. Фермеры стремятся компенсировать это падение урожайности расширением запашек и площади посева. От этого положение только ухудшается. Некоторые буржуазные экономисты пытаются оправдать это наступлением полосы сухих десятилетий (dry cycle), континентальным характером климата прерий и т. д. На самом же деле причина этого одна капиталистическая система хозяйства.

Арендатор не заинтересован в наилучшей обработке земли. Удобрений дается очень мало, — на 14 центов на акр. Травы совершенно исчезли из применения. В центральном Канзасе и Оклахоме пшеница занимает иногда более 70% пахотной земли, и, таким образом, 7 лет из 10 поле занято пшеницей, причем в промежутках за ней идет ячмень, сорго, кукуруза, овес и очень редко люцерна. Буржуазный экономист Бенет, изучивший специально этот вопрос, пишет:

«В районе озимых пшениц, за исключением восточной его части, практикуется преимущественно длительный период непрерывных посевов пшеницы. На многих фермах значительная часть земли засеивается озимой пшеницей из года в год. За исключением восточных районов, применение удобрений совершенно ничтожно. Минеральные удобрения мало применяются и на востоке, а далее на запад даже хлевный навоз идет больше на пастбище, чем на пахотную землю, отчасти оттого, что затруднено его эффективное применение (во влажные годы — полегание, в сухие годы — выгорание пшеницы). В районе культуры озимой пшеницы за последние полстолетия не наблю-

¹ Wheat Studies, март 1908 г.

дается никакого улучшения пшеничного хозяйства»¹. Урожай колеблется крайне резко: от 5,5 до 17,7 бушелей с акра.

Яровая пшеница занимает главным образом штаты Северная и Южная Дакоты, Миннесота и Монтана, прилегающие к прериям Канады. Почвы здесь глубокие и очень плодородные. Здесь также пшеница следует за пшеницей. Перерывы под пар или травы очень редки. Местные и минеральные удобрения применяются в ничтожном количестве.

Площади с 80-х годов увеличились почти в 4 раза. В восточных, более влажных, районах пшеница хронически поражается ржавчиной; в западной части пояса на урожае отражаются губельно постоянные засухи².

Точно такая же картина наблюдается и в хлопковых районах.

Резкое ухудшение положения массы фермеров привело к бегству с ферм в города. Однако, острый промышленный кризис 1929—1932 гг. настолько повернул направление этого движения, свойственное капитализму, в обратную сторону, что в годы острейшего кризиса начался абсолютный прирост фермерского населения за счет волны городских безработных. В 1932 году из ферм в города перешло 1511 тыс. чел., из городов же прибыли 1777 тыс., т. е. на 266 тыс. больше. В дальнейшем при некотором оживлении отлив населения с ферм вновь повышается, так как положение на ферме становится невыносимым. Ушедшие с ферм пополняют и без того огромную армию безработных в городах.

Миновали времена, когда бурно развивалась колонизация США, когда росло фермерское население. Ныне в новой форме происходит изгнание фермеров с земли, «очистка» земель от малопродуктивных, мелких фермеров. Относительное перенаселение на фермах является результатом глубокого кризиса американского сельского хозяйства.

Противоречия гнивающего капитализма эпохи общего кризиса капитализма приводят к чудовищным мероприятиям — ограничению и сокращению производства. Если стальной и медный тресты для удержания на определенном уровне своих высоких цен и прибылей прибегают к резкому сокращению производства, выбрасывая на улицу миллионы безработных, то государственные деятели США задают себе вопрос: почему бы не применить в сельском хозяйстве те же методы. Департамент земледелия и пытается провести их в жизнь с одобрения президента и конгресса.

Новый закон предусматривает широчайшие полномочия для министра земледелия в деле регулирования размеров производства, рынка и самой системы производства. Закон дает министру земледелия право штрафовать «строптивных» и выдавать субсидии «послушным». И хотя всем ясно, что фермер, особенно масса мелких и средних фермеров, не может идти на самоликвидацию, тем не менее делается попытка именно этим способом вывести сельское хозяйство из кризиса.

Эта линия правительства встречает, однако, сопротивление в стране. Среди фермеров кукурузной полосы ширится движение против ограничений площадей посевов. Организована Лига свободы кукурузной полосы (The Corn Belt Liberty League). Движение зародилось в штате Иллинойс сразу же после принятия фермерского закона 1938 г. об ограничении производства и сбыта кукурузы, хлопка, пшеницы, табака и риса.

¹ Wheat Studies, март 1938, p. 245, 246.

² Wheat Studies, март 1938 г.

С ограничением производства в сельском хозяйстве будут выброшены на улицу буквально миллионы людей. При наличии армии безработных, превышающей 14 млн. человек, это может только еще больше углубить кризис.

Товарищ Сталин в беседе с английским писателем Г. Д. Уэллсом говорил о невозможности ликвидации кризисов на основе капиталистической системы хозяйств. «Даже если те американцы,— сказал товарищ Сталин,— о которых Вы говорите, частично добьются своей цели, т. е. сведут к минимуму этот ущерб, то и в этом случае они не уничтожат корней той анархии, которая свойственна существующей капиталистической системе. Они сохраняют тот экономический строй, который обязательно должен приводить, не может не приводить к анархии в производстве. Таким образом, в лучшем случае речь будет идти не о перестройке общества, не об уничтожении старого общественного строя, порождающего анархию и кризисы, а об ограничении отдельных отрицательных его сторон, ограничении отдельных эксцессов»¹.

Даже в самой мощной капиталистической стране капитализм не может разрешить аграрного кризиса. Противоречия между городом и деревней обостряются. Применяются меры, в эффективность которых никто не верит и которые создают предпосылки к дальнейшему обострению кризиса. Лишь ликвидация капиталистического способа производства может избавить человечество от той нищеты и голода, какую несет кризис миллионам людей.

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 600

А. РЕУЭЛЬ

Экономические взгляды Ткачева

По вопросу о роли Ткачева в истории революционного движения в нашей литературе существует ряд немарксистских, антиленинских концепций. Так, например, М. Н. Покровский видел в народническом движении 70-х годов черты будущей пролетарской революции. Ткачева Покровский называет «первым русским марксистом»¹. Это связано с его общими ошибочными установками, с его попытками уложить русский исторический процесс в прокрустово ложе безжизненных социологических схем.

В постановлении ЦК ВКП(б) «О пропагандистской работе в ближайшее время»² было указано, что «необходимо особенно разъяснить, что марксизм у нас вырос и окреп в борьбе с народничеством (народовольчеством и т. п.) как злейшим врагом марксизма, и на основе разгрома его идейных положений, средств и методов политической борьбы (индивидуальный террор, исключаящий организацию массовой партии)». В противовес этому положению некоторые представители «исторической школы» Покровского, впоследствии разоблаченные как враги народа, идеализировали народничество, восхваляли народовольчество и террористическую тактику народовольцев.

Антимарксистская, антиленинская трактовка народничества то и дело дает себя знать в оценке роли Ткачева и его взглядов.

То обстоятельство, что Ткачев находился под известным влиянием идей Маркса, отнюдь не значит, что он был предшественником марксизма в России. Ткачев находился под некоторым влиянием воззрений Маркса на рабочий вопрос. Однако учение Маркса, при том интерпретированное Ткачевым в духе буржуазной социологии, является только одним из элементов его путаных теоретических воззрений, ибо во взглядах Ткачева причудливо сочетались идеи экономического материализма, утилитаризма, бланкизма и народничества.

Народническое движение 70-х годов было порождено огромным размахом крестьянских восстаний, направленных против крепостнических пережитков в экономике пореформенной России, сопротивлением трудящихся политике самодержавия, угнетавшего колонии империи, развитием прогрессивно-освободительного движения против царизма. О социально-политической обстановке этой эпохи Ленин писал: «Оживление демократического движения в Европе, польское брожение, недовольство в Финляндии, требование политических реформ всей печатью и всем дворянством, распространение по всей

¹ М. Н. Покровский, Очерки истории революционного движения в России XIX и XX вв., Госиздат, 1927, стр. 50.

² «Правда», 14/VI 1935 г.

России «Колокола», могучая проповедь Чернышевского, умевшего и подцензурными статьями воспитывать настоящих революционеров, появление прокламаций, возбуждение крестьян, которых «очень часто» приходилось с помощью военной силы и с пролитием крови заставлять принять «Положение», обдирающее их как липку, коллективные отказы дворян — мировых посредников применять такое «Положение», студенческие беспорядки — при таких условиях самый осторожный и трезвый политик должен был бы признать революционный взрыв вполне возможным и крестьянское восстание — опасностью весьма серьезной»¹.

Идеологом угнетенного крестьянства выступила разночинная мелкобуржуазная интеллигенция. Об этом движении разночинной интеллигенции Ленин писал: «Падение крепостного права вызвало появление разночинца, как главного, массового деятеля и освободительного движения вообще и демократической, бесцензурной печати в частности. Господствующим направлением, соответствующим точке зрения разночинца, стало народничество. Оно никогда не могло, как общественное течение, отмежеваться от либерализма справа и от анархизма слева»².

Передовым борцом за социализм народники признавали не промышленный пролетариат, а крестьянство, которое в силу обычного уклада по самой своей природе якобы готово к бою за непосредственно социалистический переворот. «В 80-х годах XIX столетия, — писал товарищ Сталин о народничестве, — в среде русской революционной интеллигенции возник замечательный спор. Народники говорили, что главная сила, которая может взять на себя «освобождение России», — это бедное крестьянство. Почему? — спрашивали их марксисты. Потому, — говорили они, — что крестьянство многочисленнее всех и в то же время беднее всех в русском обществе. Марксисты отвечали: правильно, что крестьянство сегодня составляет большинство и очень бедно, но разве дело в этом? Крестьянство уже давно составляет большинство, но до сих пор оно без помощи пролетариата никакой инициативы не проявляло в борьбе за «свободу». А почему? Потому, что крестьянство, как сословие, изо дня в день разрушается, распадается на пролетариат и буржуазию, тогда как пролетариат, как класс, изо дня в день растет и крепнет. И бедность не имеет тут решающего значения: «босяки» беднее крестьян, но никто не может сказать, что они возьмут на себя «освобождение России».

Дело лишь в том, кто растет и кто стареет в жизни. И так как пролетариат — единственный класс, который непрерывно растет и устремляется к жизни, поэтому наш долг встать рядом с ним и признать его главной силой русской революции, — так отвечали марксисты. Как видите, марксисты с диалектической точки зрения смотрели на вопрос, в то время как народники рассуждали метафизически, так как на жизнь смотрели как на «застывшую на одной точке»³.

Таким образом, кадры народнического движения рекрутировались из разночинной интеллигенции, которая претендовала на роль идейного и политического руководителя движения крестьянских масс против самодержавия и крепостничества.

¹ Ленин, Соч., т. IV, стр. 126.

² Ленин, Соч., т. XVII, стр. 341—342.

³ Берия, К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье, 1936 г., стр. 63—64.

Развитие движения народничества 70-х годов прошло ряд последовательных этапов, теоретическое обоснование которых дали Лавров, Бакунин и Ткачев. Лавров был сторонником мирного, пропагандистского метода подготовки революции; Бакунин, представитель анархизма, отстаивая безгосударственное состояние общества, на словах ратовал за крестьянский бунт, а по существу оказывал крупные услуги буржуазии, Ткачев же занимался оправданием вредной деятельности бакунистов. Энгельс пишет: «...Ткачев дает немецким рабочим совершенно превратное представление о положении дел в России, чтобы оправдать таким способом деятельность бакунистов по отношению к России,— это заставляет выступить с возражениями»¹. Считая, подобно Бакунину и Лаврову, что крестьянин является «коммунистом по инстинкту», он полагал вместе с тем, что положительные идеалы крестьянства не революционны. Это приводило его к выводу, что подлинным деятелем революции является лишь разночинная интеллигенция, объединенная в централизованную заговорщическую организацию.

Ткачев был революционным деятелем 60—70-х годов, этого знаменательного этапа в истории народнического движения в стране, где капитализм делал свои первые шаги, а массовая пролетарская партия еще отсутствовала. Будучи в своих теоретических воззрениях народником, Ткачев среди революционных течений своей эпохи занимал особую позицию, которая являлась предвосхищением народолюбческого движения. Проповедь Ткачева вдохновляла деятелей «Народной Воли».

О явно враждебной позиции Ткачева к марксизму свидетельствуют не только его философские и социологические воззрения, не только его экономические взгляды, которые представляют собой эклектическую смесь различных буржуазных и мелкобуржуазных течений и элементов вульгарного материализма. Ткачев вел непосредственную борьбу с марксизмом в своих литературных работах. Он обвинял основоположников марксизма... в отсутствии «революционного инстинкта», он утверждал, будто программа Интернационала исходит из мечты о наступившей эпохе «бескровных революций».

Энгельс подверг жестокой критике народническую, бланкистскую схему русской революции Ткачева, разоблачил ее псевдореволюционную сущность.

Занимая враждебную марксизму позицию, Ткачев в отдельных своих высказываниях ссылался на Маркса, предварительно *подвергая его идеи ревизионистскому искажению. Это в равной мере относится и к Бакунину, и к Лаврову, и к народникам 90-х годов. Объяснение этому факту в свое время дал Ленин: «... марксизм был, уже начиная с 80-х годов (если не раньше), такой бесспорной, фактически господствующей силой среди передовых общественных учений Западной Европы, что в России теории, враждебные марксизму, не могли долгое время выступать открыто против марксизма. Эти теории софистировали, фальсифицировали (зачастую бессознательно) марксизм, эти теории как бы становились сами на почву марксизма и «по Марксу» пытались опровергнуть приложение к России теории Маркса!»².

В основе социально-экономических воззрений Ткачева лежат ошибочные, путанные представления о философии. Ткачев весьма пре-

¹ Маркс и Энгельс, т. XV, стр. 241.

² Ленин, Соч., т. XV, стр. 94.

зрительно отзываясь о философии и философах. Деятельность философов он считает «безнравственной» и «возмутительной», ибо она является, по его мнению, эксплуатацией человеческой глупости. По Ткачеву, всякий трезвый и разумный человек признает за философией чисто историческое значение, он не верит в ее прогресс, отрицает ее будущее.

Таким образом, Ткачев не проводит различия между философскими направлениями. Для него не существует различие противоположности двух основных линий в философии — материализма и идеализма.

Как о «чепухе» отзываясь Ткачев и о философии Гегеля. Нет «ни малейшего разумного основания, ни малейшей действительной причины заниматься гегелевской философией», — писал Ткачев. Своим пренебрежительным отношением к Гегелю Ткачев напоминает Бюхнера, Ланге, Дюринга, Фехнера и др., о которых еще Маркс с презрением говорил, что они третируют Гегеля, как «мертвую собаку»¹.

Отметим также характеристику диалектического метода, данную Ткачевым². По существу он не проводил различия между метафизической и диалектикой. Последняя представляется ему игрой рассудочных категорий, оторванных от объективной действительности.

Теоретические воззрения Ткачева по вопросам философии настолько убоги, что на них не стоит долго останавливаться. Рассмотрим лишь его ошибочные воззрения на взаимоотношения естественных и общественных наук, поскольку эти воззрения связаны с важнейшими выводами Ткачева по социальным вопросам. Ткачев исходит из того, что к явлениям природы следует относиться объективно, к явлениям же общественной жизни — критически. Если явления природы подчиняются общим законам, имеющим более или менее безусловный характер, то, по неправильному мнению Ткачева, «...явления общественные не могут и не должны быть возводимы в законы...»³.

Ткачев — сторонник идеалистической классификации наук в духе буржуазной социологии; в качестве конституитивного признака научных дисциплин он выдвигает субъективный момент — точку зрения исследователя. Более того, Ткачев, по существу, отрицает закономерность общественных явлений, ошибочно отождествляя ее с правомочностью существующего общественного строя. По Марксу, всякая наука, задача которой заключается в том, чтобы «видимое, выступающее на поверхности явлений движение свести к действительному внутреннему движению», имеет дело с закономерностями, соответствующими специфическим формам движения. «К л а с с и ф и к а ц и я наук, — писал Энгельс, — из которых каждая анализирует отдельную форму движения или ряд связанных между собой и переходящих друг в друга форм движения, является также классификацией, иерархией, согласно присущему им порядку, самих этих форм движения, и в этом именно и заключается ее значение»⁴. Таким образом, в противоположность буржуазной социологии, в плену которой находился Ткачев, в основу классификации наук Энгельс кладет различие форм движения материи. Ткачев отрицает необходимость изучать законы общественных явлений, в то время как задача всякой науки заключается в отыскании закономерностей специфической формы движения.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVI, стр. 58.

² П. Н. Ткачев, Юридическая метафизика, Избр. соч., изд. Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, М. 1935, т. V, стр. 18. В дальнейшем Ткачев цитируется по этому изданию.

³ П. Н. Ткачев, Рецензия на книги Ю. Жуковского, т. I, стр. 69.

⁴ Энгельс, Диалектика природы, Партиздат, 1936, стр. 18.

Стоя на совершенно ошибочной идеалистической методологической позиции, Ткачев не мог правильно интерпретировать метод Маркса, хотя сам ссылается на этот метод как на единственно правильный метод изучения социальных явлений. Ткачев указывает, что метод, «сформулированный Марксом в работе «К критике...», сделался почти общим достоянием всех мыслящих людей». «... Стремление человека к улучшению своего положения прежде всего должно выражаться в интересе экономическом, который таким образом и составляет настоящую закваску, настоящее начало, своеобразно выражающееся в праве и политике. Великая практическая важность подобного мировоззрения заключается в том, что оно сосредоточивает энергию и деятельность людей, искренно преданных общественному делу, около самых насущных животрепещущих интересов народа...»¹. В действительности же Ткачев старается причесать Маркса под гребенку... Бентама. Ткачев пытается сочетать своеобразно понимаемый им примат экономических явлений над всеми сторонами социальной жизни с утилитаризмом.

Бентама, этический принцип которого «наибольшее счастье наибольшего количества людей» сводится к идеальной безопасности собственника, охраняемого буржуазным государством, Бентама, этого, по словам Маркса, педантически трезвого болтливого оракула буржуа, Ткачев считает замечательным мыслителем, ибо своим принципом индивидуального счастья он выдвинул твердые правила для оценки людских действий и поступков².

Ткачев противопоставляет метод Маркса, именуемый им методом аналитико-критическим, объективному методу естествознания. По Ткачеву, изучать объективные закономерности — значит признавать нормальным наличный социально-политический режим. Он совершает здесь ошибку, типичную для народников, которые не понимали, что, лишь став на почву объективных закономерностей, можно с успехом бороться за их изменение.

Влиянием экономического материализма и утилитаризма окрашены и социологические воззрения Ткачева. По Ткачеву прогресс предполагает целесообразное движение, которое увенчивается определенным результатом. Понятие прогресса немыслимо без понятия цели.

Целью человеческого общества и критерием его прогресса Ткачев, в согласии с Бентамом, считает счастье всех составляющих его индивидов. Если история развития природы всегда прогрессивна, то история общества только тогда прогрессивна, когда она приближает общество к осуществлению его цели — доставить счастье всем людям.

По Ткачеву, как в обществе, так и в природе сильные господствуют над слабыми. В царстве животных и растений это приводит к дальнейшему усовершенствованию организмов. Однако, на почве социальных отношений самые понятия сила и слабость приобретают другой характер, — они означают отнюдь не то или иное физиологическое совершенство организмов: сильными считаются люди, обладающие большим количеством средств к существованию.

Поэтому общий закон природы — борьба сильных со слабыми — на почве социальных отношений искажается и теряет свой разумный смысл.

¹ П. Н. Ткачев, Рецензия на книги Ю. Жуковского, т. I, стр. 70.

² П. Н. Ткачев, Рецензия на книгу И. Бентама, т. V, стр. 376—377.

Борьба за существование, будучи прогрессивным фактором в природе, в условиях человеческого общества никогда не могла бы вывести даже из первобытного состояния дикарей-каннибалов.

Ткачев пишет: «Экономический прогресс, а следовательно, и цивилизация, возникают впервые именно там, где борьба за существование прекращается, где люди совсем перестают между собой бороться или начинают бороться, но уже не за существование, а за богатство, т. е., правильнее, за капитал»¹. Таким образом, Ткачев датирует начало цивилизации периодом прекращения борьбы за существование и начала борьбы за капитал. По Ткачеву, «... вечная, непрерывная, ожесточенная борьба за богатство, или, выражаясь точнее, за самую соблазнительную форму богатства — за капитал — и составляет такую же выдающуюся и характеристическую черту в истории гражданского общества, как борьба за существование в истории органической природы»². Он признает, что борьба за капитал была существеннейшим стимулом экономического прогресса, она способствовала развитию и накоплению богатства, она привела к смене ремесла мануфактурой, а последнюю — фабрикой. Однако накопление богатств и усовершенствование производства, по Ткачеву, никогда не могут служить целью развития общества и критерием его совершенства.

В приведенных нами рассуждениях Ткачев применяет к историческому процессу дарвинову идею борьбы за существование, где вместо борющихся классов выступают сильные и слабые, являющиеся своеобразными носителями капитализированных сил. Подобно представителям социального дарвинизма Ткачев исходит из того, что свойства общества определяются свойствами изолированно взятой человеческой природы, которую, в свою очередь, он рассматривает как результат приспособления человека к окружающей среде.

Классики марксизма неоднократно клеймили, едко высмеивали пошлую попытку решения социологических проблем путем простого перенесения биологических понятий в область общественных наук. В письме к Кугельману 27 июня 1870 г. Маркс писал о дарвиновском законе борьбы за существование: «... вместо того, чтобы анализировать «борьбу за существование», как она проявляется исторически в различных определенных формах общества, дело сводится лишь к тому, чтобы подгонять всякую конкретную борьбу под фразу «борьба за существование», а эту фразу — под мальтусовскую «фантазию о народонаселении»³.

Исключительный интерес представляют высказывания Энгельса в письме к П. Лаврову и в «Диалектике природы» против перенесения категории животного царства на жизнь человеческого общества.

Социологические воззрения Ткачева характеризуются наряду с модифицированной для человеческого общества идеей борьбы за существование также идеями экономического материализма. Так, например, он рассматривает экономические интересы, как «те тайны, скрытые пружины, которые в сущности заправляют историческими судьбами народа, которые подчиняют своему влиянию не только политическую, но и умственную жизнь наций»⁴. Он неоднократно говорит о примате экономики по отношению к праву, нравственности, государству и т. п. Однако это у него уживается с утилитаристическими воззрениями, с признанием также движущей силой исторического процесса людских аффектов, принципа войны и т. п.

¹ П. Н. Ткачев, Наука в поэзии и поэзия в науке, т. II, стр. 113—114.

² Там же, стр. 141.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVI, стр. 58.

⁴ П. Н. Ткачев, Рецензия на книгу А. Карреля, т. I, стр. 88—89.

По своим социологическим воззрениям Ткачев — типичный эклектик, пытающийся сочетать ряд враждебных марксизму концепций с признанием правоты Маркса, интерпретированного, однако, в духе экономического материализма.

Основным фактом современной ему хозяйственной жизни Ткачев считает обмен, который и должен быть единственным объектом изучения политической экономии. Отсюда он делает вывод, что политическая экономия должна «начинать с обмена и ограничиваться одним обменом»¹.

Ткачев считает, что политическая экономия не должна изучать законы производства, ибо последние принадлежат к группе фактов, подлежащих строгой научной классификации.

«... что за странное сочетание,— восклицает Ткачев,— ... точные, строгие, математически строгие законы производства и эмпирическая теория обмена, где все случайно, произвольно»². Вообще, Ткачев склонен думать, что экономические и юридические факты не подлежат научной классификации, ибо они представляют собой совокупность произвольных, случайных, эмпирических данных. Политическая экономия, по Ткачеву, должна быть реформирована — превращена в нормативную науку, которая должна обосновать пути к осуществлению справедливого распределения. Он считает, что экономисты мало интересуются вопросами народного богатства и еще менее вопросами его распределения, между тем как задача юристов и экономистов заключается «в изыскании средств к умножению материального богатства людей (т. е. их прав) и его равномерному распределению (т. е. равноправию)»³.

Трактовка Ткачевым предмета политической экономии типична для мелкобуржуазного утописта: политическая экономия должна быть наукой не о сущем, а о должном, она должна найти пути и методы справедливого распределения богатства. Утверждение, что обмен является основным фактом хозяйственной жизни, что задача политической экономии сводится к изучению путей справедливого распределения богатства, отражает общие социологические воззрения Ткачева: задача общества — обеспечить счастье составляющих его членов.

Проблема распределения для Ткачева по существу проблема этическая, ибо она связана с торжеством принципов утилитаризма. Он не понимает, что отношения распределения представляют собой обратную сторону отношений производства. Взгляд Ткачева на предмет политической экономии находится также в тесной связи с проводимым им разграничением общественных и естественных наук, с его утверждением, что в общественных науках должен господствовать критический метод, привносящий в область социальных явлений телеологический момент. Ткачев провозглашает примат утилитаристической этики над политической экономией. Ошибка его заключается, конечно, не в том, что он требует оценки экономических явлений, а в том, что у него оценка отрывается от изучения реальных закономерностей. Субъективизм и идеализм Ткачева — это собирательные черты мелкобуржуазного демократа.

¹ П. Н. Ткачев, Рецензия на книгу Н. Рождественского «О значении Д. С. Милля», т. V, стр. 317.

² Там же.

³ П. Н. Ткачев, Рецензия на книгу Ю. Жуковского «Политические и общественные теории XV века» и «Прудон и Луи Блан», т. I, стр. 75.

Как и все социалисты-утописты, Ткачев уделяет значительное внимание критике капиталистической системы. В этой критике имеется много правильных положений. Ткачев констатировал ряд противоречий, но, подобно другим утопистам, он не смог вскрыть основного, наиболее глубокого противоречия капитализма, не смог показать неизбежности обнищания рабочего класса, не смог выявить всемирно-исторической роли пролетариата как могильщика капитализма. Ткачев характеризует капиталистический хозяйственный режим как режим анархии экономических отношений, как промышленную анархию, вечную, ни на минуту не прерывающуюся борьбу, «которая делает из людей поочередно то рабов, то тиранов»¹. Как известно, критика Сен-Симоном и Фурье капитализма шла также преимущественно по этой линии.

Свобода и индивидуализм являются, по Ткачеву, краеугольным камнем всей капиталистической хозяйственной системы. Однако, он подчеркивает, что провозглашенная буржуазией безусловная свобода и безграничность личных индивидуальных прав человека имеет реальное значение только для буржуазии. Для большинства же людей эти принципы носят лишь формальный характер. Благодаря конкуренции осуществляются непрерывный перелив капиталов и их концентрация, «средняя норма цены труда» определяется свободным соотношением предложения и спроса, а эта игра хозяйственных сил увенчивается безграничным расширением производства, являющимся источником все возрастающих потребностей.

Основными признаками капитализма Ткачев считает промышленную анархию и конкуренцию. По вопросу о конкуренции он не соглашается с теми, которые считают, что конкуренция, вытекающая из самой сущности человеческой природы, присуща всем периодам развития народного хозяйства. Ткачев считает, что мысль о неизбежности конкуренции при всякой экономической системе нуждается в строгой проверке.

Взгляд Ткачева на конкуренцию пропитан резко выраженным психологизмом. Конкуренция, которая в представлении Ткачева выступает как один из существеннейших признаков капитализма, трактуется им либо как результат борьбы людей за существование, либо как продукт человеческой природы, эгоистического стремления человека быть совершеннее других. Мы уже не говорим о том, что самые принципы эти — борьбы за существование и стремление человека к превосходству над другими людьми — взяты из арсенала буржуазной социологии. Признавая, что капиталистический способ производства базируется на конкуренции, на господстве анархии производства, которые являются одновременно источниками бедствий и прогресса, Ткачев все же не понимает, что конкуренция представляет собой соревнование ради прибыли.

Но он не ограничивается общим определением капитализма, как общества, основанного на конкуренции, он пытается вскрыть противоречивость капитализма, своеобразие происходящей в нем борьбы. Характерной чертой капитализма Ткачев считает отождествление понятия о силе вообще с представлением об исключительной силе капитала, денег. Экономическим результатом этой борьбы является расширение средств к существованию немногих за счет многих, а юридическим последствием — подчинение последних первым.

¹ П. Н. Ткачев, т. I, стр. 74.

Капитализм Ткачев характеризует как режим социальной антропофагии, как режим ежедневно совершающегося людоедства в цивилизованных формах, как социальный строй, где привилегированную роль играет «движимый капитал», где прошлый «кристаллизованный труд» порабощает труд текущий и господствует над ним.

Характеризуя капитализм как строй, где господствует «дисгармония экономических отношений», где идет борьба «противоположных начал экономической жизни», Ткачев отмечает наличие в нем классовых противоречий. «В экономической сфере, при данной системе хозяйственных отношений,— пишет он,— господствуют классы, интересам которых, ... диаметрально противоположны интересы рабочих»¹. «Интерес капитала», безусловно, господствует над «интересом рабочего» ввиду диаметральной противоположности этих интересов. Никакая сделка между ними немыслима «... один всегда будет стремиться к господству над другим»².

Не ограничиваясь общей характеристикой капитализма, Ткачев пытается сформулировать сущность скрытых его противоречий. Отмечая, что существующие в условиях капитализма «отношения труда к производству» не соответствуют истинным требованиям разумного общежития, ибо они направлены против интересов труда и порождают рабство и анархию, Ткачев объясняет нерациональность этих отношений тем, что «...реальные, фактические отношения труда к производству постоянно искажаются и уродуются под влиянием предрассудков и привилегий, унаследованных от давно прошедших времен»³.

Главную причину несчастий и страданий современного ему общества следует, по Ткачеву, искать в «неправильных условиях» его экономического режима. Указывая на противоречивые условия, в которые поставлен труд в Западной Европе, Ткачев пишет:

«Указанные нами противоречия могут быть выражены таким образом: труд признается за право, присущее всем людям, с одной стороны, с другой — возможность пользоваться этим правом, пользоваться вполне и безусловно, представляется только очень немногим, избранным. Так что противоречие является главным образом между правом и возможностью...»⁴.

Таким образом, сущность противоречий капиталистического способа производства сводится Ткачевым к противоречию между наличием права на труд и возможностью реализации этого права. Однако он полагает, что буржуазный прогресс, нивелируя людей, уничтожая разделяющие людей племенные и национальные перегородки, бессознательно подготавливает почву для торжества идеи братства и равенства.

В анализе противоречий капитализма рельефно проявляется идеализм, утопизм Ткачева. Он правильно указывает на противоположность интересов капитала и труда, на господство труда прошлого над настоящим, труда овеществленного над живым, однако эти положения отнюдь не возвышают его над уровнем социалистов-утопистов. Корни анархии производства, противоположности интересов капитала и труда, порабощения труда настоящего трудом прошлым Ткачев ищет в противоречии между существующим в условиях капитализма правом на труд и возможностью его реализации, в дуализме

¹ П. Н. Ткачев, Предисловие и примечание к книге Бехера «Рабочий вопрос» т. I, стр. 410.

² П. Н. Ткачев, Рецензия на книгу Э. Пфейффера «Об ассоциации», т. I, стр. 84.

³ П. Н. Ткачев, Предисловие и примечание к книге Бехера «Рабочий вопрос», т. I, стр. 406.

⁴ П. Н. Ткачев, Женский вопрос, т. I, стр. 401. Разрядка автора.

между правом фиктивным и правом активным, т. е. не в производственных, а в правовых отношениях.

Ленин писал: «Анархия производства», «отсутствие планомерности (Planlosigkeit) производства» — о чем говорят эти выражения? О противоречии между общественным характером производства и индивидуальным характером присвоения»¹.

Для Ткачева, как и для народников, этого противоречия не существует. Утопизм Ткачева особенно наглядно выражается в его постановке вопроса о гибели капитализма. Необходимость замены капитализма другой системой Ткачев выводит не из развития внутренних противоречий капитализма, а из того, что капитализм противоречит человеческой природе, и поэтому он как строй неразумный и противостественный обречен на гибель, на смену новой, более разумной формой общежития. Капитализм должен быть, по Ткачеву, устранен в интересах всеобщей пользы. Не поняв подлинной сущности противоречий капиталистического способа производства, найдясь под влиянием буржуазной социологии, Ткачев рассматривает капитализм как режим, противоречащий человеческой природе, как режим, который должен быть устранен во имя всеобщей пользы. Это является по существу, применением утилитаристического принципа к обоснованию замены капитализма гармоничной формой человеческого общежития.

По вопросу о стоимости мы находим в работах Ткачева ряд высказываний, свидетельствующих о том, что эту проблему он понимает в духе вульгарной политической экономии. Для него вопрос об определении стоимости скрытым за ней трудом сводится к вопросу о регулировании цены. По Ткачеву, рыночная цена вытекает из промышленной анархии, отыскивать же в колебаниях рыночных цен среднюю цену и возводить ее в норму обмена — это значит пытаться регулировать анархию.

Эклектизм Ткачева весьма отчетливо выразился в его воззрениях на капитал. По этому вопросу взгляды Ткачева характеризуются пестрым смешением воззрений вульгарной буржуазной экономической науки с позаимствованной у Лассаля трактовкой капитала как исторически обусловленного общественного отношения. Хотя нужно отметить, что и трактовка Лассаля представляет собой плагиат из Маркса, опошленный воззрениями вульгарной политической экономии.

Отметим понимание Ткачевым господства при капитализме вещественного фактора производства над личным — тезис, неоднократно подчеркиваемый социалистами-утопистами. Об этом писал и Герцен.

Наряду с тенденцией трактовать капитал как категорию социальную, исторически обусловленную, в работах Ткачева резко выражен также взгляд на капитал как на категорию внеисторическую, пригодную для всех времен и народов.

Хотя Ткачев и иронизирует над тенденцией буржуазной науки включить в понятие капитала великодушие, любовь и т. п., тем не менее сам он рассматривает умственное богатство как капитал, приносящий доход подобно «вещному» капиталу. Здесь он скатывается к вульгарной трактовке «невещественного капитала» у Сэя, считавшего производительной в смысле невещественных продуктов всякого вида дея-

¹ Ленин, Соч., т. II, стр. 39.

тельность, потребительная стоимость которой реализуется в момент ее производства. Если признать, что «умственное богатство» является капиталом, то отсюда неизбежно вытекает вывод, что квалифицированный рабочий наряду с заработной платой получает еще и прибыль на свой капитал.

Естественно, что, отождествляя капитал с вещью, с умственными способностями, Ткачев распространяет значимость категории капитала как на добуржуазные, так и на послебуржуазные стадии общественного развития. Для взглядов Ткачева на проблему заработной платы характерно наличие двух мотивов — тяготение заработной платы к минимуму потребностей и ее обоснование взаимодействием спроса и предложения.

Тяготение уровня заработной платы к минимуму средств существования Ткачев объясняет принципом спроса и предложения, он выдвигает также ряд формулировок в духе вульгарной и апологетической теории фонда заработной платы.

Ткачев пишет как об общеизвестном «эмпирическом факте», что заработная плата, обуславливающая материальный и нравственный быт рабочих, определяется отношением капитала, т. е. известной части продуктов страны к числу работников. По существу, он признает основные идеи теории фонда заработной платы, т. е. отождествляет капитал со средствами существования и утверждает, что заработная плата рабочего зависит от заранее ограниченной суммы капитала и общего числа рабочих.

Таким образом, в трактовке заработной платы у Ткачева сказываются мотивы «железного закона заработной платы» и теории фонда заработной платы. Подобно теоретикам «железного закона заработной платы» он исходит из положения, что заработная плата тяготеет к голому физиологическому минимуму, что продается не рабочая сила, а труд. Подобно сторонникам теории фонда заработной платы он считает, что заработная плата зависит от размера фонда средств существования, предназначенных для рабочего класса. Ткачев не понимает, что зависимость здесь как раз обратная, что источником заработной платы является не капитал предпринимателя, а стоимость продукта, в которой осуществлен труд рабочих.

В своей трактовке заработной платы Ткачев игнорирует наличие промышленной резервной армии рабочих, являющейся неизбежным и необходимым спутником развития капитализма. Он не понимает, что предложение труда превышает спрос на него, потому что капиталистическое накопление создает во все возрастающих размерах избыточное население, что колебания заработной платы обуславливаются состоянием промышленной резервной армии, изменяющейся под влиянием движения фаз промышленного цикла.

К числу наиболее жгучих проблем современной ему эпохи Ткачев относит положение рабочего класса. Общая точка зрения Ткачева — положение рабочего класса в условиях капиталистического хозяйственного режима абсолютно улучшается, ухудшаясь относительно.

Ткачев ссылается на Лассалья, который «человеческим отношениям» господина к рабу в древнем мире, феодального барона к крепостному или вассалу в средние века противопоставлял «бесчеловечную физиономию» буржуазного периода, холодные, безличные отношения работодателя к работнику, как к вещи. Но у Ткачева мы встречаем не только высказывания общего характера по «рабочему вопросу», а и ряд более конкретных соображений о деградации пролетариата в ус-

ловнях капитализма, о влиянии машин на положение рабочего класса, о женском и детском труде и т. д.

По вопросу о влиянии машин на положение рабочего класса мы встречаем у Ткачева ряд правильных замечаний, заимствованных им из «Капитала» К. Маркса. Ткачев неоднократно отмечает связь между промышленным прогрессом в условиях капиталистического способа производства и изобретением машин. Он отмечает как общее свойство машинного производства стремление к централизации рабочих сил и капиталов¹. Ткачев понимает различие между машиной как производительной силой, назначение которой облегчить труд человека в его борьбе с природой, и капиталистическим применением машин, которое порабощает, угнетает рабочего.

Машина рассматривается Ткачевым как фактор, который должен уничтожить противоположность между умственным и физическим трудом.

Ткачев неоднократно говорит о «...напряженном, нередко чисто механическом, притупляющем ум занятии»² рабочих. Машина притупляет умственные способности рабочего, человек вырождается в жалкий придаток машины. Ткачев говорит о сокращении средней продолжительности жизни рабочего, о понижении его роста, о наличии патологических явлений среди рабочего населения, как о факте обыденном. Он отмечает также понижение заработной платы в результате введения машин, приводит ряд иллюстраций к тому, как «Изобретение швейной и вязальной машины повлияло самым губительным образом на задельную плату ручных швей»³. Рабочий может потерять свою работу в силу самых разнообразных причин. «Какой-нибудь кризис, изобретение какой-нибудь новой машины, какая-нибудь неудавшаяся спекуляция, неурожай или плодородие, тревожный политический слух — и он теряет свою работу...»⁴.

Более того, Ткачев пытается сформулировать наличие в условиях капитализма роста богатства на одном полюсе и нищеты на другом. Тенденция экономического прогресса, тенденция капитала, необходимое условие его существования заключается в непрерывном увеличении массы производимых продуктов. Чем производительнее капитал, тем более он конкурентоспособен. Отсюда расширение производства в «чудовищной прогрессии». «Таким образом,— говорит Ткачев,— при постоянно увеличивающейся сумме общественных потребностей истощение рабочих сил будет продолжаться, и, следовательно, раса рабочих попрежнему будет вырождаться, тупея умственно, ослабевая физически; круг потребностей рабочих станет все более и более ограничиваться, нищета и бедность все более и более возрастать»⁵. По Ткачеву, капитализм стирает как национальные, так и индивидуальные различия между рабочими. Пролетариат, благодаря фабричному производству, нивелируется.

Ссылаясь на свидетельство публицистов, изучавших быт французских и английских рабочих, Ткачев утверждает, что «...быстрое развитие машинного производства, технические усовершенствования и чрезмерное разделение труда, вызванные без сомнения прогрессом наших знаний, во многих отношениях ухудшили положение рабочих

¹ П. Н. Ткачев, Женский вопрос, т. I, стр. 393.

² П. Н. Ткачев, Рецензия на книгу Эд. Пфейффера «Об ассоциации», т. I, стр. 80.

³ П. Н. Ткачев, Женский вопрос, т. I, стр. 390.

⁴ П. Н. Ткачев, Рецензия на книгу Эд. Пфейффера «Об ассоциации», т. I, стр. 80.

⁵ П. Н. Ткачев, Закон общественного самосохранения, т. II, стр. 151.

и способствовали понижению нравственного уровня в среде их»¹. Таким образом, предвосхищая извращения ревизионистов каутскианского типа, Ткачев ограничивается лишь признанием относительного обнищания рабочих.

Наряду с отрицанием абсолютного обнищания рабочего класса у Ткачева встречаются утверждения о деградации рабочих при капитализме, о том, что не может быть и речи ни о каком умственном развитии и нравственном совершенствовании рабочих при капитализме.

Говоря о физической деградации рабочих при капитализме, Ткачев, однако, не понимает, что если рабочий класс равнодушен к специфической сфере приложения своего труда, если труд для него в условиях капиталистической каторги — проклятие и мука, то сам механизм производства и классовая борьба являются школой для рабочего, где он готовится к своей высокой исторической роли могильщика капитализма и строителя коммунизма. Непонимание этого момента у Ткачева связано с его игнорированием ведущей роли пролетариата в революционном движении.

В недавно опубликованном черновом эскизе к первому тому «Капитала» Маркс, говоря об отчуждении капиталистом труда рабочего, характеризует в следующих замечательных строках положение рабочего в капиталистическом обществе: «Рабочий здесь с самого начала стоит выше, чем капиталист, постольку, поскольку последний уходит корнями в этот процесс отчуждения и находит в нем абсолютное удовлетворение, между тем как рабочий в качестве его жертвы с самого начала восстает против него и воспринимает его как процесс порабощения»².

Пролетарий выше капиталиста, ибо он является носителем нового строя общественных отношений, ибо он совершает социалистическую революцию, которая представляет собой важнейшую веху в развитии человеческого общества, конец его предистории.

Говоря о влиянии машин на положение рабочего класса, анализируя противоречия между производительной силой машины и ее капиталистическим применением, Ткачев находится под влиянием идей первого тома «Капитала» Маркса. Однако, в центральном вопросе — в вопросе о характере обнищания рабочего класса — позиция Ткачева противоречива. Мы видели, что он то признает лишь относительное обнищание, то говорит о физической деградации рабочих. Ткачев пишет о понижении заработной платы, однако, признавая лишь относительное обнищание, он не понимает, что «... в ходе развития заработная плата понижается двояким образом:

в о-п е р в ы х, относительно, по отношению к развитию общего богатства;

в о-в т о р ы х, абсолютно, так как количество товаров, которые рабочий получает в обмен, все уменьшается»³. Неудивительно, что Ткачев, говоря о физической, умственной и нравственной деградации пролетариата под железной пятой капитала, считает его классом консервативным и отказывает ему в революционности.

Возможность немедленной социальной революции в России Ткачев пытается обосновать путем анализа специфических, в отличие от

¹ П. Н. Ткачев, Рецензия на книгу Д. Льюиса и Д. С. Милля «Ог. Конт и положительная философия», т. V, стр. 329.

² Архив Маркса и Энгельса, Партиздат, 1933, т. II (VII), стр. 35.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. V, стр. 645.

Запада, социально-политических условий русской действительности. Он пишет:

«Мы, верящие в возможность и осуществимость в ближайшее время социальной революции в России... мы стоим на твердой почве... Наши верования... являются логическим выводом из всего того, что нам известно об условиях жизни русского народа»¹.

По Ткачеву, Россия в ряду других стран занимает исключительное положение. Если коренные причины социальных неурядиц в России те же, что и на Западе, то в Западной Европе благодаря более высокому развитию экономической жизни они проявляются в более рельефных формах и их пагубное влияние на все стороны социальной жизни, в особенности на сферу политическую, нагляднее, осязательнее. Если на Западе пролетариат порожден развитием промышленности, эксплуатацией и конкуренцией, то в России образование пролетариата, по мнению Ткачева, связано с невысоким уровнем промышленного и торгового развития. Россия, по ошибочному мнению Ткачева, лишена также и буржуазии, ибо власть капитала находится здесь еще только в зародыше. Наше *tiers état*² состоит более чем наполовину из пролетариев, из нищих, и только в меньшинстве его начинают выработываться настоящие буржуа в западно-европейском смысле этого слова»³.

Что касается землевладельцев, то они, как уверял Ткачев, и по своей численности и по своему экономическому весу играют ничтожную роль. Не представляют собой ни экономической, ни политической силы и высшие классы русского общества, к которым Ткачев причисляет и купечество. Он проводит также принципиальное различие между государством в условиях Запада и России. Если западноевропейское государство зиждется на силе капитала, то в России государство якобы не имеет никаких корней в социально-экономических условиях страны: В России «... общественная форма обязана своим существованием государству, государству, висящему, так сказать, в воздухе, государству, которое не имеет ничего общего с существующим социальным строем и корни которого находятся в прошлом, а не в настоящем»⁴.

Полемизируя с Ткачевым, Энгельс разъясняет ему социальную базу самодержавия, чьи интересы оно отражает и на какие слои населения оно опирается. Энгельс пишет: «В Европейской России крестьяне владеют 105 миллионами десятин земли, дворяне (как я называю здесь для краткости крупных землевладельцев) — 100 миллионами десятин, из которых почти половина принадлежит 15 000 дворян, имеющих, таким образом, в среднем по 33 000 десятин каждый. Крестьянской земли, следовательно, только чуть-чуть больше, чем земли дворянской. Как видите, у дворян нет ни малейшей заинтересованности в том, чтобы существовало русское государство, обеспечивающее им владение половиною страны!»⁵.

Наряду с крупными землевладельцами Энгельс указывает и на другие эксплуататорские группы. Тут и ростовщик, и кулак, и хлеботорговец, и крупная буржуазия, развивающаяся благодаря строительству железных дорог, и экспортеры продуктов сельского хозяйства, и армия чиновников. «И когда после этого г. Ткачев уверяет нас,— пишет Энгельс,— что русское государство ...висит «в воздухе», то нам

¹ П. Н. Ткачев, т. III, стр. 92.

² Третье сословие, буржуазия.— Ред.

³ П. Н. Ткачев, Задачи революционной пропаганды в России, т. III, стр. 69.

⁴ П. Н. Ткачев, Открытое письмо Фридриху Энгельсу, т. III, стр. 92.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, стр. 254.

начинает казаться, что не русское государство, а скорее сам г. Ткачев висит в воздухе»¹.

Русская община, доказывал Ткачев, ничем не отличается от индийской и западноевропейской общины. История разложения общинного землевладения представляется ему во всех странах в сущности своей одинаковой. С течением времени происходит процесс выделения и обособления частных хозяйств, разрушающих волостную общину и захватывающих крестьянские общинные земли. Эти частные землевладельцы представляют собой элемент, чуждый общине. Община является самой прочной, консервативной и неподвижной из всех экономических организаций. Она способна к прогрессу или регрессу лишь в том случае, если какой-нибудь внешний толчок выведет ее из ее устойчивого равновесия. От категорического суждения о причинах разложения общины Ткачев воздерживается.

По поводу современного ему состояния русской общины Ткачев вынужден признать, что она разлагается, ибо против нее в заговор вступили дворянство, бюрократия, кулаки-мироеды, все, что живет грабежом и эксплуатацией, все, что питается плотью и кровью «мужика». Ткачев считает, что уничтожается самый «принцип общины», нарождаются формы буржуазной жизни, развивается кулачество, воцаряется принцип индивидуализма, экономической анархии.

Ткачев исходил из того, что русский народ (т. е. прежде всего крестьянство) в большинстве своем проникнут принципами общинного владения, что он — «коммунист по инстинкту, по традиции». Русский народ — инстинктивный революционер, он «... несмотря на свое невежество, стоит гораздо ближе к социализму, чем народы Западной Европы, хотя последние и образованнее его»². Общественный идеал русского народа — самоуправляющаяся община, идеал с ясно выраженным коммунистическим оттенком. Эти положительные идеалы народа, по мнению Ткачева, не революционны, ибо они не идут далее застывших форм его быта. Если предоставить народу возможность реформистской деятельности по его собственному разумению, то она сведется к реставрации старого крестьянского мира, с его окаменевшими устоями, с его неподвижным консерватизмом. Но и революционно-разрушительная сила русского народа, по мнению Ткачева, имеет лишь относительное значение, ибо предоставленный сам себе, он возвратит себе отнятую у него землю, разрушит все, что угнетало его мир, его общину, — дальше он не пойдет.

В своих воззрениях на экономические отношения в России Ткачев стоит на позициях народников: он идеализирует общину и рассматривает ее как исходную основу для развития России по пути к социализму. Развитие капиталистических форм в промышленности и в земледелии представляется ему печальным явлением, расшатывающим «устой» экономической жизни страны и потому задерживающим приближение социальной революции. Подобно народникам Ткачев смотрит на крестьян как на главную силу революционной армии. Рабочий его интересует лишь в той мере, в какой он может поддержать крестьянское восстание. Ткачев стремится к захвату власти для того, чтобы при помощи государственного вмешательства приостановить развитие капитализма и содействовать непосредственному превращению общинного быта в социалистический строй.

В полемике с Ткачевым Энгельс указывал, что общинная собственность представляет собой строй, который встречается на низшей ступени развития у всех индогерманских народов. Наличие же ее в

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, стр. 256.

² П. Н. Ткачев, Открытое письмо Фридриху Энгельсу, т. III, стр. 51.

России отражает низкий уровень сельскохозяйственного производства и соответствующих ему производственных отношений. Энгельс указывал на ряд факторов, способствующих разложению общины, как например, периодический передел земли между отдельными главами семей, выкуп барщины, гнет податей и ростовщичества. Возможность спасения русской общинной собственности Энгельс связывает с пролетарской революцией в Западной Европе. Энгельс пишет: «... общинная собственность в России давно уже пережила время своего расцвета и, по всей видимости, идет к своему разложению. Тем не менее, неоспоримо, что существует возможность перевести эту общественную форму в высшую, если только она сохранится до тех пор, пока созреют условия для этого, и если она окажется способной к развитию в том смысле, что крестьяне станут обрабатывать землю уже не раздельно, а совместно; тогда русские крестьяне перейдут к этой высшей форме, минуя промежуточную ступень буржуазной parcelлярной собственности. Но это может произойти лишь в том случае, если в Западной Европе еще до окончательного распада этой общинной собственности произойдет победоносная пролетарская революция, которая предоставит русскому крестьянину необходимые условия для такого перехода,— в особенности материальные средства, которые нужны ему, чтобы произвести необходимо связанный с этим переворот во всей своей системе земледелия»¹.

Таким образом, Маркс и Энгельс в 70-х и 80-х годах полагали, что русская общинная собственность может развиваться в более высокую форму в условиях пролетарской революции на Западе, которая предоставит материальные средства для кооперирования русского мелкого единоличного хозяйства и перевода его на социалистические рельсы. В 90-х годах Энгельс вновь возвращается к вопросу о судьбах русской общины. Так, в письме к Николаю-ону 15 марта 1892 г. Энгельс пишет: «Повидимому, приближается момент, когда — по крайней мере, в некоторых округах — вся совокупность старых социальных устоев русской крестьянской жизни не только теряет свою ценность для отдельного, индивидуального крестьянина, но становится для него просто кандалами, точь-в-точь как это случилось в прежние времена в Западной Европе. И я боюсь, что нам скоро придется рассматривать вашу общину, как мечту о невозвратном прошлом, и считаться в будущем уже с капиталистической Россией. Несомненно, что при этом теряется великий шанс², но против экономических фактов нет и не может быть никакой помощи»³.

В послесловии к статье «Социальные отношения в России» Энгельс констатирует дальнейшее разложение крестьянской общины и развитие капитализма, которые произошли в течение последних десятилетий... «Русская революция,— пишет Энгельс,— не только уничтожит разобщенность деревень, в которых живет главная масса нации, крестьяне, и которые составляют их «мир», их вселенную, не только выведет крестьян на широкую арену, где они познают внешний мир, а вместе с тем себя самих, поймут собственное свое положение и средства избавления от теперешней нужды,— русская революция даст также новый толчок рабочему движению Запада, создаст для него лучшие условия борьбы и тем ускорит победу современного промышленного пролетариата, победу, без которой нынешняя Россия ни через общину, ни через капитализм не может достичь социалистического переустройства общества»⁴.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, стр. 261.

² Самобытного социального обновления.

³ Письма К. Маркса и Ф. Энгельса к Николаю-ону 1892 г., стр. 66.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. II, стр. 401.

Таким образом, Маркс и Энгельс, исходя из экономической обстановки России 1880-х годов, подчеркивая международное значение предстоящей русской буржуазно-демократической революции, считали, что ее перерастание в революцию социалистическую произойдет только после победы социалистической революции на Западе. Ленин на основе дальнейшего развития капитализма и классовой борьбы в России отставал уже в 1905 г. возможность этого перерастания на основе внутренних сил русской революции. Этот план был блистательно осуществлен партией большевиков под руководством Ленина и Сталина в 1917 г., несмотря на сопротивление всех врагов революции.

Всякий народ, ошибочно утверждает Ткачев, в силу самих условий своей социальной среды всегда готов к революции. Это абсолютно неправильное положение было Энгельсом подвергнуто убийственной критике. Энгельс писал: «У нас, на европейском Западе, всем этим ребячествам был бы положен конец простым ответом: если ваш народ в любое время готов к революции, если вы считаете себя в праве в любое время призвать его к революции и если вы поэтому совершенно не можете ждать, чего же ради вы еще надоедаете нам своею болтовней, почему же, черт возьми, вы не начинаете?»¹

Своеобразие русской экономической и политической жизни предопределяет, по Ткачеву, наличие особого положения русских революционеров по сравнению с революционерами Западной Европы.

На основе своей оценки характера русского народа и его революционной силы Ткачев выдвигает свою совершенно неправильную формулу о роли революционного меньшинства и народа. Революционное меньшинство, по мнению Ткачева, пользуясь революционной силой народа, уничтожит врагов революции и положит основание новому разумному общественному строю.

Ткачев, как народник, имеет неправильные представления о путях революционной деятельности. В частности, он не только проповедует путь государственного политического заговора, но и отводит заговору главенствующую роль.

Известно, с какой беспощадностью бичевал Ленин эти вреднейшие для революционного движения положения народников, вытекавшие из совершенно неправильного представления о роли классов, неумения видеть, какой класс явится главной движущей силой революции. Не обладая никакой массовой организацией, народники стали на вреднейший, для революционного дела, путь индивидуального террора.

Ленин со всей резкостью подчеркивал вредность террористической практики народничества. «Мы думаем, что целой сотне царубийств не произвести никогда такого возбуждающего и воспитывающего действия, как это одно участие десятков тысяч рабочего народа в собраниях, обсуждающих их насущные интересы и связь политики с этими интересами,— как это участие в борьбе, действительно по д н и м а ю щ е й новые и новые «непечатые» слои пролетариата к более сознательной жизни, к более широкой революционной борьбе»².

Тактика народников тормозила образование самостоятельной рабочей партии и задерживала развитие революционного движения, а, следовательно, задерживала свержение власти помещиков и капиталистов. Без решительного идейного разгрома этой вреднейшей для революционного движения тактики народников нельзя было создать революционную партию и подготовить социалистическую пролетарскую революцию.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, стр. 237.

² Ленин, Соч., т. V, стр. 208.

Маркс в свое время писал: «...будем надеяться, что серия импровизированных революций, как называют их французы, теперь пришла к концу. Слышал ли ктонибудь, чтобы великие импровизаторы были также великими поэтами? В политике дело обстоит так же, как в поэзии. Революции не делаются по приказу. После страшного опыта, который народы проделали в 1848 и 1849 гг., для того, чтобы вызвать национальное восстание, требуется нечто большее, чем бумажные воззвания находящихся вдали вождей»¹.

Опираясь на народническую доктрину о путях русского исторического процесса, Ткачев совершенно ошибочно считает, что тайное общество заговорщиков должно бороться за непосредственный переход общинного быта в социалистический строй, против враждебных сил начавшегося капиталистического развития. Если по Марксу и Ленину пролетарская революция связана с определенными условиями экономического развития, которые являются ее предпосылкой, то у Ткачева экономические условия для социалистической революции вообще не существуют. Маркс писал: «Люди строят себе новый мир не из «богатств земных», как предполагает предрассудок грубиянов, а из исторических приобретений своего отживающего мира. В самом ходе своего развития они должны сперва создать материальные условия нового общества, и никакие усилия мысли или воли не могут освободить их от этой судьбы»².

В своей работе «Что делать», говоря о типе организации, какая нужна рабочему классу, Ленин писал: «...Наша «тактика-план» состоит в отрицании немедленного призыва к штурму, в требовании устроить «правильную осаду неприятельской крепости», или иначе в требовании направить все усилия на то, чтобы собрать, организовать и мобилизовать постоянное войско»³. Далее Ленин указывает, что Надеждин, пытавшийся сочетать программу социал-демократии с проповедью террора, «усердно копирует Ткачева, разнося «революционное культурничество» Крига о «набате вечегого колокола», об особой «точке зрения кануна революции» и т. п. Ленин напоминает известное изречение Маркса, что если оригинал исторического события представляет собой трагедию, то копия его является лишь фарсом»⁴.

На объединительном съезде Российской социал-демократической рабочей партии Ленин подверг сокрушительной критике доклад меньшевика Мартынова, который сравнивал вопрос о захвате власти с идеями Ткачева. Ленин показал, что Мартынов вместо того чтобы поднимать пролетариат до роли передового вождя революции, «...оценивающего ее глубже и шире, осмысливающего свою тактику общими и коренными интересами демократии...», по существу сводит его значение к роли «...пассивного участника и скромного «чернорабочего» буржуазно-демократической революции»⁵.

Ткачев не понимает, что капитализм создает материальные условия, без которых социалистическая революция немислима. Указывая, что в силу разложения общины, в силу развития капитализма необходим немедленный заговор революционного меньшинства, выдвигая, по существу, экономическую отсталость России в качестве союзника революции, Ткачев, сам того не сознавая, вскрывает порочность своей доктрины.

Ткачев был бесконечно далек от усвоения учения Маркса о все-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IX, стр. 107.

² Там же, т. V, стр. 206.

³ Ленин, Соч., т. IV, стр. 493.

⁴ Там же, стр. 494.

⁵ Там же; т. IX, стр. 201.

мирноисторической роли пролетариата и о неизбежности доведения классовой борьбы до установления диктатуры пролетариата. Он охотно повторял выдвигавшееся против Маркса бакунистами и бланкистами демагогическое обвинение в «отсутствии революционного инстинкта». Он повторял бакунинскую клевету, что в основе западноевропейского рабочего движения, в основе немецкой программы Интернационала лежит мечта об эре «бескровных революций». Ткачев, как и все народники, находился в плену мелкобуржуазной идеологии.

Ткачев, по существу, отрицает классовую борьбу, он отрицает необходимость пролетарской классовой партии, опирающейся на рабочее движение. Для него не существует пролетарской классовой борьбы, он сторонник «бланкистских авантюр», импровизированных заговоров; на место исторического развития он ставит волю.

Захват власти Ткачев рассматривает как условие революции, а не как самую революцию. Революция, по его мнению, осуществляется революционным государством, которое должно в интересах осуществления социальной революции провести ряд реформ.

Ткачев намечает также общую программу этих реформ: 1) постепенное преобразование современной крестьянской общины в общину-коммуну, 2) постепенная экспроприация орудий производства, 3) постепенное введение учреждений, изменяющих принципы обмена продуктов, 4) постепенное устранение физического, умственного и нравственного неравенства между людьми, 5) постепенное уничтожение существующей семьи и 6) развитие общинного самоуправления. По Ткачеву, необходим особый переходный период, который будет осуществляться диктатурой революционного меньшинства.

Как видно из изложенного, «переходный период» в представлении Ткачева весьма далек от того переходного периода от капитализма к социализму, о котором писали классики марксизма. «Переходный период» Ткачев представляет себе не в виде диктатуры революционного класса пролетариата, а в виде диктатуры заговорщиков, незначительного меньшинства, совершившего революцию.

Хотя Ткачев горячо ратовал за необходимость политической борьбы, однако он, как впоследствии и народовольцы, узко понимал эту задачу, отождествляя ее с политическим заговором, с «политикой», оторванной от рабочего движения.

Ведя борьбу на два фронта — против бланкизма и реформаторства, Ленин в следующих замечательных строках указал на подлинное революционное содержание политической борьбы: «...марксизм указал верную позицию, одинаково далекую от преувеличения значения политики и от заговорщичества (бланкизма и пр.), и от пренебрежения политикой или сужения ее до оппортунистского, реформаторского социального штопанья... Пролетариат должен стремиться к основанию самостоятельных политических рабочих партий, главной целью которых должен быть захват политической власти пролетариатом для организации социалистического общества»¹.

Ткачев — бланкист, пытавшийся сочетать политическую борьбу, сведенную к заговору, с народнической доктриной о путях экономического развития России.

Вскрывая реакционность утопических воззрений Ткачева как крупного идеолога народничества, не следует, разумеется, забывать о

¹ Ленин, Соч., т. II, стр. 482.

прогрессивной для своего времени стороне его деятельности как представителя крестьянской демократии и борца за освобождение России от цепей крепостничества.

Критикуя меньшевизм, вытравлявший ценное демократическое ядро в народнических утопиях, Ленин писал: «Воюя с народничеством как с неверной доктриной с о ц и а л и з м а, меньшевики доктринерски просмотрели, прозевали исторически реальное и прогрессивное историческое с о д е р ж а н и е народничества, как теории массовой м е л к о б у р ж у а з н о й борьбы капитализма демократического против капитализма либерально-помещичьего, капитализма «американского» против капитализма «прусского». Отсюда их чудовищная, идиотская, ренегатская идея..., что крестьянское д в и ж е н и е реакционно, что кадет прогрессивнее трудовика...»¹.

Однако при всем боевом демократизме старого народничества взгляды и деятельность Ткачева ярко подтверждают ленинско-сталинское положение о том, что народничество с самого начала выступало как враг марксизма.

---

¹ Ленин, Соч., т. XIV, стр. 214.

И. АНЧИШКИН

О книге тов. Варга „Капитализм и социализм за 20 лет“

Е. Варга. «Капитализм и социализм за 20 лет». АН СССР, Ин-т мирового хозяйства и мировой политики, Партиздат, 1938, стр. 229.

В рецензируемой книге т. Варга показывает на основе обширного фактического материала борьбу двух общественных систем — умирающего капитализма и растущего социализма.

Обильным фактическим материалом автор доказывает огромное превосходство социалистической системы хозяйства. Автор убедительно показывает громадные преимущества СССР в темпах роста народного хозяйства и выпуска продукции. В странах капитализма капиталовложения составляют ничтожный, к тому же из года в год уменьшающийся, процент народного дохода. Прирост народного богатства в этих странах составляет еще менее значительный процент. Остановившаяся на огромном росте народного дохода и производственных фондов СССР, автор показывает, что накопление в Стране Советов во много раз выше, чем в странах капитализма.

Внушительными и неопровержимыми цифрами т. Варга иллюстрирует преимущества советского хозяйства перед капиталистическим в отношении роста производительных сил в промышленном производстве. Автор приводит факты громадной недогрузки производственного аппарата в странах капитализма, в особенности в США и Германии.

По вычислениям т. Варга, производственная мощность промышленности США была использована за десятилетие — 1925—1934 гг. — на 57%. При этом за основу подсчета принята одна смена в сутки. Если же считать нормой полной нагрузки две смены, то степень использования производственного аппарата снижается до 28,5%. В Германии производственная мощность промышленности в среднем за 8 лет (с 1929 по 1936 г.) была использована на 52,8%. Если исходить из двух смен, то этот процент снижается до 26,4%.

В сопоставлении с этим фактом т. Варга показывает, насколько рациональнее и полнее используется производственный аппарат в нашей стране. В то время как в странах капитализма текстильные фабрики находятся в действительности не больше 35—48 часов в неделю, наши текстильные фабрики работают по 126 часов в неделю (три смены по 7 часов), т. е. в среднем в три раза больше.

В капиталистических странах наряду с «излишками» основного капитала имеются громад-

ные «излишки» рабочей силы. Если для капиталистического хозяйства вообще характерна промышленная резервная армия, то сейчас, в период всеобщего кризиса капитализма, в буржуазных странах существует хроническая массовая безработица. Капитализм уже не в состоянии использовать свой «излишний» основной капитал и «излишнюю» рабочую силу. Он не справляется со своими производительными силами, и этим наглядно подтверждается банкротство буржуазной системы хозяйства.

В стране социализма нет безработицы. Сталинская Конституция гарантирует работу каждому трудящемуся.

Тов. Варга приводит интересные данные о росте производительности труда у нас и в странах капитализма. В США выработка рабочего с 1919 до 1936 г. возрастала в среднем на 3% в год, а в СССР она увеличивалась с 1921 по 1934 г. в среднем на 30% ежегодно. Не только по темпам роста, но, в этой связи, и по уровню производительности труда мы достигли исключительных успехов. Выработка на одного рабочего по всей промышленности в 1936 г. составляла 308,8% по отношению к уровню 1913 г. Это, однако, не исключает того, что по абсолютному уровню выработки на рабочего мы отстаем еще от наиболее передовых в техническом отношении предприятий капиталистических стран. Передовые рабочие — стахановцы — уже сейчас добиваются производительности, невиданной при капитализме. В самом важном и главном для победы нового строя — в подъеме производительности труда — социализм побеждает и безусловно побеждает.

Тов. Варга показывает, что в странах капитализма происходит сокращение потребления сельскохозяйственных машин. В США внутренний сбыт сельскохозяйственных машин в 1929 г. составлял 458 млн. долл., в 1933 г. — 119 млн. долл., в 1934 г. — 180 млн. долл. и в 1935 г. — 302 млн. долл. В Германии стоимость сельскохозяйственных машин, используемых внутри страны, в 1928 г. определялась суммой 245 млн. марок, а в 1935 г. — 200 млн. марок.

В то же время машинное вооружение сельского хозяйства в стране социализма гигантски возрастает. Достаточно указать, что к концу 1928 г. у нас было всего 13,8 тыс. тракторов

мощностью — 163,4 тыс. л. с., в 1936 г. в сельском хозяйстве работало уже 445,8 тыс. тракторов мощностью 8245,6 тыс. л. с.

В странах капитализма в деревне растут бедность и нищета. В СССР навсегда уничтожена бедность в деревне. Колхозному крестьянству обеспечена жилищная и культурная социалистическая жизнь.

Отмечая (в девятой главе) обесценение денег и растущие финансовые затруднения в капиталистических странах, автор показывает, что советская валюта является самой прочной валютой в мире. Коротко касаясь тенденции к распаду капиталистического мирового хозяйства, автор останавливается на росте автаркии — «замкнутого» хозяйства — в фашистских странах, на сокращении мировой торговли и свертывании международного разделения труда. Всею этому противопоставляются плановое хозяйство и рациональное размещение производительных сил в СССР. Автор подвергает уничтожающей критике попытки правительства буржуазных стран «ввести «плановое» капиталистическое хозяйство.

В рецензируемой книге приводится интересный и свежий материал, свидетельствующий об обнищании пролетариата в капиталистических странах. Показано безвыходное положение не только рабочего класса в странах капитализма, но и интеллигенции — ее «перепроизводство».

В капиталистических странах в особенности в странах фашизма, реальная зарплата снижается. В Германии со времени прихода к власти Гитлера жизненный уровень рабочих снизился не менее чем на 25—33%. В Японии по официальной статистике номинальная зарплата в 1936 г. снизилась по сравнению с 1920 г. на 2,1%, а индекс розничных цен повысился на 59% по отношению к 1914 г.

В СССР неуклонно растет материальное благосостояние рабочих. Достаточно указать, что фонд заработной платы рабочих и служащих СССР вырос с 3,8 млрд. руб. в 1924/25 г. до 71,6 млрд. руб. в 1936 г. Заработная плата рабочих и служащих в крупной промышленности СССР возросла за период с 1924/25 г. до 1936 г. с 450 до 2776 руб. в среднем в год. С 1929 по 1936 г. заработная плата промышленного рабочего увеличилась в 2,9 раза.

Тов. Варга останавливается на росте национального и колониального гнета в капиталистических странах и противопоставляет ему растущую нерушимую дружбу народов в Стране Советов. Автор отмечает, что финансовая олигархия стремится к ликвидации демократии и установлению открытой террористической диктатуры — фашизма. В Стране Советов происходит расцвет социалистической демократии, получившей свое выражение в величайшем документе нашей эпохи — Сталинской Конституции.

Последняя глава книги говорит о росте угрозы войны. Автор напоминает, что фашисты бешено готовят мировую войну, а Советский Союз неуклонно и последовательно ведет политику мира.

Значение книги т. Варга состоит в том, что в ней он показал несокрушимую растущую силу Страны Советов и продемонстрировал исторические успехи, достигнутые под руководст-

вом партии Ленина — Сталина героическим советским народом. Рабочий класс нашей страны в союзе с трудовым крестьянством создал новое социалистическое хозяйство. Экономически отсталая страна с преобладанием примитивного крестьянского хозяйства превратилась в мощную индустриальную державу. Созданы новые отрасли промышленности, новые промышленные районы и крупнейшие города. Построены тысячи новых заводов. Создана мощная тяжелая индустрия, в массовом масштабе производящая средства производства — машины для всех отраслей народного хозяйства. Построено социалистическое, самое крупное в мире сельское хозяйство. Советская страна ликвидировала унаследованную от старой России зависимость от передовых в технико-экономическом отношении капиталистических стран.

Под руководством великого вождя народов товарища Сталина построено социалистическое общество. В СССР нет и не может быть экономических кризисов. Безработица и нищета уже давно отошли в область исторического прошлого. В нашей стране происходит систематический и неуклонный рост материального положения и культурного уровня широких трудящихся масс. Наша страна достигла невиданных успехов во всех областях материальной и культурной жизни. В ней навсегда уничтожен национальный гнет. На основе ленинско-сталинской национальной политики достигнуто крепкое, нерушимое содружество всех народов, населяющих Страну Советов. У нас процветает социалистический демократизм, провозглашенный Сталинской Конституцией. Таковы итоги борьбы за социализм в нашей стране, которые ярко характеризуются в книге т. Варга.

Прямо противоположны итоги прошедших двадцати лет для капиталистического мира. За это время капитализм пережил два глубоких и острых экономических кризиса. Рост капиталистического производства по сравнению с довоенным временем замедлился. Душевое потребление населения стран капитализма сократилось. В промышленности установилась хроническая массовая безработица в странах капитализма стала общепризнанным фактом. В капиталистическом мире растет относительное и абсолютное обнищание пролетариата: попраются элементарные права трудящихся, в особенности в странах фашизма. Фашизм лишает рабочий класс завоеваний, достигнутых им в период господства буржуазной демократии. В буржуазных странах происходит бешеная гонка вооружений: образовался блок агрессоров, готовящих мировую войну, направленную своим острием прежде всего против Советского Союза.

Тов. Варга показывает, как увеличивается пропасть между развитием страны социализма и развитием капитализма. В сознании рабочего класса и всех трудящихся крепнет идея штурма отживающего капитализма. Исторические победы социализма в нашей стране вдохновляют рабочий класс капиталистических стран на беззаветную и героическую борьбу против иго эксплуататоров.

Таков краткий обзор вопросов, которых касается в своей книге т. Варга. Злободневность

поставленных вопросов несомненна. Книга быстро приобрела популярность. Это свидетельствует о глубоком интересе советских читателей к вопросам борьбы двух систем. Тов. Варга бесспорно проделал нужную и полезную работу. Однако необходимо отметить, что книга т. Варга не лишена ряда существенных недостатков и ошибок.

Тов. Варга пишет: «В эпоху империализма отношение буржуазии к остаткам прежних способов производства претерпело изменения. В своей империалистической стадии, движимая страхом перед назревающей пролетарской революцией, буржуазия остререгается прямо нападать на прежние способности производства... Она уже больше не стремится «принудить все нации к усвоению буржуазного способа производства», не «заставляет их становиться буржуа». Напротив: она стремится капиталистическим способом эксплуатировать все, даже наиболее отсталые, народы мира, в то же время сохраняя докапиталистические отношения, для того чтобы помешать развитию своего могильщика—пролетариата. Эта политика империалистической, уже реакционной буржуазии задерживает исчезновение прежних общественных форм: капитализм подрывает, разрушает, выхолощивает их, но не превращает в буржуазную форму» (стр. 5-6, подчеркнуте мною.—И. А.).

Что в эпоху империализма отношение буржуазии к докапиталистическим формам хозяйства претерпело изменения,—это бесспорно. Но т. Варга не подчеркнул другой стороны этого процесса. Дело в том, что наряду с отмеченным фактором действуют противоположные тенденции (связанные с ростом товарных отношений, экспортом капитала и т. д.), которые, независимо от стремления буржуазии консервировать докапиталистические формы эксплуатации, приводят к все усиливающемуся разорению мелкого производства. Многочисленные иллюстрации этого положения можно найти в работах товарища Ленина.

Ленин по этому поводу писал: «Одно из самых основных свойств империализма заключается как раз в том, что он ускоряет развитие капитализма в самых отсталых странах и тем самым расширяет и обостряет борьбу против национального угнетения»¹.

Факты показывают, что в колониях и вообще в отсталых странах капиталистическое промышленное производство растет, в то время как ремесленное и кустарное производство, как правило, сокращается. Тов. Варга дает одностороннюю трактовку по данному вопросу.

Совершенно не верно ставит т. Варга вопрос о положении крестьянства в высокоразвитых странах капитализма. Автор пишет: «В высокоразвитых капиталистических странах — Англии, США, Германии — превращение крестьян в элементы капиталистического общества можно считать фактически законченным» (стр. 82).

Если т. Варга хочет этим сказать, что крестьянское хозяйство, будучи товарным, тысячью нитей связано с капиталистическим

производством и подчинено ему, то почему такими странами являются только капиталистические высокоразвитые США, Германия, Англия? Почему тогда к этим странам не относятся Франция, Италия, Чехословакия, наконец Болгария, Югославия и т. д.? Судя по дальнейшему высказыванию, автор имеет в виду другое: «Американский фермер — это мелкий капиталистический товаропроизводитель, производящий два-три вида товаров... капиталистически произведенных» (стр. 82, подчеркнута мною.—И. А.).

Данное положение следует непосредственно за ранее приведенным. Этим, нужно полагать, автор дает объяснение и в отношении немецкого крестьянства, поскольку нет в дальнейшем никаких оговорок. Тов. Варга причисляет к капиталистическим производителям не только капиталистическую верхушку фермерства, но и все американское фермерство. Для него все американские фермеры — мелкие капиталисты. Он не подходит к крестьянству Англии, США и Германии дифференцированно и тем самым допускает большую теоретическую, и политическую ошибку. Строгий учет различных классовых группировок среди крестьянства является важнейшим требованием марксизма-ленинизма. В 1930 г. в США было 6 289 тыс. фермерских хозяйств. По т. Варга выходит, что все шесть с лишним миллионов хозяйств являются капиталистическими. А между тем только 13,5% хозяйств в 1930 г. имели тракторы и 13,4% — грузовые автомобили.

Ленин считал, что в 1910 г. $\frac{3}{4}$ фермерских хозяйств США были некапиталистическими². Совершенно бесспорным является то положение, что нельзя все американское фермерство зачислить под одну рубрику — мелких капиталистов. Из рассуждения т. Варга получается, что он считает и американского фермера и немецкого крестьянина мелкими капиталистическими товаропроизводителями. Автор не видит в этих странах крестьян, фермеров — бедняков и середняков, которые сами эксплуатируются и ведут борьбу против эксплуататоров. Тем самым т. Варга обнаруживает непонимание роли крестьянского вопроса в высокоразвитых странах капитализма, являющегося частью общего вопроса о диктатуре пролетариата. Мы не хотим сказать, что путаница в таком исключительно большом политическом вопросе соответствует убеждениям т. Варга. Мы склонны думать, что это — недопустимая неряшливость в научной работе, которая особенно непростительна для такого квалифицированного экономиста, как т. Варга.

У т. Варга имеются ряд неточных формулировок и положений в области теории кризисов. Правда, т. Варга не ставит своей целью дать в рецензируемой работе систематическое изложение теории кризисов, но поскольку он затрагивает вопрос о причинах кризисов, он должен был стремиться к максимальной четкости формулировок.

¹ «Капиталистические страны», Изд. «Плановое хозяйство», 1937, т. II, стр. 136.

² Ленин, Соч., т. XVII, стр. 630.

Недостаточное потребление масс, по мнению автора, является непосредственной причиной периодических кризисов. Об этом он прямо и ясно заявляет: «Ограниченность потребительной способности общества, пролетарское положение масс, является причиной периодических кризисов перепроизводства» (стр. 80). Касаясь обострения проблемы рынка, т. Варга пишет: «Мы здесь остановимся только на той решающей роли, которую играет «потребительная способность общества», ибо все усиливающееся относительное сокращение ее является основной причиной того, что в период общего кризиса капитализма трудности сбыта приобретают хронический характер» (стр. 79).

Тов. Варга считает, что относительно сокращение личного потребления в капиталистическом обществе является главной причиной обострения проблемы рынка. Больше того, объясняя это положение, т. Варга утверждает, что сбыт средств производства «определяется бытом производимых с их помощью предметов потребления» (стр. 79—80). Такого рода объяснение причин кризисов напоминает разгромленные Марксом и Лениным теории кризисов мелкобуржуазной политической экономии (Сисмонди, народников). Подобное объяснение причин кризисов противоречит марксистско-ленинскому пониманию теории кризисов.

Рассматривая односторонне относительное сокращение потребительной силы общества как главную причину кризисов, т. Варга переносит тем самым причины кризисов в область, лежащую вне производства. В этой связи уместно напомнить следующие слова товарища Ленина, в которых он противопоставляет правильное марксистское объяснение кризисов ошибочному сисмондистскому. «Две теории кризисов, о которых мы говорим, дают им совершенно различные объяснения. Первая теория объясняет их противоречием между производством и потреблением рабочего класса, вторая — противоречием между общественным характером производства и частным характером присвоения. Первая, след., видит корень явления вне производства (отсюда у Сисмонди, напр., общие нападки на классиков, что они игнорируют потребление, занимаясь только производством); вторая — именно в условиях производства»¹.

Ленинская теория империализма дает нам единственно правильное и глубокое объяснение обострения проблемы рынков. Распространение и рост капиталистических монополий, их господство в современном буржуазном обществе являются главной причиной обострения проблемы рынков. Этим же объясняется растущая глубина и продолжительность кризисов. Монополия есть самая глубокая экономическая основа империализма. Рост монополий усиливает обнищание рабочего класса и обостряет хаотичность капиталистического производства. Ленин писал: «...монополия, создающаяся в некоторых отраслях промышленности, усиливает и обостряет хаотичность, свойственную в целом капиталистическому производству в целом»². Она порождает стремление к застою и тормозит развитие произ-

водительных сил, сдерживает техническое обновление производственного аппарата. Противоречия между общественным характером производства и частным характером присвоения — эта основная причина экономических кризисов в буржуазном обществе — в период монополистического капитализма достигают невиданной до этого времени глубины. Здесь дальнейший рост и укрепление общественного характера производства неразрывно связаны с возрастающей силой финансовых олигархов, монополистов. Общественными богатствами бесконтрольно распоряжается небольшая кучка миллионеров и миллиардеров, монополично владеющих решающими средствами производства. Это усиливает анархию капиталистического производства, тормозит технический прогресс, сильно снижает использование возросших производственных возможностей общества и ведет к резкому снижению уровня материального положения масс в странах капитализма.

Характеризуя экономический кризис 1929—1933 гг., товарищ Сталин говорил: «Речь идет о продолжающемся общем кризисе капитализма, в обстановке которого протекает экономический кризис, о хронической недогрузке предприятий, о хронической массовой безработице, о перелетении промышленного кризиса с сельскохозяйственным кризисом, об отсутствии тенденции к сколько-нибудь серьезному обновлению основного капитала, предвещающему обычно наступление подъема и т. д. и т. п.»³.

Хроническая недогрузка предприятий и хроническая массовая безработица являются главными чертами, которыми характеризуется капиталистическое производство в эпоху общего кризиса капитализма. Оба эти момента внутренне связаны. В этой обстановке характерно отсутствие тенденции к серьезному обновлению основного капитала, что прежде являлось началом нового подъема. Серьезное обновление основного капитала теперь тормозится монополиями.

Перейдем к некоторым вопросам советской экономики.

Тов. Варга приводит таблицу роста основных производственных фондов народного хозяйства СССР с 1925 по 1936 г. В ней он приводит в частности данные за 1925 и 1928 гг., не подразделяя основные производственные фонды по формам собственности. Приведем эту таблицу, тов. Варга заключает «Таким образом, социалистическое накопление в течение этого десятилетия составляло в среднем 13% в год, т. е. было в 3—10 раз выше, чем в капиталистических странах» (стр. 20).

Известно, что до 1930 г. в сельском хозяйстве основные фонды, принадлежащие мелким товаропроизводителям, занимали значительное место. Существовала также капиталистическая частная собственность на средства производства. Еще в 1928 г. производственные фонды народного хозяйства СССР по формам собственности распределялись следующим образом: социалистическая собственность (в двух видах)

¹ Ленин, соч., т. II, стр. 36

² Ленин, соч., т. XIX, стр. 92

³ И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 543.

составляла 77,8%, мелкая частная собственность единоличника-крестьянина и кустаря — 19,6% и капиталистическая собственность — 2,6%¹. Из этих данных следует, что не верно целиком относить прирост основных производственных фондов народного хозяйства СССР в указанные годы за счет социалистического накопления; это дает неправильное представление о действительном росте накопления в социалистическом хозяйстве.

В своей работе т. Варга по существу обошел такой важный факт, как влияние земельной ренты в капиталистических странах на развитие производства. Маркс и Ленин настойчиво разъясняли, что земельная рента является тормозом развития производительных сил в сельском хозяйстве. Известно, что в капиталистических странах вложения в земледелие в огромной степени застревают в связи с наличием земельной ренты в карманах землевладельцев и тем самым ограничиваются вложения на производственные цели. Проанализировав на основе ленинского метода данные о земледелии США, можно было бы наглядно и интересно показать огромные преимущества в области подъема производительных сил в социалистическом земледелии.

Тов. Варга обошел вопрос об особенностях и преимуществах социалистической техники. А между тем можно было на основе интересного и убедительного материала показать, что передовая современная техника не может быть последовательно и всесторонне использована в капиталистическом обществе. Она не помещается в узкие рамки буржуазной собственности. Огромные накопления средств производства старой техники в условиях монополии являются причиной не столько роста, сколько торможения развития новой техники. Нужно было показать, что советский строй обеспечивает неограниченные просторы для развития новой техники.

Тов. Варга обошел также такой исключительной важности вопрос, как наши преимущества в области обращения. Известно, что издержки обращения при капитализме относятся к *faux frais* — непроизводительным затратам, достигающим при капитализме огромных размеров. С развитием капитализма они все больше увеличиваются. В этом в частности находят свое выражение паразитический характер монополистического капитализма. Громадная масса людей в капиталистическом обществе занята непроизводительным трудом. Пятая часть самодельного населения США занята этим трудом (включая конторский). Торговля, банки и страховые организации США поглощают такую же часть народного дохода, как и колоссальная обрабатывающая промышленность: в 1929 г. на долю обрабатывающей промышленности приходилось 23,8% народного дохода, а на долю агентов сферы обращения — 23,7%; в 1935 г. соответствен-

но — 21,4 и 20,8%¹. Издержки обращения и прибыль, получаемая от торговли, в буржуазном обществе ложатся огромным грузом на единицу товара, продаваемого покупателю. По свидетельству Чэйза, в США «товары в процессе продвижения от производителя к потребителю удваиваются в цене»

Наши преимущества в этой области чрезвычайно показательны. У нас в 1935 г. в торговой и кредитной системах было занято 1802 тыс. чел., что составляет по отношению ко всему трудоспособному населению страны не более 3%². По удельному весу к трудоспособному населению это в 7 раз меньше, чем в США³.

Издержки обращения и торговые расходы составляли у нас в 1936 г. всего 9,6%⁴ к цене товаров, т. е. минимум в 7 раз меньше, чем в США. Это показывает наличие огромных дополнительных ресурсов нашего производственного подъема.

Тов. Варга совершенно обошел и такой вопрос, как расточительство крупной буржуазии. Тов. Варга считает, что «...финансовая олигархия, несмотря на безумную роскошь, которой она себя окружает, фактически расходует на свое личное потребление лишь небольшую часть получаемых ею огромных прибылей» (стр. 83). С этим нельзя согласиться. Известны два факта — огромный рост доходов в эксплуататоров и в то же время снижение за последние годы доли производственного накопления в странах капитализма. Куда же крупная буржуазия девает богатства, которые она получает в огромных, все увеличивающихся размерах? Она использует их в двух направлениях: превращает в сбережения, становясь ратье, и прожигает в безумной роскоши. Чэйз, например, считает, что 30% всего народного дохода США расходуются на предметы роскоши. Не вдаваясь в конкретное рассмотрение этой цифры, мы считаем, что расточительство крупной буржуазии является большим экономическим фактом, задерживающим развитие производительных сил в капиталистическом обществе. Было бы интересно показать, во что обходится трудящимся, например, США, Германии, Англии, содержание тунеядцев, от которых рабочий класс и трудовое крестьянство нашей страны избавлены социалистической революцией.

Наш вывод. Работа т. Варга при всех ее положительных качествах не свободна от ряда ошибок. Автору необходимо учесть и исправить указанные недостатки при повторном издании. Тогда работа его займет достойное, почетное место в советской экономической литературе.

¹ «Капиталистические страны». Статистический справочник, Изд. «Плановое хозяйство», 1937, т. I, стр. 8—9.

² «Труд в СССР». Статистический справочник, ЦУНХУ, 1936, стр. 11.

³ «Капиталистические страны», т. II, стр. 364.

⁴ По данным ЦУНХУ.

¹ «20 лет советской власти», «ЦУНХУ», стр. 9.

А. АРАКЕЛЯН

Советская Украина

Радянська Україна за 20 років. Академія Наук УРСР, Інститут економіки, Державне видавництво політичної літератури при РНК УРСР, 1938, 120 000 экз., 109 стр., 1 р. 50 к.

В 1938 г. Государственное издательство политической литературы при СНК УССР выпустило большим тиражом (120 000 экз.) книгу на украинском языке под заглавием «Радянська Україна за 20 років». Книга подготовлена к печати Институтом экономики Академии наук Украинской ССР. Она посвящена развитию экономики УССР и повышению материально-культурного уровня трудящихся за годы советской власти.

В книге пять разделов: 1) Советская Украина — неотъемлемая часть Великого Союза Советских Социалистических республик, 2) Социалистическая индустрия Советской Украины, 3) Социалистическое сельское хозяйство Советской Украины, 4) Рост материального благосостояния трудящихся и 5) Общий подъем культуры трудящихся. Наиболее подробно освещены вопросы развития социалистической индустрии и социалистического сельского хозяйства.

Рецензируемая книга содержит большое количество цифрового материала, характеризующего бурный рост Советской Украины. В книге излагаются в популярной форме те огромные успехи, которые достигнуты за годы существования советской власти.

Украинская советская социалистическая республика занимает территорию в 443 тыс. кв. км¹, т. е. почти столько же, сколько Германия (470 тыс. кв. км). В УССР проживает свыше 32 млн. чел., почти столько же, сколько в Польше (33 млн. чел.). Национальный состав населения УССР характеризуется следующими данными: 80% украинцев, 10% русских, а остальные евреи, молдаване, немцы, поляки и другие.

Украинская ССР — это прежде всего страна угля и металла. Она имеет огромное количество разнообразных природных богатств. Запасы коксующегося угля в Донбассе исчисляются в размере 70 млрд. т. Кроме того, в центральной части республики имеется бурый уголь с запасом 5-6 млрд. т, а в северо-западных районах торф — 1,4 млрд. т. Таким образом, на Украине много твердого минерального топлива. По последним данным к нему прибавляется еще новый вид топлива — жидкое топливо. На Черниговщине, около города Ромен, открыта нефть.

Украина богата не только топливом, но и высокосортной железной рудой. В месторождении Кривой Рог запасы железной руды ис-

числяются сейчас в размере 1,5 млрд. т. При этом следует подчеркнуть, что месторождения коксующегося угля Донбасса и высокосортной железной руды Кривого Рога находятся сравнительно близко друг к другу, на расстоянии 400 км. Эта близость угля и железной руды является благоприятным природным фактором роста промышленности.

На Украине — в Никопольском районе — имеются и большие запасы марганцевой руды, почти в 2 раза превышающие запасы всех капиталистических стран. Кроме того, имеются залежи флюсовых известняков (500 млн. т), доломитов (60 млн. т) огнеупорных глин (700 млн. т), т. е. имеется все то, что необходимо для мощной черной металлургии. Запасы каолина исчисляются в 350 млн. т; каменной соли около Артемовска — в десятках миллиардов тонн.

Наконец на территории УССР имеются свинцово-цинковые руды, золото, ртуть, никель и такие редкие элементы, как гелий, титан, ванадий, вольфрам, молибден и др.

До установления советской власти большинство полезных ископаемых в силу слабой геологической изученности не было выявлено. А по тем ископаемым, которые были известны и эксплуатировались (уголь, железная руда и т. д.), выявленные запасы были в десятки и сотни раз меньше, чем сейчас.

Наряду с колоссальными запасами угля, железа и других полезных ископаемых Украина славится своими богатейшими сельскохозяйственными возможностями и особенно своим плодородным черноземным массивом. Украина является также страной хлеба и сахара. Кроме того, здесь растут различные технические культуры.

Несмотря на все эти богатства, украинский народ жил до революции в самых тяжелых условиях. Помещикам и кулакам принадлежало 52,5% всех земель и сельскохозяйственных угодий Украины. Страдая от безземелья и малоземелья, миллионы трудящихся крестьян были лишены также основных орудий труда. Рабочие угольных и рудных бассейнов продавали капиталистам свою рабочую силу на крайне тяжелых условиях, работали по 10—14 часов в день и ютились в землянках. Не лучше было положение и остальных рабочих.

Украинский народ беспощадно угнетался не только царскими правителями, русскими, украинскими и польскими помещиками и буржуазией, но и капиталистами западных стран — Англии, Франции, Бельгии и др.

Только Великая Октябрьская социалистическая революция уничтожила угнетение трудящихся Украины помещиками, кулаками и буржуазией. Украинский народ под руководством

¹ По другим источникам территория УССР несколько больше — 445,3 кв. км.

партии Ленина — Сталина и с помощью братского русского пролетариата свергнул господство эксплуататоров и установил советскую власть.

Против этой молодой власти выступали внутренние и внешние враги трудящихся. Контрреволюционные буржуазно-националистические партии на Украине (украинские меньшевики, украинские эсеры, боротьбысты и другие) организовали кулацкие банды и вместе с белогвардейцами и интервентами боролись против политических завоеваний трудящихся.

До революции 70% всей добычи угля в Донбассе принадлежало иностранным капиталистам. Значительна была доля иностранного капитала и в железорудной промышленности и черной металлургии. Империалисты западноевропейских стран, и в первую очередь германские хищники, не могли мириться с установлением советской власти на Украине и потерей возможности эксплуатировать десятки миллионов украинцев и огромные природные богатства страны. Поэтому они пытались под лозунгом Центральной рады и гетманщины и с помощью этих контрреволюционных сил оккупировать Украину.

«До революции, — писал товарищ Сталин, — Украину эксплуатировали империалисты Запада, так сказать, втихомолку без «военных операций». Организовал на Украине громадные предприятия и забрав в свои руки большинство акций империалисты Франции, Бельгии и Англии высасывали соки из украинского народа в порядке легальном, «законном», без шума. После Октябрьской революции картина изменилась. Октябрьская революция, порвав нити империализма и объявив земли и предприятия достоянием украинского народа, отняла у империалистов возможность «обычной», «бесшумной» эксплуатации. Тем самым империализм был изгнан из Украины.

Но империализм не хотел уступать, он ни за что не хотел мириться с новым положением. Отсюда «необходимость» насильственного порабощения Украины, «необходимость» ее оккупации.

Австро-германские империалисты были первыми, которые пошли на оккупацию Украины. «Рада» и «гетманство» с их «самостоятельностью» были лишь игрушкой, ширмой, удобной прикрывающей эту оккупацию, внешне «санкционирующей» эксплуатацию Украины австро-германскими империалистами.

Бездна унижений и испытаний, пережитых Украиной за время Австро-Германской оккупации, разрушение рабочих и крестьянских организаций, полное расстройство промышленного и железнодорожного дела, виселицы и расстрелы — кому неизвестны эти обычные картины «самостоятельности» Украины под эгидой империалистов Запада?»¹

Украинский народ под руководством коммунистической партии и с помощью русских рабочих и крестьян изгнал из своей родины австро-германских оккупантов, уничтожил кулацкую банду Махно, генеральские банды Де-

шикина и Врангеля, дал сокрушительный отпор наступлению белополяков и установил диктатуру пролетариата. Советизация Украины положила конец эксплуатации и гнету трудящихся страны. С этого момента начинается новая эпоха для украинского народа — эпоха свободы и счастья, эпоха бурного роста хозяйственной жизни и благосостояния трудящихся.

★

На исходе гражданской войны, в 1920 г., угольная промышленность Донбасса давала 4 млн. т угля против 22,8 млн. т в 1913 г. Выплавка чугуна составила в 1920 г. 15 тыс. т против 2 883 тыс. т в 1913 г. Добыча железной руды в 1921 г. составила 8 тыс. т против 6 388 тыс. т в 1913 г. Империалистическая война и белогвардейское «хозяйничанье» нанесли громадный ущерб первой угольно-металлургической базе Советского Союза.

После гражданской войны, с переходом на мирное хозяйственное строительство, начинается быстрое восстановление разрушенной промышленности. Вступление в период индустриализации знаменуется созданием новой промышленности и в первую очередь тяжелой индустрии. Для общей характеристики быстрого развития промышленности СССР достаточно отметить, что в 1936 г. валовая продукция крупной промышленности в неизменных ценах 1926/27 г. составляла 14,7 млрд. руб. против 2,1 млрд. руб. (в тех же ценах) в 1913 г. Благодаря такому гигантскому росту (увеличение в 7 раз) крупная промышленность СССР выпускает теперь в 1,5 раза больше продукции, чем вся крупная промышленность царской России. Более быстро развивались отрасли, производящие средства производства. Их удельный вес с 53,4% в 1913 г. поднялся до 64,9% в 1936 г., в то время как удельный вес отраслей, производящих предметы потребления (при огромном абсолютном росте), соответственно снизился с 46,6% до 35,1%.

Основные фонды крупной промышленности Украинской ССР в 1936 г. составляли 10,7 млрд. руб. с преобладающей частью, созданной за годы советской власти, особенно в период двух сталинских пятилеток. В 1936 г. 80,9% всей продукции крупной промышленности было получено из новых и целиком реконструированных предприятий.

За годы двух сталинских пятилеток советская власть построила на Украине десятки крупных электростанций. Наиболее крупная электростанция — ДнепрогЭС — занимает по своей мощности второе место в мире. Днепровская гидроэлектростанция им. Ленина, введенная в эксплуатацию 1 мая 1932 г., к началу 1937 г. имела 436 тыс. квт мощности. В 1936 г. она выработала 2 099 млн квт электроэнергии, что составляет 107,9% по отношению к выработке электроэнергии всеми станциями царской России за 1913 г. Электроэнергия ДнепрогЭС (самая дешевая в СССР) служит энергетической базой для ряда гигантов тяжелой индустрии в Запорожье. Здесь выросли комбинат Запорожсталь, завод ферросплавов, Днепровский алюминиевый и магниевый заводы. Зуевская электростанция имела

¹ И. Сталин. Украина освобождается. Газета «Жизнь национальностей» № 4, декабрь 1918 г.

к началу 1937 г. 250 тыс. *квтч* мощности и в 1936 г. выработала 1 998 млн. *квт* электроэнергии, или 71,9% электроэнергии, выработанной всеми станциями царской России в 1913 г. По своей мощности выделяются также Штеровская, Днепродзержинская, Криворожская и другие электростанции. В 1937 г. общее производство электроэнергии на Украине превышало объем производства 1913 г. в 20 раз.

Добыча каменного угля в Донбассе в 1936 г. составляла 68 270 тыс. т против 22 760 тыс. т в 1913 г. По добыче угля УССР обогнала Польшу, Японию и Францию. Дореволюционные шахты представляли собою грязные и душливые ямы. Труд не был механизирован. Работали по 10—14 часов в сутки. Донбасс сейчас не узнать. Угольная промышленность Донбасса в 1936 г. имела мощный парк в 1 424 тяжелых врубовых машины, 6 437 отбойных молотков, 364 электровоза. Механизация добычи угля достигла в 1936 г. 86,2%. По механизации добычи угля Украина занимает первое место в мире, опередив в этом отношении Англию, Соединенные штаты Америки и Германию. В результате механизации Донбасса произошли глубочайшие изменения в квалификации рабочих. Отбойщика с обухом, саночника и конюгона заменили механик и машинист, грузчика — крановщик и т. д.

Развитие техники безопасности и применение в горных работах наиболее усовершенствованных методов добычи резко снизили число производственных катастроф, которыми изобилывал дореволюционный Донбасс.

В результате внедрения новой техники и повышения квалификации рабочей силы резко поднялась производительность труда. Именно здесь, в Донбассе, Алексей Стаханов впервые доказал, что «Техника во главе с людьми, овладевшими техникой, может и должна дать чудеса»¹.

Огромные успехи УССР и в области металлургии. В 1936 г. Украина дала 9 млн. т чугуна, т. е. в 2 раза больше, чем давала вся царская Россия в 1913 г. Один лишь Кировский завод в Макеевке дает столько чугуна, сколько Польша и Италия вместе взятые, а заводы Днепропетровской области дают чугуна столько же, сколько вся Япония. УССР дает 8 млн т стали, т. е. в 7 раз больше Польши. В 1936 г. 99,4% продукции черной металлургии было произведено на вновь построенных и целиком реконструированных заводах.

Бурными темпами развивается машиностроение Советской Украины. Валовая продукция этой отрасли промышленности увеличилась со 128 млн. руб. в 1913 г. до 3 734 млн. руб. в 1936 г., т. е. в 29 раз. Ее удельный вес во всей продукции крупной промышленности поднялся с 6% в 1913 г. до 25,4% в 1936 г. Машиностроение не только по своему значению, но и по объему производства занимает первое место среди всех отраслей промышленности.

За годы советской власти на Украине вы-

росли новые отрасли промышленности. К ним относятся производства тракторов, комбайнов, алюминия, высококачественной стали, сверхмощных паровозов, мощных паровых турбогенераторов и т. д.

Наряду с развитием тяжелой промышленности быстро развиваются пищевая и легкая промышленности. Стоимость основных фондов пищевой промышленности УССР увеличилась с 582 млн. руб. в 1928 г. до 1 248 млн. руб. в 1937 г. По сравнению с 1913 г. консервная промышленность дает сейчас в 12 раз, а кондитерская промышленность в 13 раз больше продукции. УССР дает 2/3 всего сахара, производимого в СССР. На территории нынешней УССР до революции было около 400 мелких полукустарных предприятий легкой промышленности, дававших в год продукции на 141 млн. рублей. В 1936 г. валовая продукция всей легкой промышленности составила 2 613 млн. рублей.

Огромные успехи социалистической индустриализации Украины обеспечили быстрые темпы развития социалистического сельского хозяйства. В 1937 г. 27 400 колхозов Украины объединяли 96,1% крестьянских хозяйств и 99,7% крестьянских посевных площадей. Полноценнее крестьян улучшилось после победы Великой Октябрьской социалистической революции, когда они освободились от помещичье-кулацкого гнета и получили 15,3 млн. десятин помещичьей, церковной и казенной земли. Однако на путь зажиточной жизни трудящегося крестьянство стало лишь после победы коллективизации сельского хозяйства.

Благодаря успешной социалистической реконструкции сельского хозяйства Советская Украина достигла крупных успехов в области полеводства и животноводства. Создана прочная техническая база для сельского хозяйства. В 1936 г. 82% посевов свеклы были убраны тракторными свеклоподъемниками и 31% зерновых посевов колхозов — комбайнами. Вся пахота в основном механизирована. Посевная площадь Советской Украины в 1937 г. составляла 25 100 тыс. га против 22 893 тыс. га в 1913 г. Причем структура посевной площади изменилась: посевы зерновых культур уменьшились, а технических и кормовых культур резко увеличались. Из этого однако не следует, что Украина сократила производство зерна. Так, в 1936 г. совхозы и колхозы Украины собрали 1 350 млн. пудов зерна. Между тем как средний сбор зерновых за 1909—1913 гг. для дореволюционной Украины составлял ежегодно 1 150 млн. пудов.

Успешное разрешение зерновой проблемы в первой пятилетке и окончание реорганизационного периода в сельском хозяйстве создали условия для быстрого роста животноводства во второй пятилетке. поголовье крупного рогатого скота в 1936 г. по отношению к 1933 г. составляло 172,9%, свиней — 339,9%, овец и коз — 178,3%.

¹ И. Сталин, Речь в Кремлевском дворце на выпуске академиков Красной Армии, Партиздат, 1935, стр. 12.

Гигантский рост социалистического народного хозяйства Украины обеспечил невиданные темпы роста материального благосостояния трудящихся. Ликвидирована безработица. Об-

щее число рабочих и служащих в народном хозяйстве УССР в 1937 г. составляет около 5 млн. чел., т. е. в три раза больше, чем это было в 1925-26 г. Доходы каждой семьи значительно увеличились, так как число работников в каждой семье выросло. Значительно выросла и заработная плата. Фонд зарплаты увеличился с 1 063,1 млн. руб. в 1925-26 г. до 12 146,6 млн. руб. в 1936 г. Этот рост объясняется не только увеличением числа рабочих и служащих, но и повышением зарплаты. В 1936 г. средняя годовая зарплата одного рабочего и служащего составляла 2 561 руб., т. е. в 41 раза больше, чем в 1925 г.

Труд рабочего резко облегчен. Вместо 10—14 часов работы в день до революции рабочий работает теперь 6—7 часов; при том самый процесс труда механизирован, и рабочий освобожден от тяжелых работ.

Быстро растет и благосостояние колхозников. Многие колхозники получают за свою работу в колхозе сотни пудов зерна и тысячи рублей деньгами. В этом отношении большой интерес представляет характерное письмо колхозников и колхозниц, рабочих и работниц, трактористов и трактористок МТС Каменец-Подольской области товарищу Сталину:

«Вот обыкновенное рядовое село Куча, Ново-Ушицкого района. Это село в прошлом испытывало на себе кровавый произвол польских панов, гайдамаков и петлюровцев. Сейчас в этом селе работают свободные крестьяне, колхозники. Советская власть навеки закрепила землю за колхозом, урожай колхоза растет с каждым годом. В прошлом году бригады тт. Полуденко, Самсонова собрали 30 центи пшеницы с каждого гектара. Вместо корчмы красуются в селе 5 школ, застраивается 6-я школа — 10-летка. Такого количества школ до революции не было даже во многих уездных городах. Село имеет свою электростанцию, клуб, образцовые ясли на 100 детей, родильный дом медико-ветеринарную амбулаторию. Колхоз купил две автомашины, колхозники полностью ликвидировали бескоровность, обзавелись домашней птицей. Дети учатся в школах, закончив их — едут в техникумы и институты. Сыновья и дочери Андрияка, Венгерова, Козака, Шелудька, Мешка, Мазура и Бордюка учатся в институтах Киева, Харькова, Ленинграда и Полтавы»¹.

До революции абсолютное большинство украинцев было неграмотно. На украинском языке не было школ. Сейчас совершенно иная картина. Число украинских школ достигло в 1937 г. 17 736 с количеством учеников 4 319 тыс.

За время существования советской власти на Украине построено 5 653 новых школы, причем только за последние 3 года построено 1 343 школы. В Киеве в 1914 г. было всего 36 средних школ, советское же государство только за два года (1935—1936) построило 45 новых школ.

Число вузов выросло с 19 в 1914 г. до 117 в 1936/37 г., а число учащихся в них от 26 000 до 109 567. К этому надо прибавить еще 476 техникумов, имеющих 143,2 тыс. уча-

щихся. Следует также учесть совершенно различный социальный состав учащихся сравниваемых периодов.

Растет культура национальная по форме и социалистическая по содержанию.

Огромные успехи Советской Украины во всех областях социалистического строительства достигнуты в непримиримой борьбе с классовыми врагами и в первую очередь с троцкистами, бухаринцами и украинскими националистами. Эти агенты фашизма в контакте с германским и польским разведывательными органами пытались восстановить капитализм на Украине. Они хотели оторвать Украину от Великого Союза ССР и превратить ее в колонию германо-польского фашизма. Но Украина была, есть и будет неотъемлемой частью СССР. Трудящиеся Украины в упорной борьбе с врагами и с помощью русского народа создали счастливую жизнь. Несокрушим братский союз украинского народа со всеми народами СССР. Украина сильна и готова вдребезги разбить врагов социализма.

Мы остановились лишь на нескольких основных моментах содержания рецензируемой книги. Обобщая сказанное можно подчеркнуть, что эта книга путем сопоставления УССР с дореволюционной Украиной (а в ряде случаев и с капиталистическими странами) и на основе большого количества фактического материала показывает колоссальные успехи, которые достигнуты трудящимися Украины за годы советской власти. В этом заключается ценность книги. Но она страдает рядом крупных недостатков.

Крупнейшим недостатком книги является то, что в ней нет даже попытки применить схему товарища Сталина о периодах социалистического строительства в СССР. Работа страдает и другими дефектами: крайне недостаточным освещением роли партии в развитии и социалистическом преобразовании УССР, отсутствием экономического анализа различных этапов развития экономики Советской Украины и т. д. В книге почти во всех случаях сопоставляются экономические показатели лишь двух годов: 1913 и 1936. Совершенно недостаточно освещен процесс освоения новой техники. Очень мало сказано о стехановском движении. Не всегда соблюдается территориальный разрез освещения вопросов. Так например, на стр. 83 данные об обслуживании рабочих и служащих за счет фондов социального страхования приводятся только по СССР.

Однако наиболее серьезным недостатком, вернее, грубой политической ошибкой рецензируемой книги является то, что в ней не показана неразрывная хозяйственная связь между УССР и всеми республиками Советского Союза и особенно РСФСР. В книге необходимо было показать, что Украина, снабжая народное хозяйство СССР углем, металлом, зерном и т. д., в свою очередь получает электрооборудование, сложные и тонкие машины, автомобили, нефть, текстильные товары и т. д. К сожалению, эта органическая связь экономики Украинской республики со всем народным хозяйством, та громадная помощь, кото-

¹ «Правда» 11 апреля 1938 г.

рую она получает от страны в целом,— в книге не нашли отражения. Освещение вопросов экономики УССР изолировано от экономики СССР извращает действительность. Известно, что украинские буржуазные националисты боролись за отделение Украины от СССР, за превращение ее в колонию гер-

манского и польского фашизма. В связи с этим исключительно важным является показ глубокой и теснейшей не только политической связи УССР со всем Советским союзом, но и экономической. При повторном издании книги необходимо устранить эти недостатки.

М. ЦЫПКИН

А. И. Шнеерсон. «Финансовый капитал во Франции». М. 1937, Соцэкгиз, стр. 318.

Современная Франция переживает острый период классовой борьбы. «Так финансовая олигархия,— говорит один из славных вождей французского пролетариата Морис Торез,— пользуясь кризисом, укрепляет свои позиции, тогда как мелкая буржуазия беднеет, узнает постоянную тревогу за завтрашний день, тревогу, являющуюся участью пролетариата; а пролетариат пауперизируется, нищает все более и более по мере снижения зарплаты и роста безработицы»¹. Именно эта финансовая олигархия является вдохновителем и организатором фашизма.

Но в той же Франции наступающая буржуазия наталкивается на спаянное сопротивление народного фронта, организованного по инициативе братской коммунистической партии Франции.

Финансовая олигархия в своей дикой, звериной ненависти к рабочему классу, раздраженная его сплоченностью, его готовностью бороться до конца, не останавливается ни перед какими средствами борьбы. Она помогает германским и итальянским интервентам душисть республиканскую Испанию, способствуя открытию франко-испанской границы для германского и итальянского фашизма. Она закрывает заводы и фабрики, увольняет рабочих, чтобы искусственно увеличить и обострить безработицу. В борьбе за сохранение позиций финансовая олигархия широко использует оружие своей финансовой мощи, подрывает устойчивость валюты, стремится снизить таким образом жизненный уровень рабочих, взвалить ответственность за это преступление на народный фронт и отколоть от него путем проведения такой политики мелкую буржуазию.

Борьба за укрепление народного фронта требует разоблачения политики реакционной финансовой буржуазии.

Тактику врага надо изучать,— учит партия Ленина — Сталина. «Знание наших противников является предварительным условием успешности борьбы...» — гласит резолюция V конгресса Коммунистического интернационала. Познавая тактику хозяев, мы с тем большим успехом учимся разоблачать наемников капитала, агентуру его разведок, предателей рабочего класса — троцкистов, бухаринцев и других, прикрывающихся лженаучными, вред-

тельскими теориями «организованного капитализма» п т. п. и ставящих себе единственную цель — усыпить бдительность рабочего класса, отвлечь его от борьбы и предать классовому врагу.

Для того чтобы знать тактику фашизма и его подлых слуг, необходимо изучить природу финансового капитала в эпоху всеобщего кризиса капитализма, изучить со всей тщательностью и во всеоружии марксистско-ленинской теории. Автор рецензируемой книги А. И. Шнеерсон ставит перед собой именно такую задачу. Его целью, как говорится во введении, является показ эволюции финансового капитала во Франции и изменений в связи с этим условий борьбы французских пролетариев и широких народных масс (стр. 3).

Законченная, отшлифованная методология изучения финансового капитала дана в труде В. И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма». Автор рецензируемой книги сделал попытку построить свою работу на основе ленинской методологии. На ряде цифр, освещающих ход хозяйственного развития Франции в довоенный период, А. И. Шнеерсон показывает, как в условиях неравномерного развития капитализма довоенная Франция, эта старая капиталистическая страна, отставала в темпах промышленного развития от «молодых» капиталистических стран. В результате избыток ссудного капитала, не находивший применения внутри страны, устремлялся в поисках наиболее выгодного применения за границу, в колониальные и полуколониальные страны или в страны, более отсталые в промышленном отношении (например, в царскую помещичье-капиталистическую Россию). Буржуазная Франция превращалась в ростовщика, в типичное государство-рантье.

Мировая война и последовавшая за ней оккупация германскими войсками наиболее развитых в промышленном отношении районов дает толчок к созданию новых промышленных районов с новыми для страны отраслями производства, с более совершенной техникой. Происходит, как выражается автор, «перелив из сферы ссудного капитала в сферу капитала производительного» (стр. 37). Версальский договор возвращает Франции богатейшие рудные месторождения, и французская тяжелая промышленность приобретает значительно расширенную базу. Французское правительство тратит колоссальные средства на восстановление разрушенных войной областей. Огромные рас-

¹ Торез Морис, Современная Франция и Народный фронт. М. 1937, Соцэкгиз, стр. 53.

ходы производятся отчасти за счет репарационных платежей, т. е. за счет ограбления рабочего класса Германии, и в неизмеримо большей доле за счет бумажно-денежной инфляции. При помощи инфляции происходит ограбление рабочего класса вследствие снижения реальной заработной платы. Инфляция влечет за собой и разорение трудящегося крестьянства и мелкого ремесла. В то же время французское правительство выдает за счет народных средств громадные авансы на так называемое восстановление разрушенных войной областей. Эти авансы являются по существу не чем иным, как жирными подачками крупным капиталистам и аграриям, которые и используют их на обновление и расширение своего основного капитала.

Резко снижая расходы на заработную плату, инфляция делала французских промышленников конкурентоспособными на мировых рынках, открывала широкие возможности для проведения валютного демпинга.

Подробно и обстоятельно на большом, в значительной мере новом, цифровом материале автор показывает процесс усиления концентрации во всей французской промышленности и в отдельных ее отраслях: каменноугольной, металлургической, химической, металлообрабатывающей, а из новых — в автомобильной, радиопромышленности, кинопромышленности, промышленности искусственного шелка. В рецензируемой книге детально показан ход создания крупных комбинатов, крупных синдикатов, картелей и т. д. Все это происходит на почве стремления к монополиям, в борьбе за рынки сбыта и источники сырья. Но усиление монополий не только не исключает, а еще больше обостряет конкуренцию как внутриотраслевую, так и межотраслевую. «Несмотря на дальнейший рост мировых финансовых связей и распространение международных картелей в некоторых отраслях, неравномерность роста промышленности, ее рынков и себестоимости привела к еще большему обострению международной конкуренции, непрочности и острой борьбе внутри картелей... Экономический кризис, валютный и кредитный хаос еще более обострили эти противоречия» (стр. 97) — вот вывод автора из приведенного им обширного иллюстрационного цифрового и фактического материала.

Опираясь на этот вывод, автор показывает, как действительность вдребезги разбила социал-демократическую теорию Каутского, подхваченную бандитами, фашистскими агентами Троцким и Бухарным об «ультраимпериализме», о «создании единого мирового треста». В. И. Ленин доказал неизбежность обострения конкуренции при империализме, неизбежность войн между капиталистическими странами и обострения классовых борьбы при империализме.

Следует отметить, что вопросы об ультраимпериализме автором рецензируемой книги освещены недостаточно полно.

Глава III рецензируемой книги озаглавлена «Банки, финансовый капитал и финансовая олигархия». В отношении цифрового материала автор здесь менее щедр, чем в предыдущих и последующих главах. До известной степени это объясняется тем, что французские банки

крайне неохотно сообщают сведения о своей деятельности и стараются публикуемые балансы свести к минимуму статей, мало гозорящих и с трудом поддающихся анализу.

Автор рецензируемой книги описывает отдельные виды французских банков и их взаимоотношения, их тенденцию к концентрации и созданию постоянных банковских картелей, изображает сращивание банков с крупной промышленностью, словом, описывает процесс, посредством которого «...банки перерастают из скромной роли посредников в бессильных монополистов, распоряжающихся почти всем денежным капиталом всей совокупности капиталистов и мелких хозяев...»¹.

В результате А. И. Шнейерсон приходит к выводу, что «в банковом деле, как и в промышленности, конкуренция приводит к монополии, монополия, в свою очередь, обостряет конкуренцию» (стр. 126).

Далее подробно, подчас даже излишне подробно, излагается история современных связей «высоких банкиров», концернов Шнейера и де Ванделя, для чего используются данные интересной книги А. Намон «Les maîtres de la France» и ряда других авторов. Описав важнейшие концерны (металлургические, химические, электрические), разобрав вопрос о предпринимательских союзах и о конкуренции в мире финансовой олигархии, автор рецензируемой книги использует этот материал, для того чтобы еще раз подчеркнуть, что, хотя связи в среде финансовой олигархии делают возможным проведение монополистических соглашений, но соглашения эти, будучи лишь формой конкурентной борьбы за прибыль и господство, ни при каких условиях не могут привести к организованному капиталистическому хозяйству. Автор совершенно правильно указывает, что теория «организованного капитализма» есть выражение интересов «наиболее реакционных, озверелых элементов финансового капитала и их фашистской агентуры» (стр. 170).

На примерах, взятых из хозяйственной жизни современной Франции, автор в главе IV своей работы иллюстрирует положение В. И. Ленина о том, что «Личная уния» банков с промышленностью дополняется «личной унией» тех и других обществ с правительством². Затем автор анализирует деятельность французского эмиссионного банка и вопрос об усилении государственно-капиталистических тенденций во Франции. А. И. Шнейерсон показывает, что государственное вмешательство в экономику сводится в конечном итоге к выдачам крупному капиталу субсидий в открытой или замаскированной форме, например, в виде заказов по выгодным ценам, особых привилегий при поставках, гарантий по займам, премий и т. д. и т. п. В результате: «участие государства оказывается средством монополизации целых отраслей в руках одной-двух компаний крупнейших капиталистов» (стр. 201).

Глава заканчивается разделом о налоговой политике Франции, где автор показывает, что

¹ Ленин, Соч., т. XIX, стр. 93.

² Там же, стр. 102—103.

«тесная связь монополий с государством влечет перекачку народного достояния при помощи бюджета в карманы монополий» (стр. 205).

В главе V «Господство финансовой олигархии и положение трудящихся масс» разбираются вопросы о росте цен, о прибылях крупного капитала, об усилении эксплуатации рабочего класса и борьбе предпринимательских союзов против рабочего движения. В этой же главе дается анализ положения сельского хозяйства, отстающего в темпах развития от промышленности, описывается рост эксплуатации трудящегося крестьянства промышленными монополиями, которые удерживают высокие цены на с.-х. машины и орудия, удобрители и, наоборот, снижают цены на перерабатываемое ими с.-х. сырье: сахарную свеклу, шерсть, лен и т. д. В эксплуатации трудящегося крестьянства не отстают и банки с дорогим ипотечным кредитом.

Мировой экономический кризис 1929—1932 гг. в сильнейшей степени усилил хроническую недогрузку предприятий во Франции, сократил объем внешней торговли и экспорт, даже в собственных колониях, увеличил государственный долг и вызвал избыток не находящего применения судного капитала. Все это чрезвычайно обострило внутренние противоречия и усилило процесс загнивания французского капитализма. Обострение противоречий капитализма усилило агрессивность финансового капитала, стремящегося к уничтожению парламентского строя и демократических свобод, завоеванных трудящимися Франции в многолетней борьбе с буржуазией. Эта тема трактуется в заключительной главе рецензируемой книги. В этой же главе, на основе широкого использования выступлений коммунистических вождей Франции, данных коммунистической партийной прессы и т. д. автор рисует этапы борьбы народного фронта против фашизма. А. И. Шнейерсон указывает, что победы народного фронта способствовали началу экономического оживления в стране, повысили покупательную способность широких масс и уменьшили безработицу. Автор заканчивает указанием, что эти победы являются одним из важнейших факторов, изменяющих соотношение сил в мировом масштабе в пользу лагеря демократии и мира. Именно эти победы наглядно показали трудящимся всех стран, что фашизм не является «неизбежным» злом, что сплочение трудящихся может преградить путь фашизму.

Таково в основных чертах содержание рецензируемой работы. Она дает много интересного и нового материала, подтверждающего гениальный анализ империализма, данный В. И. Лениным.

Обилие цифрового и фактического материала, как мы об этом уже говорили, является в общем положительной стороной рецензируемой работы. Во многих случаях, однако, этот материал не сконцентрирован, разбросан. Подчас он является не только лишним, но и мешает усвоить мысль автора. К чему, например, для иллюстрации роста косвенных налогов приводить данные об обложении какао и кофе, продуктов, отнюдь не типичных для бюджета ра-

бочего. Тогда как французский рабочий употребляет в лучшем случае суррогаты кофе. В общем большом вопросе о роли финансового капитала в деревне никакого интереса не представляет подробная таблица цен на томаты по 14 отдельным департаментам, цен на морковь, тыкву, дыни (стр. 259). Разве недостаточно было бы сообщить (проиллюстрировав эту мысль одним-двумя наиболее разительными примерами), что цены на овощи в производящих районах во много раз ниже цен в потребляющих районах и что львиная доля этой разницы оседает в кармане посредников.

Еще хуже то, что приводимые цифры не сопровождаются четким пояснением. Так, главу, излагающую вопрос о прибылях крупного капитала (стр. 217 и сл.), автор начинает с правильного замечания, что чем крупнее предприятие, тем более склонно оно преуменьшать свои действительные прибыли и не предоставлять их в качестве дивиденда широкой массе акционеров. Казалось бы, что прежде чем преподнести цифры о дивидендах, автору следовало ознакомить читателя с сущностью дивидендной политики финансового капитала. Однако автор поступает не так. Он приводит сначала в таблице и в тексте данные о размерах дивидендов с 1890 г., а иногда и в более ранние периоды, занимает этими данными 4 страницы, оставляет у читателя впечатление о весьма высоком размере дивиденда и только затем разъясняет существо дивидендной политики. Затем вновь делается сдвочек в область цифр для перечисления предприятий, не выдававших дивиденда. При этом статистика выданных дивидендов заканчивается 1932 г., а данные о невыданных дивидендах касаются 1934 г. Для читателя остается неизвестным и непонятным, почему собственно до 1913 г. наблюдается полная стабильность дивидендов, с 1925 по 1932 г. — крайняя пестрота, почему в 1934 г. отдельные заводы одной и той же отрасли промышленности выдают дивиденд, а другие их не выдают, почему завод Крезов выдал дивиденд в размере 20%, а другие металлургические концерны не только не выдали дивиденда, но и получают прибыль на 25—50% ниже. Играли ли здесь роль военные заказы фирме Крезо, или речь идет о разной степени зависимости предприятий от акционеров, о большей распыленности акций у одних и большей концентрации, а следовательно, и независимости от акционеров — у других, — все это остается невыясненным.

Вопрос о дивидендной политике концернов в настоящих условиях имеет большое политическое значение. Достаточно привести в качестве примера политику германского фашизма, который сознательно грабит мелких акционеров в пользу магнатов финансового капитала под лозунгом снижения процента. Фашизм предоставляет возможность крупным концернам расширять свои предприятия за счет невыплатенных дивидендов и скупать акции по низким ценам из «нетвердых» рук, обеспечивая этим совершенно бесконтрольное хозяйничанье концернов.

Мы уже упоминали, что при анализе деятельности французских банков автор рецензируемой книги не проявляет большой щедрости в приведении цифрового материала. Хотя ма-

тернала этого не особенно много, все же он имеется, например, в соответствующих изданиях Лиги наций, которые и можно было использовать. Автор не анализирует динамики вкладов, ограничиваясь приведенным общей их суммы за один, и притом случайно взятый, 1933 г. Между тем движение вкладов весьма показательно для иллюстрации процесса концентрации. Цифры, характеризующие развитие сети филиалов, взяты из разных источников и резко расходятся с данными Лиги наций. Так, по данным, приводимым Реботье, шесть крупнейших банков Франции имели сеть в 5 770 филиалов и агентств, а по данным Лиги наций, эти же банки в тот же период времени имели всего 2 161 учреждение. Ясно, что в основу подсчета берутся разные единицы. Лишь вскользь автор коснулся такого события, как ликвидация в 1931 г. Banque Nationale du Credit. Этот банк был учрежден в 1913 г., быстро развивался и занял четвертое место среди депозитных банков Франции; капитал и резервы его составляли 500 млн. франков, а депозиты достигли 5 млрд. франков, банк имел сеть в 1 000 отделений и агентств. Пассив и актив этого банка взял на себя новый банк под фирмой Banque Nationale le Commerce et l'Industrie, а не Banque Nationale du Credit Industriel, как неправильно указывает автор (стр. 119). Мы не нашли также в рецензируемой работе анализа слияния второго по величине «делового банка» Banque de l'Union Parisienne с третьим по величине банком этого рода Credit Mobilier Français, что, конечно, представляло бы интерес.

Автор в своей работе недостаточно внимания уделяет вопросам «механики» финансовых операций, знание которой совершенно необходимо, для того чтобы правильно оценивать то или иное экономическое явление и делать правильные из него выводы. Так, например, недостаточно квалифицировать акцептный кредит как одну из форм вывоза краткосрочного капитала. Экспорт капитала в этой форме гораздо сложнее и, так сказать, менее очевиден, чем в других видах вывоза капитала.

В чем сущность акцептного кредита? Крупнейшие, пользующиеся мировой известностью, банки или крупные банкирские дома, сделавшие акцептный кредит своей специальностью, в странах, валюта которых имеет постоянно обеспеченный спрос, разрешают выставлять на себя тратты, вытекающие из международных экспортных и импортных операций или из финансовых комбинаций крупных капиталистов. Банки эти акцептуют такие тратты, гарантируя, таким образом, их оплату в срок. С такой гарантией эти тратты легко учитываются на любом денежном рынке на наиболее льготных условиях учетного процента. Совершенно естественно, что гарантия среднего, а тем более мелкого банка, не найдет признания на денежных рынках, а потому и не сообщает его акцепту того свойства легкой и дешевой реализуемости, которая и составляет сущность акцептного кредита. Поэтому нельзя говорить, что крупные банки вытеснили мелкие из акцептной операции и монополизировали ее, как они вытесняют мелкие банки из других операций, так как только крупные банки или получившие мировое признание специальные банкир-

ские дома могут заниматься акцептными операциями.

Акцептный кредит доступен далеко не всем странам, а лишь ведущим капиталистическим странам. Основная борьба в этой области ведется между Англией и США. До войны в акцептных кредитах видную роль играла Германия, усилению и успешно конкурировавшая с Англией. Теперь Германия акцептная операция абсолютно недоступна. Совершенно неправильно квалифицировать экспорт капитала при помощи акцептных кредитов как наиболее «безопасную» и ликвидную его форму (стр. 66). Известно, например, что США в послевоенный период и французский акцептный банк, о котором говорится в рецензируемой книге, потерпели на акцептной операции весьма большие убытки и что американские банки вынуждены были весьма сильно сократить свои акцептные кредиты, особенно после потерь, понесенных на кредитовании Германии и Латинской Америки. Экспорт капитала при помощи акцептных кредитов никогда не достигал во Франции сколько-нибудь широких размеров, а с обесцением франка он вообще свелся к нулю. Организация специального акцептного банка, созданного при участии крупнейших банков Франции, действительно была предпринята в целях конкуренции с Англией, но эта попытка успехом не увенчалась. По данным Лиги наций¹, акцепты четырех крупнейших депозитных банков снизились между концом 1929 и концом 1932 г. на 1 млрд. франков, или почти на 80%; в течение первых 9 месяцев 1933 г. было отмечено дальнейшее снижение. На конец июня 1934 г. статья «акцепты» составила всего 208 млн. франков, или приблизительно 2,8 млн. фунтов стерлингов против 109 млн. фунтов стерлингов у английских клиринг-банков, на которые отнюдь не падает вся масса акцептного кредита, предоставляемого в Англии преимущественно специальными банками. В момент расцвета акцептного кредита во Франции он не превышал 50 млн. долларов против 1 732 млн. долларов в США, оперировавших тогда первое место.

Неверно утверждение автора, что французские «деловые банки благодаря своему монопольному положению не нуждаются в филиалах...» (стр. 118). Дело вовсе не в монопольном положении, ибо монопольное положение занимают во Франции и депозитные банки. Дело в особенностях операций деловых банков.

А. И. Шнейерсон весьма интересно и обстоятельно трактует вопрос о «специализации» и «универсализме» в банковом деле и на ряде примеров и фактов доказывает, что понятия эти являются двумя сторонами (мы бы сказали лучше формами) одного и того же явления — монополии финансового капитала. Но и тут автор недостаточно использует описание техники взаимосвязей между отдельными видами банков, ясно и отчетливо изложенных в хорошо известной и часто цитируемой автором книге Реботье «Участие банков в промышленности». Кстати, учреждение банков для долгосрочного финансирования промышленности в виде формально независимых, юридически самостоя-

¹ Les Banques Commerciales.

тельных организаций, а не в форме обычных филиалов объясняется не тем, что банки-учредители избавляются от риска «замораживания» своих капиталовложений, а главным образом тем, что депозитные банки-учредители вовсе не склонны афишировать своей связи с промышленностью и официально свидетельствовать о том, что доверенные им вкладчиками на короткий срок капиталы они употребляют на долгосрочные и уже по одному этому рискованные инвестиции. Во-вторых, именно такая форма ограничивает риск банка-учредителя размерами инвестированного им в дочерие предприятия капитала, избавляя банк от ответственности по тем сделкам, которые банки-дочери заключают от своего имени с третьими лицами.

Автор не указал, что для сраживания депозитных банков с промышленностью характерны не только размещение ценных бумаг, их хранение, оплата купонов, ссуды под них и т. д. (стр. 120), но еще в большей степени, особенно во Франции, система так называемых «краткосрочных промышленных инвестиций», т. е. часто меняющихся частей в тех или иных промышленных предприятиях путем покупки и продажи акций. Это не только форма биржевой спекуляции, но весьма часто проявление экспансии банка, его стремления к завоеванию все новых и новых позиций в разных отраслях промышленности.

Из отдельных моментов надо еще отметить недостаточный анализ реформы центрального эмиссионного банка страны — Банк де Франс.

Описанию реформы уделено около полустраницы (стр. 288), где говорится главным образом об организационных мероприятиях.

Реформа Банк де Франс, даже в той степени, в какой правительству Блюма удалось ее провести, встретила бешеное сопротивление финансовой олигархии. Последним официальным актом бывших регентов явилось письмо, имевшее целью запугать правительство неизбежными, по их мнению, опасностями при проведении нового закона. Автор даже не упоминает об этом письме.

Недостаточно выяснен процесс тезаврирования денег и золота, а тезаврирование банкнот есть акт недоверия широких масс, преимущественно крестьянских, к правительственному кредиту.

В главе «Финансовый капитал и сельское хозяйство» (стр. 250 и сл.) А. И. Шнейерсон не дал полной картины состояния сельского хозяйства современной Франции. Автор ограничился лишь общими данными о положении сельского хозяйства в стране, не проанализировав глубоко этого вопроса. Автор не показал в полной мере тяжелое положение крестьянских масс, характерное для эпохи финансового капитала. Это является несомненно крупным недостатком данной работы.

В виде общего замечания следует сказать, что автор недостаточно овладел техникой расположения исследуемого материала, в результате чего последний недостаточно концентрирован, разбросан.

А. УСЫКИН

Загнивание науки в капиталистических странах «Наука в тупике» (о положении науки в странах капитализма). Соцэкгиз, М. 1938.

Капиталистическое производство не дает широкого простора научной мысли. Но все же эпоха промышленного капитализма вызвала к жизни такие яркие открытия и изобретения, такое глубокое проникновение в тайны природы, каких до того не знало человеческое общество. Достаточно напомнить изобретение и широкое применение парового двигателя, электричества, двигателя внутреннего сгорания, обрабатывающих машин. Не меньшее значение имеют открытия в области химии, биологии и т. д. Имена Уатта, Аркрайта, Стефенсона, Попова, Фарадея, Эдиссона, Менделеева, Мечникова, Сеченова, Пастера, Коха навеки сохраняются в памяти человечества.

Однако если на восходящей линии своего развития капитализм способствовал развитию науки, то иное положение мы наблюдаем в настоящее время.

Для эпохи империализма становится характерной тенденция к загниванию науки и техники.

Ленин следующим образом характеризует эту тенденцию: «...самая глубокая экономическая основа империализма есть монополия. Это — монополия капиталистическая, т. е. выросшая

из капитализма и находящаяся в общей обстановке капитализма, товарного производства, конкуренции, в постоянном и безысходном противоречии с этой общей обстановкой. Но тем не менее, как и всякая монополия, она порождает неизбежно стремление к застою и загниванию. Поскольку устанавливаются, хотя бы на время, монопольные цены, постольку исчезают до известной степени побудительные причины к техническому, а следовательно и ко всякому другому прогрессу, движению вперед; постольку является, далее, экономическая возможность искусственно задерживать технический прогресс... Конечно, возможность понизить издержки производства и повысить прибыль посредством введения технических улучшений действует в пользу изменений. Но тенденция к застою и загниванию, свойственная монополии, продолжает в свою очередь действовать, и в отдельных отраслях промышленности, в отдельных странах, на известные промежутки времени она берет верх»¹.

Тенденция к загниванию, характерная для империализма, особенно в период общего кри-

¹ Ленин, Соч. т. XIX, стр. 151.

зиса капитализма, находит наиболее яркое выражение в фашистских странах.

Рецензируемая книжка является сборником статей, в которых дается обзор последних достижений науки и возможностей ее практического применения в промышленности, сельском хозяйстве, в быту в Англии, США, Германии. Статьи написаны английскими либерально настроенными учеными.

В книге — 7 статей: «Наука в тупике» — проф. П. М. Блэккетта; «Наука и промышленность» — Дж. Д. Бернала; «Наука и сельское хозяйство» — Даниэля Холла; «Изобретение бесплодия» — д-ра Энида Чарлза; «Медицина» — проф. В. Х. Моттрама; «Бактериологическая война» — д-ра П. А. Горера; «Авиация» — Дж. Г. Крауера.

Авторы сборника рисуют мрачную картину застоя науки и техники в капиталистических странах, ограничения рамок научного исследования главным образом задачами непосредственной подготовки к войне, особенно в странах фашизма.

Особый интерес представляет статья Дж. Д. Бернала, посвященная применению науки в промышленности. Автор показывает, что капиталистическая промышленность не в состоянии использовать новые, чрезвычайно важные и интересные достижения науки. Отдельные высказывания в других статьях книги дополняют эту безрадостную картину.

В машиностроении, этой ведущей отрасли современной промышленности, политика капитализма, по свидетельству Дж. Д. Бернала «в корне противоречит духу механических изобретений» (стр. 28). Вместо того чтобы изобретать сложные высокопроизводительные машины, капиталисты стремятся использовать на производстве сравнительно менее производительные машины для применения самого дешевого труда. Но в связи с кризисом в капиталистических странах задерживается включение в производство даже этих «противоречащих духу механических изобретений» машин. «...Законы против установки новых машин в отдельных отраслях и дальнейшей рационализации производства уже вступили в силу в Германии, Италии и США» (стр. 14) — с горечью констатирует проф. Блэккетт.

Известно, какое громадное значение имеет для народного хозяйства чугун и, следовательно, как важно увеличивать его производство и удешевлять его стоимость. Одним из замечательнейших достижений техники последнего времени является производство чугуна при низкой температуре, чрезвычайно ускоряющей этот процесс и снижающей стоимость чугуна. Но это открытие не нашло широкого применения в капиталистических странах, так как оно «обрекло бы на слом домы всего мира» (стр. 39). «Когда подобные процессы станут настолько очевидными, — иронически замечает Дж. Бернал, — что их нельзя будет игнорировать или даже купить и спрятать, то капитал устремится в них, а пока мы должны мириться с извлечением прибылей из уже устаревших технических процессов» (стр. 39).

В строительной промышленности все большее место завоевывает стекло. Оно «...уже перестало служить материалом исключительно бытового назначения. Оно делается частью тя-

желых строительных конструкций» (стр. 26). Но в условиях монополистического капитализма внедрение этого строительного материала нового вида встречает резкое сопротивление.

Несколько лет назад в лаборатории был впервые изготовлен особый сорт стекла — аэроджель (стр. 26). В нем сочтается прозрачность с тепло- и звукопроницаемостью. По весу это стекло легче пробки. В промышленном использовании аэроджеля заложены огромные возможности, он «...революционизирует принципы архитектуры и строительства» (стр. 26). Однако для его промышленного использования «до сих пор практически ничего не было сделано» (стр. 26).

Загнивание буржуазной науки отчетливо видно на примере использования электрической энергии и развития авиации.

Поскольку в настоящее время «основная проблема производства энергии разрешена» (стр. 29), задача науки, говорит Дж. Д. Бернал, «относится больше к экономии в распределении энергии, чем к ее производству» (стр. 29). Выполнение этой задачи требует строительства громадных электростанций. «Максимальная утилизация электроэнергии возможна тогда, когда она производится и распределяется на пространстве свыше двух-трех тысяч миль» (стр. 29). Для капиталистического общества недоступно строительство таких мощных электростанций с огромной сетью электротрансформаторов, обеспечивающих огромные масштабы производства и распределения электроэнергии. Лишь в СССР сняты оковы, сдерживающие развитие производительных сил. На нашей родине уже сейчас «благодаря лучшему использованию мощностей на один киловатт мощности электростанций вырабатывается электроэнергии в 1,5—2,5 раза больше, чем в капиталистических странах»¹.

В области авиации капиталистические страны добились немалых успехов. Однако развитие авиации и производительное применение ее при капитализме наталкиваются на множество преград. «Развитие авиации было подорвано, — пишет один из авторов рецензируемого сборника, — ее подчинением нуждам войны, а также земельными собственниками (препятствовавшими постройке аэродромов в лужных полях, — А. У.) и националистическими правительствами» (стр. 87). Последние воспрещают открытие воздушных линий через их территорию по наиболее выгодным и эффективным трассам.

Не меньшим тормозом в развитии науки и техники является и капиталистическое земледелие. При капитализме земельная рента в огромной мере удорожает сельскохозяйственное производство и создает условия, препятствующие применению науки и технических усовершенствований в сельскохозяйственном производстве. Автор приводит ряд убедительных примеров, свидетельствующих о том, что прогресс науки и техники, в первую очередь применение машин, удобрений и т. д., несовместим с капиталистическим земледелием.

Автор указывает на любопытный факт: «До сих пор во всех странах приходится содержать

¹ «20 лет советской власти в цифрах», 1937, стр. 24.

большую организацию лекторов и демонстраторов в дополнение к параллельной организации крупных промышленных фирм, чтобы убеждать фермеров вообще применять эти удобрения или же применять их грамотно» (стр. 45).

Почему это происходит? Автор вполне резонно объясняет это самой сущностью капиталистической системы хозяйства, при которой не только крестьяне, но даже мелкие капиталистические фермеры (например английские) «не имеют средств для экспериментов, в особенности, если учесть, что ожидаемая прибыль подвержена многим случайностям» (стр. 44—45).

Огромным препятствием на пути развития науки и техники в капиталистических странах является то, что в земледелии невозможно применить эффективной организации труда и машин: «Машина выгодна только в том случае, — пишет Даниэль Холл, — если эксплуатация окупает ее стоимость. Если для полного использования упряжки лошадей необходимо от 50 до 70 акров, то для высокопроизводительных мощных тракторов требуется площадь в десятки раз большая» (стр. 48). Разумеется, для крестьянина и среднего фермера такое хозяйство недоступно, и сам автор приходит к выводу, что «...существующая организация земледелия, раздробленного на мелкие индивидуальные хозяйства, восстает против полной утилизации успехов наук» (стр. 48. Подчеркнуто мной, — А. У.). Таков вывод буржуазного ученого.

Безотрадное положение сельскохозяйственной науки усугубляется демпингом и политикой цен капиталистических монополий, торгующих сельскохозяйственными продуктами.

Демпинг сельскохозяйственных товаров возможен лишь за счет неизменно низких покупных цен, по которым монополистические объединения покупают товары у крестьянина. Таким образом, политика демпинга ведет к еще большему разорению масс крестьянства. Продавая товары по низким ценам, крестьянин не имеет возможности купить удобрения, машины и землю. «Научные достижения» капиталистического производства сводятся к еще более зверской эксплуатации крестьянина. Проводимая в капиталистических странах монополия и политика ограничения производства убивают у лучших представителей науки всякую надежду на возможность применения в сельском хозяйстве новых достижений науки.

Даниэль Холл так описывает беспросветное положение сельскохозяйственной науки в капиталистических странах: «Раньше говорили, что величайшим благодетелем общества был человек, который вырастил два колоса вместо одного. В наше время, когда народы вырабатывают соглашения об ограничении производства и даже об уничтожении продуктов земледелия, — дело обстоит иначе. Теперь человек науки, занимающийся агрокультурой, чувствует себя виноватым перед обществом. В течение двух поколений его упрашивали повышать плодородие земли и уменьшать издержки производства. Теперь же американский профессор агрокультуры пишет мне:

«Десять миллионов акров хлопчатника и несколько тысяч акров табачных плантаций были

запаханы. Последний план состоит в том, чтобы уничтожить около пяти миллионов свиней весом меньше ста фунтов и двести тысяч свиноматок. Если это принесет национальное процветание, то я свою жизнь потратил зря» (стр. 43).

Человек науки, занимающийся агрокультурой, чувствует себя виноватым перед обществом. Можно ли более отчетливо иллюстрировать загнивание сельскохозяйственной науки в капиталистическом обществе? Какая противоположность между положением науки в капиталистических странах и в СССР! У нас в стране для развития науки, в частности сельскохозяйственной, открыты необъятные горизонты. Социалистическое сельское хозяйство создало все условия для плодотворного сочетания сельскохозяйственной науки с практикой строительства и укрепления совхозов, колхозов и МТС.

При капитализме достижения науки и техники не могут быть использованы для повышения уровня благосостояния масс. По этому поводу проф. П. М. Блэккет пишет: «Промышленность и наука сделали такие огромные успехи, что технически теперь вполне возможно немедленное значительное повышение уровня жизни, в особенности жизни рабочих. Но социальный и экономический строй нашей западной мира таков, что мы не в состоянии теперь использовать полностью преимущества уже достигнутого нами технического прогресса» (стр. 10. Подчеркнуто мной, — А. У.). Это относится к сохранению здоровья трудящихся, к их питанию, одежде, жилищу.

Одним из опаснейших врагов человечества, особенно трудящихся, являются эпидемии. Бактериология сделала не мало для того, чтобы найти способы борьбы с некоторыми видами эпидемических заболеваний и спасла не один миллион человеческих жизней. Но дальнейшее развитие бактериологии в странах капитализма дало бы обратные результаты из-за постоянной угрозы войны, так как «решение различных важных проблем эпидемиологии привело бы, несомненно, к усилению средств нанесения зла» (стр. 79). «Сам факт публичного обсуждения проблем бактериологического нападения представляет собой зловещее предзнаменование» (стр. 71). Поэтому в капиталистическом обществе «ученого исследователя, провозглашающего открытие новой вакцины или находящего объяснение какой-либо темной медицинской проблемы, больше не будут приветствовать как благодетеля человечества. Его могут обвинить в выдаче сведений, полезных для враждебной державы» (стр. 79).

Наука, ставшая своей целью улучшение качества пищи и сохранение ее, достигла больших успехов. Но в капиталистических странах достижения в этой области науки недоступны широким слоям населения. Наоборот, питание трудящихся в капиталистических странах, особенно в фашистских, все время ухудшается. Дж. Д. Бернал с отчаянием указывает на это противоречие, задерживающее развитие науки: «Кажется трагическойironией писать о прогрессе питания, в то время как четыре пятых человечества должно есть меньше, чем это со-

вместимо с интересами здоровья (не говоря уже о производительности труда), вследствие этой принудительной экономии» (стр. 34).

То же относится и к одежде. Дж. Д. Бернал указывает, что не исключена возможность производства одежды путем изготовления из целлюлозы при помощи прямых химических и механических методов легкого и пористого материала, из которого можно будет затем прямо отливать или штамповать одежду. Такая одежда будет стоить гроши. «Но... применение подобных изобретений было бы неизмеримым бедствием. Миллионы людей были бы выброшены на улицу, целые страны были бы опустошены. Последовала бы, несомненно, оргия финансовой спекуляции. На данном примере ярко обнаруживается существующее противоречие между применением науки и экономическим строем. Ради сохранения современной экономической системы мы продолжаем пользоваться примитивными методами производства» (стр. 27. Подчеркнуто мною.— А. У.).

В настоящее время изобретены белые газосветные лампы, которые имеют большое преимущество перед существующим электрическим освещением. Производство их «не является неразрешимой проблемой, по ее немедленное решение повлекло бы за собой дезорганизацию и убытки для фабрикантов лампочек и компаний, владеющих электростанциями. Поэтому, вместо того чтобы пользоваться этими лампами уже в течение 10 лет, мы должны будем ждать еще десяток лет...» (стр. 39).

Развитие архитектуры и планировки жилых зданий в капиталистических странах тормозится наличием частной собственности, особенно частной собственности на землю: из-за частных интересов отдельных владельцев старые непригодные для жилья здания не сносятся (как это например делается у нас в СССР). Это задерживает строительство на их месте новых зданий, вполне отвечающих потребностям человека. В результате от сих пор «архитектура не испытала коренных сдвигов за исключением изменения в стиле, который из причудливого сделался простым. Требование экономии места в больших городах привело к употреблению в крупных зданиях новых материалов, но современный небоскреб внутри просто дублирует помещения, известные еще древнему Египту. Перепланировка окружающей среды человека среди точек зрения его потребностей едва только началась. Она не может развиваться сама собой чисто технически, потому что должна охватить не только изменения в устройстве жилья, комнат и домов, но и целые города и сельские местности» (стр. 32).

О. загнивании науки и об отсутствии внимания к ней в капиталистических странах наиболее всего свидетельствуют те мизерные средства, которые отпускаются в буржуазных странах на исследовательскую работу, и тяжелое материальное положение, в котором находятся там ученые.

Финансирование научных исследований и исследователей как отдельными капиталистами, так и государством из года в год уменьшает-

ся. Поощряются только исследования, способствующие решению военных задач.

Дж. Д. Бернал с горечью пишет: «В настоящее время финансирование науки непростительно мизерно... Если бы даже расходы на научное исследование выросли в 10 раз, стоимость научной работы попрежнему оставалась бы совершенно незначительной долей в общих издержках производства. Но подобное предложение привело бы в ужас любого правительственного чиновника и даже университетские власти» (стр. 37).

В СССР финансирование научной работы из года в год увеличивается (с 1925/26 по 1936 г. оно выросло в 29,5 раза) ¹, а в странах капитализма из года в год сокращается.

В то время как в СССР на научную работу в 1936 г. было израсходовано 827 млн. руб. ², в Англии на исследовательскую работу гражданского характера отпускается 450 тыс. фунтов стерлингов... (стр. 42), на исследовательскую работу в частных капиталистических предприятиях — около 200 тыс. фунтов стерлингов и в университетах — около 500 тыс. фунтов стерлингов (стр. 21), что составляет всего 1 150 тыс. фунтов стерлингов. Поистине непростительно мизерная цифра. И это происходит в Англии, в стране, которая, по признанию авторов сборника, «...находится в наиболее благоприятном положении среди всех капиталистических стран...» (стр. 37). Еще в худшие условия поставлена исследовательская работа в фашистской Германии и фашистской Италии. Фашизм является смертельным врагом науки, культуры. Он уничтожает плоды многовековой научной мысли.

Только в СССР созданы условия для расцвета подлинной передовой науки. Только социализм может обеспечить плодотворную работу ученым, являющимся представителями передовой науки.

У нас в стране партия окружает исключительным вниманием представителей науки, двигающих науку вперед. Товарищ Сталин в речи на приеме работников высшей школы 17/V 1938 г. говорил, что передовая наука — это такая наука, «...которая имеет смелость, решимость ломать старые традиции, нормы, уставы, когда они становятся устаревшими, когда они превращаются в тормоз для движения вперед...» ³.

В капиталистических странах даже небольшие ассигнования... «на научные исследования сокращаются или полностью ликвидируются, в особенности когда та или иная отрасль промышленности, например резиновая, делается слишком продуктивной» (стр. 39).

Когда работа исследовательской ассоциации резиновой промышленности в Англии оказалась «слишком успешной» и помогла значительно расширить круг производителей резиновых изделий, «крупнейшие фирмы в резиновой про-

¹ «20 лет советской власти в цифрах», М. 1937, стр. 88.

² Там же.

³ И. Сталин, Речь на приеме в Кремле работников высшей школы 17 мая 1938 г., «Правда», 19/V 1938 г.

мышленности... предпочли вернуться к своим собственным секретным исследовательским лабораториям» и... «сократили продукцию, чтобы утронуть цену» (стр. 39). Этот известный в Англии случай не единичен: «...подобные же факты произошли и в шелковой промышленности и в производстве металлических изделий широкого потребления» (стр. 40).

Финансирование науки в странах капитализма организовано таким образом, чтобы обеспечить в первую очередь развитие военной промышленности. В английской армии и флоте на научные исследования затрачиваются 2 млн. фунтов стерлингов, т. е. почти в 2 раза больше, чем на исследовательскую работу во всех областях «гражданских исследований».

Резкое сокращение финансирования исследовательской работы привело к массовой безработице среди научных кадров. «Многочисленным кадрам исследовательских работников Великобритании и США серьезно угрожает безработица» (стр. 64), — пишет проф. В. Х. Мотрам. Его статья, написанная в 1935 г., теперь уже не соответствует тяжелой действительности. В настоящее время безработица в странах капитализма не только угрожает, а стала фактом.

Авторы рецензируемого сборника не ограничиваются отдельными примерами, свидетельствующими о загнивании науки в буржуазных странах. Анализ отдельных примеров приводит их к общему выводу относительно основной причины загнивания науки в странах капитализма и о путях выхода ее из тупика.

Все авторы сборника совершенно правильно связывают тенденцию к загниванию науки и техники с природой монополистического капитализма. Эту общую для всех авторов мысль лучше других высказал Дж. Д. Бернал: «Крупные фирмы имеют тенденцию к исключительной косности в организации производства. Эта тенденция усиливается, когда они соединяются в картели или тресты и пытаются устранить конкуренцию при помощи таких методов, как ограничение производства» (стр. 38).

Каким пессимизмом звучат слова того же Дж. Д. Бернала о том, что типичная для современных империалистических государств «направленная к войне политика поощряет меньше всего науку...» (стр. 40).

И действительно, о каком поощрении науки может идти речь, когда в Англии призывают к десятилетнему «...отдыху для науки» (стр. 39)¹.

Дж. Д. Бернал дает совершенно объективную характеристику «науки» в Германии, когда пишет: «Логическим результатом националистической политики является, конечно, возвращение к донаучному времени...» (стр. 42).

Проф. Блэккет выражает мнение всех прогрессивных ученых капиталистических стран, говоря: «Стрелка пидустриального прогресса переводится назад» (стр. 14).

Но где же другой путь, путь движения вперед? На этот вопрос проф. Блэккет отвечает:

«... единственный другой путь — это путь социализма. Социализму потребуется вся наука, которую он сумеет получить, чтобы производить возможно больше богатств. Ученым осталось, пожалуй, немного времени, чтобы решить, на чьей стороне они будут стоять» (стр. 18).

Авторы сборника сознают, что развитие науки не совместимо с капитализмом: «...для того, чтобы наука была использована на благо человечества, необходимо выбросить (to scarp) эту (капиталистическую.— А. У.) экономическую систему на свалку и ввести рациональную» (стр. 27). Они пишут: «Перед нами есть один пример — русский план» (стр. 53). Авторы сборника признают, что сокращение расходов на науку относится ко всему миру, кроме СССР (стр. 37), что физическая наука переживает кризис во всем мире, кроме СССР (стр. 20), что, наконец, рост народонаселения — наиболее яркий показатель роста благосостояния народа — выше всего в СССР (стр. 60).

Однако авторы — либеральные буржуазные ученые — не решаются поставить все точки над «и», не решаются сказать, что единственная страна, где может развиваться и развивается наука, — это СССР, что единственная база успешного развития науки — это социалистическая система хозяйства.

Если сравнить положение нашей науки в высшей школе, наших ученых с положением высшей школы, науки и ученых в капиталистических странах, бросается в глаза огромная разница. Судьбы высшей школы, науки «в капиталистических государствах и в Советском Союзе, как и всякое другое крупное общественное явление, отражают коренное различие в развитии двух миров — капиталистического и социалистического. В странах капитализма высшая школа переживает тяжелую пору кризиса, упадка. Другое дело в СССР. У нас обратная картина»¹.

По последним данным печати о высшей школе в капиталистических странах, в вузах четырех «великих держав» Европы обучается 270 тыс. человек: во Франции и Германии — по 74 тыс., в Италии — 73 тыс. чел., в Великобритании (метрополия) — 51 тыс. В Японии в вузах обучается 146 тыс. человек. Таким образом, в Германии, Италии, Франции, Англии и Японии, вместе взятых, немногим больше 400 тыс. студентов, а в одном СССР в вузах обучается 550 тыс. человек.

В капиталистических странах количество высших учебных заведений и учащихся в них из года в год снижается. Несмотря на это, безработица среди ученых профессий непрерывно возрастает. Сейчас есть уже такие отрасли интеллигентного труда, где половина специалистов с высшим образованием без работы.

В СССР наблюдается обратное явление: хотя мы ежегодно увеличиваем количество вузов и выпускаем все больше и больше специалистов (наши вузы выпускают теперь до ста тысяч специалистов в год), у нас все еще большей

¹ Речь, понятно, идет не об отдыхе для науки, как перевел переводчик, а о десятилетних каникулах науки «a ten years' Scientific Holiday» («Frustration of science», p. 73).

¹ В. Молотов, Речь на Первом Всесоюзном совещании работников высшей школы 15/V 1938 г., «Правда», 20 мая 1938 г.

недостаток в специалистах, в «ученых профессиях».

В буржуазных странах наука отгорожена от народа.

Совершенно иное положение мы имеем в СССР. У нас наука служит народу, охотно открывает двери молодым силам, ломает старые нормы и установки. Достаточно напомнить имя Папанина, опровергнувшего старое представление об Арктике и установившего новое, соответствующее требованиям науки. Достаточно напомнить имя Стаханова, опрокинувшего старые нормы в промышленности. «Кто может отрицать, что Стаханов и Папанин являются новаторами в науке, людьми нашей передовой науки?»¹

Углубляющийся застой науки и рост безработицы среди ученых в капиталистических странах убеждают все большее количество ученых в том, что капитализм уже не в состоянии обеспечить развитие культуры, развитие науки, не способен служить делу прогресса. Ученые ищут выхода из положения, созданного капитализмом, и все больше обращают свои взоры на СССР.

А ЛИБКИНД

Baker, O. E. «A. graphic summary of farm machinery, facilities, roads and expenditures». Washington, 1937.

Рецензируемая книга О. Е. Бэкер имеет определенный интерес для советского читателя. Она содержит ценный фактический материал относительно специализации и размещения сельского хозяйства США. Представленный в книге материал целиком подтверждает выводы В. И. Ленина, сделанные более двадцати лет назад, относительно развития капитализма в сельском хозяйстве США.

В работе «Новые данные о законах развития капитализма в земледелии» Ленин указывал: «Гигантская площадь Соед. Штатов, немногим уступающая целой Европе, и громадное разнообразие условий хозяйства в различных концах страны — все это вызывает безусловную необходимость отдельного рассмотрения главных районов, существенно неоднородных по своему экономическому положению»². На основе материалов сельскохозяйственных цензов Ленин разбил народнические теории о некапиталистической эволюции сельского хозяйства и показал на примере США, как многократно показывал на примере России, что капитализм проникает в земледелие во всех районах США, что капитал все более и более подчиняет себе земледелие. Но вместе с тем Ленин показал, что формы проникновения капитализма в земледелие в отдельных районах различаются между собой, что уровень и темпы развития капита-

лизм в сельском хозяйстве имеют свои особенности в отдельных районах США. Ленин различал три главных района США, неоднородных по своему экономическому положению — промышленный Север, бывший рабочладельческий Юг и колонизируемый Запад. В каждом из этих главных районов процесс капиталистической эволюции сельского хозяйства имеет свои особенности. Ленин также показал, что внутри главных районов в отдельных штатах уровень развития капитализма различен.

Книжка Бэкера содержит интересный материал по экономической характеристике отдельных районов США, представленный в виде картограмм. Картограммы построены на данных последних цензов. Эти данные блестяще подтверждают ленинский анализ районов США.

Ряд картограмм показывает степень механизации сельского хозяйства США. Данные по районам о проценте ферм, имеющих тракторы, показывают, что наибольший процент ферм с трактором приходится на важнейшие зерновые районы — западные и центральные северо-западные. Максимальный процент ферм, имеющих тракторы, приходится на штаты Монтана, Северная и Южная Дакота, Канзас. В этих четырех штатах до одной трети всех ферм имеют тракторы. В большинстве же штатов Запада число ферм с тракторами составляет около 10—15%. Сравнительно большой процент ферм с тракторами имеется в промышленных районах Севера, а также в Калифорнии (около одной пятой ферм). Это — районы интенсивного земледелия, где значительная часть ферм капиталистических — мелких по площади, но

¹ И. Сталин. Речь на приеме в Кремле работников высшей школы 17 мая 1938 г., «Правда» 19/V 1938 г.

² Ленин. Соч., т. XVII, стр. 577.

крупных по вложениям капитала, отличающихся высокой товарностью. В продукции этих ферм большое место занимает производство овощей, фруктов — культур, требующих интенсивной обработки. Приобретение тракторов этими фермами облегчено тем, что американские заводы, приспособляясь к запросам фермеров, выпускают маломощные тракторы, более доступные по цене зажиточным фермам.

В южных штатах трактор имеют только 1,5—3% ферм. На юге США сильно распространена полуфеодалная эксплуатация в виде издольщины, которую Ленин сравнивал с «истинно русской» отработочной системой деревенской России. В этих районах земледельцу выгоднее сдавать землю издольщикам мелкими участками, чем вести хозяйство при помощи наемного труда с использованием тракторов и других сельскохозяйственных машин. Этим объясняется более низкий уровень механизации земледелия на юге, чем в зерновых районах Запада, где велик удельный вес крупных капиталистических латифундий, и в промышленных районах севера, где имеется большое число интенсивных капиталистических ферм.

Приведенная Бэкером картограмма распространения грузовых автомобилей по районам показывает те же закономерности. Наибольший процент ферм, имеющих грузовые автомобили, приходится на зерновые районы и районы интенсивного сельского хозяйства, в которых ведущими отраслями являются молоко, овощи, фрукты (промышленные районы Севера и тихоокеанские штаты). На юге же количество ферм, имеющих грузовые автомашины, ничтожно (3—5%).

Таким образом, трактор и автомобиль распространены по районам США крайне неравномерно. Но даже в тех районах, где удельный вес крупных капиталистических ферм наиболее высок, количество ферм, имеющих тракторы, не превышает одной трети, а ферм с грузовыми автомобилями — около одной четверти. В среднем же по США число ферм, имеющих тракторы, составляет около 15% всех ферм.

Приведенные факты являются ярким подтверждением того положения, что капитализм ставит предел распространению современной техники в сельском хозяйстве, является тормозом технического прогресса.

Картограмма, показывающая процент ферм с наемными рабочими, характеризует уровень развития капитализма в земледелии по отдельным районам США. Наибольший процент ферм с наемными рабочими приходится на такие штаты, как Калифорния (Тихоокеанский район), Флорида (Южно-атлантический район), Мэриленд, Нью-Джерси, Нью-Йорк, Массачусетс и Род-Айленд (промышленный район). Таким образом, применение наемного труда на фермах США достигает максимума в районах интенсивного земледелия, где ведущими культурами являются овощи, фрукты — требующие больших затрат труда. В этих районах, как мы уже указали, имеется большой процент интенсивных капиталистических ферм, мелких по земельной площади, но крупных по размерам производства. В тихоокеанских, Средне-Атлан-

тических штатах и Новой Англии фермы по своей земельной площади в несколько раз меньше чем в центральных северо-западных штатах. Но расходы на наем рабочих в среднем на одну ферму, как видно из картограммы, приведенной в рецензируемой книге, в первых районах в несколько раз больше, чем в последних. Высота же употребления наемного труда как известно, «...является самым бесспорным и самым прямым показателем развития капитализма»¹.

Ленин в свое время указывал, что «...район самых мелких ферм, Новая Англия, стоит выше всех остальных районов страны и по наибольшей степени развития капитализма в земледелии, и по наибольшей скорости его развития»². Такое же положение занимает Новая Англия и в настоящее время. Картограммы применения наемного труда, составленные по данным последних переписей, подтверждают вывод Ленина о том, что наиболее интенсивные районы промышленного севера являются районами наибольшего развития капитализма в земледелии.

Картограммы, представляющие процент ферм с наемными рабочими, и средний размер затрат на наем рабочей силы по одной ферме показывают, что наименьших размеров применение наемного труда достигает в центральных юго-восточных районах. Несмотря на то, что в этих районах ведущей культурой является хлопок, требующий больших затрат труда, наем рабочей силы здесь значительно ниже, чем в других районах США. Это объясняется тем, что здесь сильно развит издольщина. На юге «...с л а б е е употреблен наемного труда, ибо с и л ь н е е полурабская издольщина...»³.

Нужно отметить, что Бэкер приводит данные переписи 1935 г. о найме рабочей силы на первое января. Эти данные преуменьшают размеры найма рабочей силы в сельском хозяйстве, ибо применение наемного труда в земледелии достигает максимума в августе. Сопоставление данных о найме рабочей силы в сельском хозяйстве США за январь и август 1935 года показывает, что число ферм, нанимавших рабочих в августе, было в два раза больше по сравнению с январем⁴. Однако, данные переписи отражают основные закономерности в распространении наемного труда в сельском хозяйстве по районам США.

Большой интерес представляют данные о проценте ферм, употребляющих покупные минеральные удобрения. В Южно-Атлантических и Средне-Атлантических штатах и в Новой Англии минеральные удобрения применяют большинство ферм. Применение минеральных удобрений достигает значительных размеров также в центральных северо-восточных, в центральных юго-восточных и в тихоокеанских штатах. Перечисленные районы являются районами интенсивного земледелия с большим удельным весом хлопка, овощей и фруктов. В зерновых же районах США удобрения в

¹ Ленин, Соч., т. XVII, стр. 599

² Там же, стр. 599

³ Там же, стр. 587

⁴ The Agriculture situation, февраль 1938 г.

почву вносят лишь 1—3% ферм. Это значит, что в зерновых районах ведется экстенсивное хозяйство, основанное на расхищении естественного плодородия почвы. В погоне за высокой прибылью фермеры ведут экстенсивное земледелие, которое в конечном счете ведет, по выражению Маркса, к грабежу богатств и почвы.

Интересны данные, характеризующие бытовые условия фермеров в разных районах США. Специальная картограмма показывает по районам процент ферм, в которых дома освещаются электричеством. Из этих данных видно, что лишь в небольшом числе штатов в промышленных районах больше половины фермеров пользуются электрическим светом. Это — фермы, расположенные вблизи крупных городов, пригородные овощно-молочные фермы. В подавляющем большинстве штатов процент ферм, пользующихся для освещения квартиры электрическим светом, не превышает 15%. Особенно низок процент ферм с электрическим освещением на юге (2—5%).

Чрезвычайно мал также процент ферм с водопроводом и другими удобствами.

Таким образом, в стране, где городская культура стоит на высоком уровне, сельское население в подавляющем большинстве лишено элементарных бытовых удобств. На примере США мы видим, что капитализм не устраняет противоречие между городом и деревней, а наоборот — усиливает его.

С тех пор как Ленин написал свою работу о развитии капитализма в земледелии США, прошло больше 20 лет. Данные последних переписей подтверждают полностью законы развития капитализма в земледелии, установленные Лениным на основе анализа сельского хозяйства США. Здесь мы еще раз видим силу ленинской теории. В частности, находят подтверждение выводы Ленина об особенностях развития капитализма в земледелии в разных районах США.

Несмотря на неполноту экономической характеристики районов США, книжка Бэкера, наглядно показывающая особенности сельского хозяйства в отдельных районах США, представляет значительный интерес.

Содержание

	<i>Стр</i>
Сталинская Конституция в действии	3
Е. Перельман — Технический прогресс и культура производства в машиностроении	11
Г. Харатьян — Производственные мощности черной металлургии СССР и их освоение	26
А. Караваев — Сталинский закон дальнейшего укрепления колхозного строя	42
А. Болгов — Учет валовой продукции сельского хозяйства	55
М. Колганов — Учет валовой и товарной продукции в промышленности	69
А. Шпирт — Задачи рационального использования сырья и топлива	80
Д. Бузин — Жилищные условия рабочего класса в дореволюционной России и в СССР	89
П. Фигурнов — Положение рабочего класса в фашистской Германии	106
А. Бондаренко — Разорение американского фермера	124

ИСТОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

А. Реуэль — Экономические взгляды Ткачева	142
---	-----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

И. Анчишкин — О книге тов. Варга «Капитализм и социализм за 20 лет»	162
А. Аракелян — Советская Украина	167
М. Цыпкин — А. И. Шнеерсон «Финансовый капитал во Франции»	171
А. Усыкин — Загнивание науки в капиталистических странах	175
А. Либкинд — «A graphic summary of farm machinery, facilities, roads and expenditures», Washington, 1937	180

Ответственный редактор Б. Л. МАРКУС

Адрес редакции: Москва, Волхонка, 14, тел. 1-25-81

Слапо в наб. 22/VII—1938 г. Подписано к печати 21/VIII 1938 г. Формат 70 × 107. Объем 11¹/₂ п. л. (800) экз. в п. л. Союзгиз № 53. Зак. тип. № 833. Уполномоченный Главлита Р Ф С Р № Б-44672
Тираж 8750 экз. Техред. П. Широкое

18-я типография треста «Полиграфгиз», Москва, Шубинский пер., д. 40.